

ВОЙНА (ВОСПОМИНАНИЯ)

Нас, новобранцев, было 10 человек, все окончившие среднюю школу в этом 1940 году. На сборном пункте долго не мучили, проверили по документам, и – шагом марш на железнодорожный вокзал. Сопровождавший нас гражданский человек открыл секрет: везёт он нас в город Сталинск. Искра радости пробежала по душе оттого, что я буду проезжать мимо Зенковского парка культуры и отдыха, и смогу хотя бы из окна вагона увидеть его необычайную красоту. Мне вспомнились эпизоды из тех двух-трёх поездок в этот парк. На левом берегу водоёма с самой весны и до глубокой осени стояли палатки, киоски, а в воскресные дни около них толпились отдыхающие.

Работники торговли завозили сюда не только готовые продовольственные изделия, но и промышленные товары. Должен заметить, что шахтёрские города, каким являлся Прокопьевск, обеспечивались по первой норме снабжения, существовавшей тогда в нашей стране. Здесь было множество всевозможных аттракционов, весёлых развлечений, розыгрыши призов от копеечной стоимости до нескольких сот рублей. Редко, но можно было выиграть гармошку, балалайку, гитару. Не обходилось и без горячительных напитков. С левого берега можно было пройти через плотину в ресторан, большая часть которого висела прямо над водой, держась на деревянных сваях. В ресторан можно было приплыть и на лодке с левого берега. А сам сосновый бор подходил почти вплотную к левому берегу и создавал неопишемую красоту. Сосны-красавицы поднимались в высоту на 20-25 метров. Сам бор, как нарисованный на картинке, представлял собой квадрат со сторонами 2-2,5 км.

С противоположной стороны от водоёма через бор проходила дорога на Берёзово, мою родимую. По этой дороге весной 1930 года меня с мамой, Степаном и Михаилом, со всем нашим «богатством» привёз Иван на телеге в город Прокопьевск. По этой дороге с двумя товарищами мы ходили в Берёзово в 1935 году. Я так расхвалил свою деревню, наш огород и две Ветлы, стоявшие по середине огорода, что два товарища соблазнились взглянуть на это чудо. Хотя эти два дерева уже были срублены, а я об этом не знал, но всё равно мы не разочаровались. Из сучков этих ветел новые хозяева сделали забор. Сучки и веточки начали расти, образовав живой забор. Какая красота, можно ли её забыть? Эти мысли так заворожили меня, что я даже громко вздохнул: «Эх! Безоглядная юность!».

Поезд двигался быстро, и парк скрылся от меня за крутым берегом этого широко раскинувшегося водоёма. Мимолётная радость от воспоминаний сменилась тёмными мыслями: а увижу ли я ещё когда-нибудь этот парк! Вот с такими думами я ехал до своего нового пристанища. До Сталинска – 35 км. Пригородный поезд доставил нас за один час. Военный городок находился почти рядом со знаменитым металлургическим комбинатом, носившим тогда имя Сталина. Вот здесь руками тысяч таких же заключённых как и мой отец, возводился этот гигант. Второй раз я в этом городе. Первый раз сюда я приезжал на свидание со своим отцом в 1930 году. Папе тогда было 45 лет. Нас с мамой пропустили за колючую проволоку, и мы увидели папу с конвоиром около самого обрыва в котлован, где закладывалось основание будущего комбината.

Папу после «раскулачивания» без суда и следствия привезли в этот котлован, дали в руки лопату и приказали – копай. Если бы «раскулачивали» за количество детей, тогда можно было бы согласиться, ведь нас было девять. Но ведь раскулачивали-то как сверх богатого, потому и называли – «кулак». А если собрать всё богатство этого «кулака» и поделить на девять, то каждый из нас выглядел бы нищим. Несомненно, причина была в другом, но найти виновного и доказать, что он виновен, было невозможно. Мне в то время было чуть больше восьми лет, многого я недопонимал, но отца было очень жаль, я переживал – почему папа не с нами? А когда я стал взрослым, когда понял и осознал всё случившееся, то просто-напросто закрыл рот на замок и о порушенном моём детстве перестал говорить. Правда, дома в семейном кругу с мамой, с братьями мы пытались понять случившееся, но дальше слёз дело не заходило.

Мама всегда начинала рассказ с тёплых воспоминаний об отце, его добром сердце, о любви и преданности семье, о той силе его характера, с которой он шаг за шагом добивался поставленной цели. От воспоминаний мама начинала плакать, а за ней самый чувствительный Степан, а порой и мы с Михаилом, да и Иван начинали хлюпать носами, и на этом наши исследования прекращались. О том, что папа имел твёрдый, волевой характер, говорило его решение жениться против воли родителей, уехать в Сибирь, в неизведанные края, упорство, с каким он создавал семью.

Очень жаль, что сыновьям Прокопия Игнатьевича, особенно Владимиру и Порфирию, пришлось начинать жизнь без отцовской поддержки, начинать строить свою ПИРАМИДУ с нуля. Мало того, мой старший брат Владимир взвалил на себя тяжелейший груз. Он фактически стал для нас вторым отцом. Вместе с мамой нас было пять человек на иждивении брата. Владимир с мамой ежедневно ломали голову, как накормить, как одеть и обуть своё семейство. А мы беззаботно ходили в школу, возвращаясь домой просили кушать, и мама нам подавала обед. Мы не слышали от Владимира ни единого упрёка, ни единого грубого слова, проявления даже малейшего недовольства, что мы его сковали по рукам и ногам. Воспитанный в большой, дружной семье, Владимир смиренно нёс свой крест. Он сохранил нашу семью.

Второй раз я приехал в этот город – чтобы служить в Красной Армии.

Военный городок занимал громадную территорию, здесь было много воинских частей различного назначения. В некоторых местах на открытых площадках стояли артиллерийские орудия, накрытые брезентом. Вдали у высокого забора, на протяжении не менее 100 м, под деревянным навесом, накрытые брезентами стояли танки. Я ещё подумал, зачем же эта крыша при наших сибирских снегопадах и метелях?

Двухэтажные из красного кирпича казармы расположились в несколько рядов, а перед ними – большая асфальтированная площадка. На всё это я обратил внимание пока мы шли по территории от проходной до бани, или, как её здесь называли, санпропускника (какое хитрое название). Все призывники живо обменивались впечатлениями, высказывали свои желания, в каких войсках хотели бы служить. Два или три парня высказались за службу в пехоте. Их сразу же начали критиковать, но они не сдавались. Один из них высказал такую мысль: после похода пехотинец вычистил свою винтовку и даёт храпака, а танкисты и артиллеристы ещё три дня драют свою технику – вот в чём разница. Я сразу же вспомнил мой последний разговор с Иваном Васильевичем, когда я, распрощавшись со своими сослуживцами, покидал шахту. Провожая меня, Иван Васильевич поинтересовался, в каких войсках я хотел бы служить. Ни минуты не колеблясь, я с твёрдой уверенностью заявил - в артиллерии. Иван Васильевич одобрил моё желание и кратко объяснил, что артиллерия и маркшейдерская служба в своей деятельности опираются на геометрию и тригонометрию. «Ты, Саша, – сказал Иван Васильевич, – многое освоил и тебе будет легче решать артиллерийские задачи». Этот разговор с Иваном Васильевичем стал казаться мне несбыточным, у меня стала таять уверенность - а попаду ли я туда, куда хочу. Спор между призывниками продолжался до самого санпропускника. Против службы в пехоте говорили 7-8 человек, в том числе и я.

Сопровождающий передал документы младшему командиру, имевшему на петлицах три треугольника. Он назвал себя старшим сержантом. Нам приказали раздеться до гола, упаковать вещи в свои мешки, написать домашний адрес, мешки хорошо зашить, чтобы получилась почтовая посылка. Мы сложили свои посылки в углу помещения в надежде, что они будут отправлены по указанному адресу, однако по сей день мне неизвестно, дошли они или нет, так как в свою квартиру я больше не возвратился.

Из личного имущества старший сержант разрешил взять туалетные принадлежности, бритвенный прибор, носовые платки, пищевые продукты. Особо предупредил, чтобы никаких маек, трусов, свитеров и других личных вещей не пытались прятать. Всё лишнее, по словам старшего сержанта, будет изъято и выброшено. После этого мы попали в руки парикмахера. Им оказался обыкновенный солдат, не очень хорошо умеющий работать машинкой. Правда, криков от боли слышно не было, но охи и ахи были. После стрижки я сам себя не узнал. Из бывшей когда-то круглой, голова вытянулась и стала похожа на утюг.

Свои личные туалетные принадлежности мы перенесли в помещение, где после душа нам выдали военную форму. Хотя нас заверяли, что всем выдадут военную форму по размерам и росту, но на деле подгонкой обмундирования никто не занимался. Нам вынесли по десять комплектов каждого вида одежды. Если кальсоны и нательные рубашки не требовали подгонки, то галифе, гимнастёрки и, особенно, шинели в этом нуждались. Нам посоветовали по возможности меняться обмундированием между собой. Хотя обмундирование не очень подходило мне по росту, я не стал ни с кем меняться.

После санпропускника, хотя и чистых, но крайне неуклюжих, построили и привели в столовую. Желаящих взглянуть на нас нашлось несколько старослужащих красноармейцев. Они смело подходили и садились рядом с нами за стол. Их интересовало не то, что нам выдали на обед, а наши домашние запасы. Без стеснения расправлялись они с гражданскими лакомствами. Большинство новобранцев уходили из столовой с пустыми желудками.

К армейской жизни я оказался не готов. Здесь не дом - окружают тебя хотя и не враги, но и не братья родные, которые подавали мне кусочки сахара после ужина в моём далёком детстве.

Первый раз меня проучили уже в казарме, когда я, выполняя команду, сдал свой новый солдатский вещевой мешок в коптёрку вместе с мамиными пирожками и шоколадными конфетами. Утром я конфет вообще не нашёл, недосчитался более половины пирожков. Надо отдать должное вору, что он хоть оставил мне пирожки. Я знал кто был вором, но попробуй, назови его. Лучше молчать. Так я и сделал. С того времени я покупал самый минимум, тут же этот минимум съедал.

Буквально в первые же дни меня проучили ещё раз. Теперь я остался без своей уже понравившейся мне шинели. Когда по команде нужно было срочно одеться, я на вешалке своей шинели не нашёл. Там висела совсем маленькая и старая шинелька. Оказалось, что я свою шинель не пометил, не оставил на ней ни фамилии, каких-то других опознавательных знаков. За такую халатность, кроме того, что остался в старой и маленькой шинели, я ещё до полночи мыл полы в казарме. Правда, мою шапку-ушанку ещё не успели заменить, и я тут же химическим карандашом написал свою фамилию. Такой же автограф я оставил на всех своих вещах. Шинель, правда, мне заменили, но строго предупредили об ответственности за сохранность выданного обмундирования. Начальство знало, что это дело старослужащих солдат и сержантов, которые служат последние месяцы, но попробуй - поймай. Не зря пословица гласит: «на то и щука в реке, чтобы карась не дремал». Выходит, если бы я был карасём, то меня обязательно в первые же дни службы щука проглотила бы. Вот эта учёба помогла мне в будущем - больше я таким растяпой не был, по крайней мере, не помню. Но причину такого ротозейства сразу же выяснил.

Семью я никогда не покидал, в семье воров не было, прятать ничего не приходилось, поэтому рос с душой на распашку. Армия таких людей переламывает, из маменькиных сынков, хотя я им не был, воспитывает находчивых, самостоятельно мыслящих, уверенных в себе, в своих

действиях, в своих поступках солдат. Против этих требований не может быть возражений, поэтому я постепенно, шаг за шагом впитывал в себя эти неписанные суровые законы солдатской жизни.

Спали мы на матрацах и подушках, набитых соломой. Нам говорили, что это очень полезно. Может быть, не спору, но без привычки заснуть на этих «перинах» было трудно, особенно первое время. Но когда начались занятия и походы в поле, когда мы от усталости валились с ног, возвратившись в казарму, мы моментально засыпали на них и мечтали, хоть бы не будили как можно дольше.

Всегда не вовремя, так казалось, звучал противный голос дневального – «п о д ъ ё м». Вот в это время все бы отказались от сверхсрочной службы. А вот после команды «о т б о й», желающих было бы много. Наверное, согласие на сверхсрочную службу всегда подписывали после отбоя. Во время подъёма я не один раз ругал себя за сделанный шаг, вспоминал, какими словами мама будила на работу: «вставай, сынок!».

Но это были порывы души, я старался их гнать от себя. Первое время занятия, в основном, проводились в казарме. Мы зубрили уставы. Основной из них – «Устав внутренней службы и дисциплинарный устав», который определяет каждый шаг, каждое движение солдата на службе. Несколько раз выводили в артиллерийский, танковый и автомобильный парки - для ознакомления. Орудия были самого малого калибра – 45 мм, но сержант – экскурсовод так расхваливал эти орудия, будто лучше их нет и не надо. Они поражают живую силу, огневые точки и даже танки. И я не разочаровался в их возможностях, когда мы начали знакомиться со стоявшими под крышей танками, характеристику которых уже рассказывал другой сержант.

Танки не показались мне грозными, хотя сержант и пытался их хвалить. Брони на них не было, вместо пушки был установлен крупнокалиберный пулемёт. Все новобранцы были разочарованы такой техникой, но что делать, если другой нет. Надо любить то, что есть.

После прохождения курса молодого красноармейца (так тогда назывались солдаты нового пополнения), нас распределили по подразделениям. Меня зачислили во взвод управления Войсковой части – 1419 на должность радиста. Естественно, я в радио ничего не соображал. Мог только слушать чёрную тарелку, висевшую у нас дома. Тем не менее, мне разъяснили, что до конца службы из меня получится настоящий радист, какой нужен армии. Проводивший занятия младший командир подробно ознакомил нас с теми большими задачами, которые возлагаются на радиосвязь. Во всех частях и подразделениях Красной Армии радиосвязь – основное средство управления в бою. Руководитель рассказал, каким должен быть радист. Ведь ему доверяется военная тайна. Хотя это были, так сказать, громкие слова, но, тем не менее, у меня возросло желание быть радистом. Вместе с тем у радиста и в целом у радиосвязи, сказал руководитель занятий, имеется много препятствий и противников - чтобы сорвать, нарушить устойчивую связь. За радиостанциями в бою охотится противник, их засекают и принимают меры к уничтожению.

Чтобы скрыть от противника передаваемую по радио открытым текстом информацию, стали применять различные коды, одним из которых является азбука Морзе. Сперва мы учили слова, по слогам которых можно определить, сколько точек и тире содержится в каждой букве алфавита по азбуке Морзе. Потом перешли к работе на ключе. Здесь, кроме умственной и зрительной памяти, требуется идеальный слух. Ещё со школьной скамьи у меня сохранилось представление об азбуке Морзе как что-то связанное с точками и тире, а вот, как говорится, откуда ноги растут, у меня не было твёрдого понятия.

Теперь же мне предстояло самому научиться писать слова и предложения с помощью точек и тире. Вот тут я загорелся, мне это понравилось, я всё свободное время тратил на изучение азбуки. Какой-то умный человек придумал слова, разбив которые по слогам, находим код для каждой буквы. Вот эти слова: АБО, БИССАРАБКА, ВАВИЛОН, ГОЛОВА, ДОБАВКА и так для каждой буквы своё слово. Приведенные слова разбиваем на слоги. А-БО – два слога, БИС-СА-РАБ-КА – четыре слога, ВА-ВИ-ЛОН – три слога, ГО-ЛО-ВА – три слога, ДО-БАВ-КА – три слога. Мягкий слог обозначается точкой, а твёрдый – тире. Таким образом буква А обозначается точкой и тире. Буква Б обозначается одним тире и тремя точками, В – одной точкой и двумя тире, Г – двумя тире и одной точкой, Д – одним тире и двумя точками. Это всё теория, а для работы на телеграфном ключе надо изучить все знаки Морзе, чтобы автоматически передавать нужный текст. Все мы, новоиспечённые радисты могли передать 10-12 знаков в минуту, а настоящий телеграфист передаёт до 90 знаков в минуту.

Наши командиры понимали, что за те часы, которые отводились для занятий, мы больших высот не достигнем, но если потребует обстановка, то передадим нужную информацию. Меня и ещё двух красноармейцев назначили радистами на стационарную радиостанцию А-5, установленную на подресоренной тележке, похожей на фаетон. Радиостанция перевозилась тремя лошадьми. В комплект к стационарной радиостанции, входили две переносные, если мне не изменяет память, их называли РП или РБ (радиостанция полковая и радиостанция батальённая). С их помощью можно было разговаривать, если они находились в прямой видимости друг от друга «вижу-слышу, не вижу – не слышу». Это не моя оценка, это подтвердила последующая работа на этих радиостанциях. Но для устойчивой связи требовались, как говорится, практическая работа, особенно в начале войны. По радиостанции А-5 нужно было поддерживать «тепличные» условия. А-5 должна быть установлена на возвышенном месте, в качестве антенны необходимо было использовать пятиметровую мачту, имевшуюся в комплекте. Такие условия могли быть созданы где-то в больших штабах. Ну а мы занимались на РП и РБ непосредственно в военном городке. Нам нравилось войти в связь и выйти. В эфир передавали только цифры, выданные нам нашим начальником радиостанции сержантом Пономарёвым. Мы были довольны, что большую часть учебного времени мы проводили в тепле – то в казарме, то внутри радиостанции.

Вместе с радиостанцией А-5 за нами закрепили трёх лошадей. Вот где я почувствовал себя настоящим конюхом. Ежедневно подъём в 6 часов утра, вместо физзарядки – марш-бросок на конюшню, и полтора часа чистить свою лошадь. Перед обедом и перед ужином – опять на конюшню. Можешь чистить, можешь простоять около своей лошади, можешь мыть лошадь - на конюшне была баня. Если лошадь больна кожными болезнями, её помещали в так называемую «душегубку», где при высокой температуре и с каким-то лекарством таким лошадям проводили дезинфекцию. Сама лошадь помещалась в камеру-«душегубку», а голова, через отверстие в двери, оставалась за пределами камеры. Одним словом, для лошадей были созданы благоприятные условия.

Один раз в месяц проводилась выводка, а проще говоря - смотр лошадей. На конюшне появлялось крупное начальство, создавалась торжественная обстановка, а мы проклинали этот день. Каждый красноармеец выводил свою лошадь, останавливался перед начальниками, называл кличку и возраст лошади, называл себя, ответственного за эту лошадь. Кто-то из командиров, а то и ветеринарный врач, самым тщательным образом осматривал лошадь, иногда протирал спину, живот и другие части корпуса лошади носовым платком. Платок должен быть чистым, тогда ответственный получал хорошую оценку. Но такую оценку нам, молодым красноармейцам, не ставили, чтобы с первых шагов не приучать к лёгкой жизни. Если это был жеребец или конь, то проверяли и внутри машонки. Не дай Бог, если там находили плесень - ответственный красноармеец мог получить арест на 10-15 суток.

Правда, для нас, ещё не принявших присягу, было снисхождение - мы по ночам мыли полы в казарме. Я много раз удостаивался этой чести. Мытьё полов начиналось после отбоя, когда все укладывались спать. Казарма длинная, метров 50, пока её полы промоешь, половина ночи пролетела, спать остаётся мало. Всё равно подъём вместе со всеми.

Нас - красноармейцев взвода управления считали интеллигенцией. Многие младшие командиры, дежурившие по казарме, придирались к нам по малейшим пустякам. У меня и сейчас стоит перед глазами младший сержант, фамилия какая-то украинская, а украинцы страшно службистые - как он «воспитывал» меня! Я сидел около своей кровати, а он проходил мимо меня. Я не встал по стойке «смирно» и, тем самым, не поприветствовал его. Он на всю казарму кричал, - почему я проявил такое неуважение к командиру. Он был прав. Особенно в первые дни и недели службы в армии от них требовали не пропускать даже малейших отступлений от устава со стороны молодых солдат. Но смешно другое - его вид. Он был маленького роста, ниже моих плеч, физически мало развит. Самый главный его порок в том, что у него всё время текли сопля. Он кричит, а сопля спускается, чуть ли не до губы, тогда он делает глубокий вдох через нос, и сопля скрывается. Конечно же, к такому горе-командиру и отношение было соответственное.

В какой-то степени мы, радисты, были «интеллигентами» - нас мало выводили на полевые занятия. Мы видели, как танковые экипажи и артиллерийские расчёты занимались на

улице, даже в те дни, когда были сильные морозы и метели. Со временем и нас стали выводить на совместные полевые занятия с танкистами и артиллеристами. Вот тут я много раз вспоминал мою, оставшуюся дома дублёнку. Она мне досталась от Владимира или от Порфирия, через Ивана. Главное, она была очень тёплая, двойной мех – изнутри и снаружи. Вот здесь она бы мне очень пригодилась. Но что делать, шинель везде и всегда спасает солдата. Как-то спросили солдата - не холодно ли ему зимой. Он ответил – нет, ведь шинель-то шерстяная. Ну а летом – не жарко, ведь шинель-то без подкладки.

Ещё я несколько раз имел неприятности с обмотками, которые стали выдавать солдатам вместо сапог. Обмотка имела свойство вырываться из рук в самое неподходящее время – то в момент, когда проверяющий держит часы в руках, чтобы установить опоздавшего в строй солдата, то когда ты идёшь в строю и она, развязавшись, путает тебе ноги. Внешний вид у солдата в этих обмотках был просто отвратительным, выглядел в них как подстреленный журавль. Правда, большое армейское начальство считало, что ботинки с обмотками лучше, чем сапоги, особенно зимой. Наверное, генералы спят и видят себя не в блестящих сапожках, а в обмотках. Что поделаешь, начальству виднее. В полевых условиях, говорили нам, снег попадает за голяшку сапога, тает там и солдат может обморозить ноги, а за обмотки снег никогда не попадёт, каким бы глубоким не оказался сугроб.

Армию готовили к войне в сибирских снегах и морозах, а не с нашим вероятным противником – Германией, где и снегу-то почти не бывает. Один раз в неделю на политзанятиях нам рассказывали о различных видах вооружения армии этой страны. Других выражений в адрес Германии не допускалось, кроме как сосед.

Ну, если Красную Армию обули в ботинки с обмотками, то спорить не будем, обмотки вошли в историю и сыграли свою определённую роль.

Спустя месяц или чуть больше, после моего прибытия в армию, выдали справку о том, что я нахожусь на действительной военной службе в Красной Армии. В этой справке указывалось, что семья военнослужащего имеет право на льготы, установленные законодательством СССР. Правда, какие льготы предоставлялись моей маме, я тогда не знал, важно, что такой закон существовал. Позднее мне стало известно - если бы у мамы, кроме меня, других сыновей не было бы, то мне была бы предоставлена отсрочка от призыва в Армию. У меня была отсрочка от призыва, не только в мирное, но и в военное время, правда, срок отсрочки ограничивался всего тремя месяцами. Так было записано в «перечне должностей», подлежащих бронированию в угледобывающей отрасли народного хозяйства СССР. Если бы я добровольно не отправился служить, то через три месяца после начала войны у меня бронь была бы ликвидирована. Моя работа была не столь значительна, её могли выполнять люди, негодные к строевой службе.

В 1940 году народным комиссаром обороны СССР был назначен маршал Тимошенко. Он прославился тем, что издал приказ о полевой выучке войск. Не смотря на мороз и бури, нас

выводили на просторы сибирских полей на несколько дней. Правда, с нами выходили полевые кухни, нас обеспечивали утеплёнными палатками, выдавали печи-буржуйки, но к ним мы попадали только в час отдыха и на ночной отдых. Возвращались в казармы сопливые с обмороженными носами. Зато уж теперь казарма казалась, чуть ли не родным домом. Такие учения стали проводить ежемесячно. Нам с радиостанцией А-5 не разрешали выезжать. Мы таскали за спиной РП и РБ, но с ними только мучились – надёжной связи, как правило, установить не удавалось, за что нам всегда ставили плохие оценки. Не только мы, радисты, убедились в негодности этих радиостанций, но и опытные командиры, не раз бывавшие у нас на занятиях, были недовольны такой техникой. Однако, когда вопрос касался оценки нашей работы на учениях, мы получали неизменный «неуд.» На наш вопрос - почему?, нам отвечали – потому, что связь не работала.

В канун Нового 1941 года ко мне приехали три моих друга: Коля Иванов, Миша Урюпин и Федя Колесников. Официальную увольнительную мне отказали, так как я ещё не принял военную присягу. Принятие присяги назначено на день празднования. Вот такой был порядок: 30 декабря до принятия присяги в увольнение не отпускают, а 1-го января после принятия присяги на тебя ещё посмотрят. Будут разбираться, кто и по какому случаю приехал. Если приехали друзья, то лучше не говорить об этом, не дадут увольнение. Это не теперешнее время, когда на торжества принятия присяги приходят и приезжают все кому не лень. Попробуй сейчас отказать солдату выйти в город, он может «обидеться». Время было другое, обиженных не было. Мои друзья ещё не служившие в армии, таких порядков не знали. Они удивились и были разочарованы, когда на проходной не хотели даже вызвать меня на свидание. Друзья приехали всего на несколько часов, ждать сутки или двое у них нет возможности.

Есть поговорка, нет худа без добра. Вот здесь меня выручила моя «кобыла», коноводом у которой я числился. Как раз подходило время бежать на конюшню, и я друзьям указал место нашей встречи. Я провёл почти час со своими друзьями около конюшни, и они, как говорится, намотав на себе ус, что «армия не мать родная», довольные уехали домой.

Принятие присяги проходило в клубе. Нас, принимавших присягу, было меньше чем командиров, выстроившихся перед нами. С тремя шпалами на петлицах считались командиры высокого ранга, их было двое. Большинство имели на петлицах по одной шпале. Тогда я ещё путался в этих званиях – к нам в казарму они не заходили, нас воспитывали сержанты.

В середине зала был установлен стол, накрытый красным сукном. На столе лежал текст присяги. Присягу принимал командир с тремя шпалами – нам сказали, что это дивизионный комиссар. Метра три сзади стола стояли красиво одетые, начищенные, наглаженные, подтянутые командиры с различными знаками отличия. Вот они и создавали атмосферу торжественности. Глядя на них, и мы старались принять бодрый вид. Но как ни крути, а обмотки и есть обмотки. Я не против идти в поле на занятия в обмотках, но здесь, во время принятия присяги, идти строевым

шагом и бояться, чтобы обмотка не развязалась, было грустно. Да и контраст нашей одежды был разительным рядом с красиво одетыми командирами. Меня не подвели мои обмотки. Подойдя к столу, я доложил: «Товарищ дивизионный комиссар, красноармеец Леонов прибыл для принятия присяги». Дивизионный комиссар подал мне текст присяги, я его прочитал, правда, с небольшим волнением. Дивизионный комиссар поздравил меня, крепко пожимая руку. После принятия присяги с краткой поздравительной речью выступил комдив – командир дивизии.

День за днём, как-то неожиданно на улице потеплело. А когда солнце, то и на душе становится веселее. От имени мамы соседка сообщала, что дома всё нормально, у мамы здоровье хорошее. Мама готовится к посадке овощей на огороде. От Владимира пришли деньги 200 рублей. Соседка с мамой договорились, что если когда-нибудь почтальон принесёт деньги, то без соседки мама не будет забирать их, чтобы не получился обман. От Миши тоже пришло письмо, он обещает с женой приехать на каникулы. Так что у мамы появилась новая забота и хлопоты – как встретить невестку.

В конце апреля 1941 года поступила команда готовиться к переезду в летние лагеря. Каждое подразделение вывозило на железнодорожную станцию своё имущество и снаряжение. Мы, по существу, первый раз запрягли лошадей в наш фаэтон, и торжественно выехали на место погрузки. По пути на нас глазела публика – им казалось, не намерены ли мы сниматься в кино с такой техникой. Дня два мы по очереди дежурили у своего имущества. 10 мая дали под погрузку платформы и крытые вагоны. Наш фаэтон погрузили на платформу, закрепили проволокой, под колёса прибили гвоздями подкладки. Проверяющие были удовлетворены. Мы стали смеяться, что нам первый раз поставили положительную оценку.

Лошадей с большим трудом удалось загнать в крытые вагоны. В каждом четырёхосном вагоне разместили по 8 лошадей. Лошади были отделены друг от друга толстыми досками, они оказались словно в клетках. Меня и ещё одного радиста назначили дневальными по вагону с лошадьми. В вагон погрузили несколько тюков сена и несколько мешков овса. В то время, как другие красноармейцы могли свободно заниматься своим делом, я был привязан к лошадям. Их нужно было кормить, поить, а на длительных стоянках эшелона ещё и заготавливать воду. В пути следования эшелона нужно будет наблюдать, чтобы лошади не покалечили себя. Моему возмущению не было предела, а что сделаешь - получил приказ и выполняй.

Я вышел на платформу посмотреть, когда закончится погрузка.

Вдруг меня как электричеством пронзило – я увидел тихонько шагающую по платформе маму! Она вглядывалась в лица стоявших красноармейцев, спрашивала, где найти меня, но в такой суматохе ей никто бы не сказал, если бы я не вышел чисто случайно на платформу. Я вплотную подбежал к маме, только тогда она меня узнала. Мы обнялись, рассматривая друг друга. Мама спросила, – «Куда же вас везут?». Я ответил, что не знаю, но мама сама ответила на свой вопрос: «Вас везут на границу, – значит, будет война». Вот как хранятся военные секреты. Мне,

солдату, никто не сказал куда мы выезжаем, а до мамы, проживающей в другом городе, слухи дошли за полмесяца до нашей погрузки в эшелон. Мама знала, что именно сегодня 10 мая наш эшелон отправится из Сталинска. Удивительно, как она рискнула одна кинуться на мои поиски и, главное, успела найти железнодорожную платформу и меня. Не прошло и пяти минут после нашей встречи, как раздалась команда: «По вагонам!». Я успел сказать маме, что письмо от неё получил и знаю, как дома дела. Мама второпях сунула мне двадцать рублей, я машинально взял эти деньги, мы обнялись, и я на ходу вскочил в вагон к своим лошадям. Меня обожгла мысль, что может это последние деньги у мамы, зачем же я взял их, ведь меня кормят, а эти деньги только для баловства. Вот с такими чёрными мыслями я смотрел на одиноко стоявшую маму. Поезд набирал ход.

20 мая 1941-го года наш эшелон прибыл в город Новоград-Волынский. Это старая государственная граница. Вот здесь мне вспомнились слова мамы, что, наверное, будет война. В городе чувствовалось какое-то напряжение, население смотрело на нас по-разному: кто-то приветливо улыбался, пожилые люди с грустью смотрели на нас, а старушки женщины плакали, крестясь. Оказалось, что за последние дни сюда прибывали эшелоны за эшелонами, даже железнодорожники не справлялись с принятием и разгрузкой воинских эшелонов. Естественно, это отражалось на настроение жителей.

Мы разместились в северном военном городке далеко от окраины города. Судя по казармам, этот городок использовался как летний лагерь. Здесь капитально были построены только склады: продовольственный, вещевой, вооружения инженерного и химического имущества, а также здание под штаб. Все остальные постройки были летнего типа. Нам приказали привести в порядок лошадей, их амуницию и быть готовыми к передаче в другую войсковую часть. Для подготовки лошадей установили одни сутки и строго предупредили, что принимающие будут предъявлять повышенные требования. На самом деле принимающие внимательно проверили только комплектность амуниции, а у лошадей – ноги, не хромают ли они. Так без лишней нервозности мы расстались, легко вздохнув, со своими лошадьми.

В этом военном городке формировалась до полной штатной численности пятая истребительно-противотанковая артиллерийская дивизия (5 И П Т А Д), в состав которой мы и прибыли из Сибири. Основной ударной силой, если можно так выразиться, были два артиллерийских полка: 651-ый истребительно-противотанковый артиллерийский полк (651 ИПТАП) и 338-й зенитно-артиллерийский полк (338 ЗАП). Кроме этой ударной силы, было много вспомогательных частей и подразделений, таких как автомобильный батальон, сапёрный батальон, батальон химзащиты, топоотряд (это по моей гражданской специальности). Я, пожалуй, не смогу перечислить все подразделения, которые были в этой дивизии. Чтобы убедиться в том, что это была ударная сила, достаточно взглянуть на артиллерийский и автомобильный парки. Автомобильный парк насчитывал около полутора тысяч автомобилей разных марок.

Артиллерийский парк состоял из 50-ти орудий, в том числе: 76 мм противотанковых орудий – 20 и 85 мм зенитных орудий – 30. Надо заметить, что зенитные орудия с успехом применялись в борьбе с танками. Когда я первый раз увидел этот громадный парк машин и орудий, у меня сердце затрепетало от гордости за эту мощь.

Взвод управления, где я был радистом, подчинялся начальнику штаба полка, а непосредственным нашим начальником был командир взвода лейтенант Приходько. Взвод управления состоял из трёх отделений: отделения телефонистов – 16 человек, радиоотделения – 9 человек и отделения разведки – 20 человек. Каждое отделение имело свою собственную автомашину для перевозки имущества и людей. Радиоотделению для перевозки нашей радиостанции, вместо лошадей, выделили автомобиль ГАЗ-АА, так называемую полуторку. Чтобы разместить её в кузове, пришлось убрать теперь уже лишние колёса, рессоры, дышло и другие приспособления. В нашем отделении появился ещё один человек – шофер. Между отделениями нашего взвода тесных контактов не было. Мы встречались только на построениях, в столовой, на политзанятиях. Занятия по специальной подготовке проводились отдельно. Будни армейской жизни проходили в напряжённых, я бы сказал, в изнурительных тренировках выполнения одних и тех же приёмов и команд. То короткими перебежками, то по-пластунски: с нашими радиостанциями за плечами мы исползали на животе все бугры, низины и перелески вокруг военного городка. Два-три раза в неделю проводились совместные тренировки всех связистов с артиллеристами. Мы вместе с телефонистами дублировали команды с наблюдательного пункта на огневую позицию. Если мы работали только языком, то орудийным расчётам приходилось трудиться до тройного пота. То поступала команда – «Отбой, расчёт в укрытие», – тогда солдаты, приводили свои орудия в походное положение и прятались. То поступала команда – «К бою, танки слева или справа» – орудийные расчёты приводили свои орудия в боевое положение, изготавливались для стрельбы. На выполнение команд по нормам отводилось очень мало времени в минутах и секундах, поэтому тренировки продолжались до выработки у каждого солдата автоматизма в действиях.

Кроме вот такой специальной подготовки, проводились занятия по стрельбе из карабинов. Стрелял я всегда только на «отлично». А вот на занятиях по химической защите нам доставалось много мучений. Перед нами поставили задачу - довести пребывание в противогазах до 8-ми часов, поэтому один раз в неделю мы надевали противогазы почти на всех занятиях, кроме политинформации и политзанятий. Все начальники знали, что с надетыми противогазами фактически занятия по другим специальностям будут сорваны. Но, видимо, защита солдата брала верх. Вот так, по 10 часов в день продолжалась учёба, приближённая к боевой действительности.

Кормили нас слабо, если не сказать, плохо. Я и сейчас не могу смотреть на пшённую кашу. От одного её вида у меня начинается изжога, вот какой запас этого продукта отложился у меня в организме.

Но, что хорошо, то хорошо. Мне запомнилась на всю жизнь торжественная вечерняя проверка. На площадке, где выстраивалась наша дивизия, была произведена разметка на квадраты для подразделений. Один раз в неделю за 2 часа до отбоя на этой площадке в своих квадратах выстраивались все подразделения. Перед строем наш комвзвода по списку громко называл фамилию каждого красноармейца. Присутствующие отвечали – «я». Если были отсутствующие, то тщательно разбирались в причинах. Командир взвода, подав команду «смирно!», чётким шагом подходил к командиру полка и докладывал, что отсутствующих нет, или, отсутствует столько-то человек, перечислял, где они находятся, и вручал служебную записку. Таким образом, доклады доходят до командира дивизии. Перед прибытием командира дивизии в центре выстроившихся подразделений чётким шагом подходит и останавливается духовой оркестр. Видимо, по какому-то сигналу, выходит от штаба командир дивизии. Оркестр играет встречный марш. На определённом месте комдив останавливается, оркестр прекращает игру. Один из заместителей подходит и докладывает комдиву, что личный состав дивизии для торжественной вечерней проверки построен. Теперь командиры частей и отдельных подразделений по установленной очерёдности подходят и докладывают о проведенной вечерней проверке. Всё это кажется обыденным делом - чёткий подход, чёткий доклад, чёткое возвращение к своему подразделению, но когда смотришь на этот чеканный шаг командиров, их форму одежды, то захватывает дух. Не зря говорили и говорят, что девчонки с ума сходили, когда видели командира Красной Армии. Мне очень нравилась военная форма. Правда, я в детстве мечтал о морской форме, мысленно примерял её, но сейчас моё желание изменилось. Мне нравились начищенные до блеска голенища сапог, а у моряков сапог не было. Мне нравилась гимнастёрка тёмно-зелёного цвета, нашивки на рукаве, отложной воротник и петлицы с отличительными знаками воинского звания командира. А галифе - как они украшали фигуру военного человека! Правда, мне не нравились большие закругления, они напоминали уши старого слона, болтающиеся во время движения. Вот генералитет был скромнее, у них галифе были маленькие, как бутылочки.

Заканчивалась вечерняя проверка торжественным прохождением под музыку. Все командиры частей становились рядом с комдивом, а подразделения строевым шагом проходили мимо их, чеканя шаг. Подразделения возвращались в свои казармы с песнями. Мне запомнились слова одного куплета песни, которую пел наш взвод управления:

Белоруссия родная,

Украина золотая,

Ваше счастье молодое,

Мы стальными штыками оградим.

В субботу 21 июня 1941 года после ужина мы посмотрели фильм. Какой – не помню. Кто хотел, мог ложиться спать, но большинство красноармейцев группами по три-пять человек ходили около казармы, весело смеялись - ведь всегда в компаниях находились любители

анекдотов. Из некоторых мест раздавались украинские песни. Мне они очень нравились, и я присел рядом с этими ребятами. Звучали «Распрягайте, хлопцы, кони», «Ой! хмелю, мой хмелю» и другие задушевные песни. За песней время летит незаметно, мы засиделись далеко за полночь. Когда я пришёл в казарму, то и там многие не спали – кто-то кашляет, кто-то пукнет, и все это вызывало смех. Молодёжь - с вечера не уложишь, а утром не проймёшь. Я разделся и лёг под одеяло, сон быстро сморил.

Может быть час, может и меньше удалось поспать, как вдруг по всему городку начали раздаваться ружейные выстрелы, территория городка была освещена. На высоте 50-100 метров светились, какие-то фонари. Оказалось, это немецкие самолёты с большой высоты сбрасывали осветительные снаряды. Корпус снаряда разрывался, в воздухе оставалась осветительная ракета на парашютике. Было отлично видно, как ракета, покачиваясь из стороны в сторону, медленно приближалась к земле. В воздухе над военным городком висело так много ракет, что их было трудно подсчитать. Территория городка была освещена до такой степени, что свободно можно было читать письмо или газету, правда, в это время было не до чтения газет. Часовые, охранявшие склады, и патрули по периметру городка дружно открыли огонь по осветительным снарядам. Некоторые ракеты затухали высоко над землёй, некоторые, оторвавшись от парашютов, падали на землю и ещё долго светились. Может быть, эти ракеты были сбиты нашими часовыми - ни отрицать, ни подтверждать этого я не могу.

Горнист, перемещаясь от одной казармы к другой, подавал сигналы боевой тревоги. Мы знали свои обязанности - по сигналу тревоги забрать свои личные вещи, оружие, противогаз и быть в готовности выполнять поставленную непосредственным командиром задачу. Через 10-15 минут в казарму прибежали командиры. Наш командир взвода – лейтенант Приходько проверил нашу готовность и приказал - бегом к машине. К своим орудиям и машинам прибежали орудийные расчёты и водители автомобилей. Все командиры были вызваны к комдиву для получения задачи. Вернувшись, лейтенант Приходько подтвердил, что началась война. Он сообщил, что немцы большими силами вероломно нарушили государственную границу СССР и вторглись на нашу территорию.

Поступила команда – орудия, автомобили и другую технику выкатить на руках в ближайший лес и замаскировать. Оказалось, что автомобили стояли с сухими баками, без бензина. Мы, свою «гаргару», не могли тронуть с места своими силами, поэтому ждали помощи. Часа через три, когда разведчики и телефонисты нашего взвода отбуксировали свои машины в лес, тогда они пришли нам на помощь. С наступлением рассвета мы видели, как немецкие самолёты начали бомбить железнодорожную станцию, нефтебазу и ещё какие-то объекты. Густой чёрный дым поднимался высоко в небо, солнце потускнело, стало тяжело дышать. Немцы нас не бомбили. Наверняка, они были хорошо осведомлены нашей беспомощностью, да и у них, видимо, на этот час хватало более важной работы - они целый день бомбили город Новоград-Волынский.

Около обеда нас вызвали на склад ОВС и заменили наше, ещё хорошее обмундирование на совершенно новое. Питание наше в корне изменилось, порции никто не ограничивал, сколько хочешь, столько и кушай. Видимо, нужно было излишки продовольствия и одежды израсходовать до определённой нормы.

В последующие дни немецкие самолёты над нами не появлялись, город больше не бомбили, однако, не только мы со своей радиостанцией, но и артиллеристы прятались по кустам, бездействовали. Все мы несколько дней оставались в таком неопределённом положении. Невольно вспоминались патриотические песни довоенных лет, что громить врага будем на его территории, а что же получается на самом деле? Где же те стальные штыки, которыми мы, уходя с вечерней проверки, обещали защитить золотую Украину?

Уже стали появляться слухи, что немцы нас обошли, мы находимся у них в тылу. А слухи эти распространяли жители, которые рядом с нами, на полях, заготавливали сено. Нетрудно догадаться, что среди косарей могли быть и немецкие осведомители, у которых была задача сеять панику у солдат.

В конце концов, стали приходить автомобильные цистерны с бензином. Заправку автомобилей производили в ночное время. Водители прибывших автозаправщиков опровергали слухи о том, что немцы ушли далеко на восток. По их словам, в ближайшем тылу разворачиваются и формируются крупные части и соединения нашей армии. Такие сведения радовали нас. Нас не покидала уверенность, что в ближайшее время наши войска смогут собраться в единый кулак и нанесут смертельный удар по немцам.

От мамы ещё не получил ни одного письма, и теперь, когда началась война, сомневался удастся ли наладить переписку. Я маме написал несколько писем, а самое первое отправил 21 мая, на второй день после прибытия в Новоград-Волынский. Права была мама, когда, провожая меня в Новокузнецке, говорила, что нас отправляют на войну. Образ мамы возник передо мною: она с грустью смотрит на меня, наверное, не одобряет мой добровольный уход в армию.

28 июня, спустя 6 дней после начала войны, наш 651 ИПТАП занял боевые порядки западнее моста через реку Случь, которая протекала по окраине города Новоград-Волынский. Река неширокая и неглубокая, но берега крутые. Особенно левый берег, на котором сохранились ещё когда-то сделанные бетонированные доты. Здесь проходила старая государственная граница. Теперь эти укрепления бездействовали, вооружение было демонтировано. Из нескольких дотов, расположенных по берегу на удалении 50-70 метров друг от друга, я заходил в два из них, по обе стороны от моста. Тогда они мне показались надёжным укрытием, со стороны противника они были незаметны. А узкая смотровая щель – «амбразура» давала возможность просматривать ближайшие подступы к мосту с обзором 60-70 градусов. Когда-то у этих амбразур стояли красноармейцы с пулемётами.

Через Новоград-Волынский из Ровно проходила важная дорога на Житомир. Это, по существу, открытые двери на Киев. Поэтому она считалась одним из основных танкоопасных направлений, а значит здесь место противотанковым орудиям нашего полка. На военном языке это означает – оседлать дорогу. Двадцать противотанковых орудий были установлены на самых уязвимых для танков участках по обе стороны дороги. Среди артиллеристов была полная уверенность, что здесь танки не пройдут, они будут уничтожены.

Мы с переносными радиостанциями расположились недалеко от орудий, почти рядом с мостом, а машина осталась на противоположном берегу в штабе полка. Мне запомнилось, как мы добирались к месту назначения в машине, за рулём которой сидел наш новый водитель. Он не имел практики вождения автомобиля, так как работал в колхозе помощником комбайнёра. Когда его призывали в армию, он сказал, что умеет водить машину, но фактически за рулём автомашины не сидел. Прежде всего, он не мог плавно тронуть машину с места, машина у него как в судороге содрогалась 5-6 раз на месте и только потом двигалась. И ещё, он забывал отпустить ручной тормоз, прежде чем тронуться с места, но не забывал нажимать на полный газ. Двигатель надрывался вверх своей силы, а машина еле двигалась. Кто-нибудь из нас выпрыгивал из машины и, увидев, как вылетают искры из тормозных колодок, стучали по дверке кабины и кричали, стой!

Надо было видеть шофёра, когда он вываливался на землю. Лицо было красным, мокрым от пота, а он, собирая всех Богов, ругался матом и бил себя кулаком по голове. Когда он научился нормально водить машину, мы напоминали ему прошлые грехи, но он не обижался, а даже с какой-то гордостью утверждал, что теперь он будет лучшим парнем в деревне. Ведь шофер в колхозе это царь, бог и воинский начальник.

В первых числах июля в расположение наших батарей стали появляться, вместо вражеских танков, разрозненные группы красноармейцев. Они были без винтовок, без противогазов, без шинелей. У меня невольно вырывался вопрос к некоторым из них - как же ты отчитаешься за винтовку, ведь тебя отдадут под трибунал? В моё сознание все эти девять месяцев службы вдалбливался не только страх, но и строжайшая ответственность за утерю военного имущества и, в первую очередь, вверенного оружия. В ответ на это отступавшие рассказывали страшные картины боёв, в которые попала их часть. У всех у них было настолько паническое настроение, что не верить им нельзя было, но и верить не хотелось. В сознании где-то теплилась надежда, что такое не повторится, ведь вот какая сила стоит на пути фашистов - я имел в виду наши орудия. Отступавшим не дали долго останавливаться около нас, один из командиров стал быстро строить их и отправлять в город.

Ближе к вечеру, это было 2 или 3 июля, в нашу сторону то двигалась, то останавливалась машина, похожая на танк. На батарее раздалась команда «к бою!». Танкист, видимо, почувствовал опасность, вылез из машины и направился к орудиям. Это оказался наш красноармеец, механик-водитель. Правда, я не решаюсь назвать эту машину танком, потому что брони на этой машине не

было, а простая железная коробка, вооружённая крупнокалиберным пулемётом. Танкист рассказал, что немецкие танки расстреляли наши танкетки. Ему одному удалось чудом вывести машину из-под огня. Мы ходили смотреть на «это грозное оружие». Я вспомнил как нас призывников в первые дни службы в армии в Сталинске знакомили с подобными танками.

Вопросов возникало много – почему? почему? почему?, но ответов нам никто не давал. Как я сейчас вспоминаю, наши командиры не владели информацией и нам ответов не давали, бесед с нами не проводили. Это вызывало нервозность, а порой даже неуверенность в наших действиях или, вернее, бездействиях.

5 или 6 июля три батареи нашего полка были в срочном порядке переброшены под Шепетовку. Здесь ожидалось наступление немецких танков со Львовского направления. Фактически в Львов немецкие войска вошли в первые часы необъявленной войны. Батареи заняли огневые позиции у городов Изяслав и Белогорье, на правом берегу реки Горынь, а третья батарея на правом берегу реки Случь перед городом Староконстантинов. Реки являлись естественным препятствием для танков.

Видимо, немецкая разведка хорошо была осведомлена о появлении большого количества артиллерии на пути их предстоящего наступления. Через несколько дней затишья танки в обход нашей артиллерии с юга прорвались в направлении на город Хмельницкий. Вот так, весь июль и до половины августа, наши батареи «охотились» за немецкими танками, но каких-то крупных сражений не происходило.

Август месяц круто повернул судьбу нашего полка. Хотя за прошедшие почти два месяца войны нам надоело постоянное передвижение с одного места на другое, радовало то, что у нас не было большой крови, больших потерь. И мы как-то начали привыкать к своему положению. Радисты не были так ограничены в своих действиях, как орудийные номера в батареях. После дежурства на радиостанции я имел возможность заняться своим делом, мог пойти в сад и полакомиться фруктами, мог раздеться и принять загар вместе с храпом. А когда было настроение, садился писать письма. Правда, не каждый раз они у меня получались складные. Перед тем как написать письмо, я начинал вспоминать. О каждом, кому начинаешь писать письмо, свои картинки-воспоминания. Было много раз, когда насмотришься этих картинок, остаёшься, доволен и даже письмо не хочется писать. Вот и сегодня мне вспомнилась картинка, когда мы втроём – мама, Миша и я пришли в кино. Миша сказал, казалось бы, самые обыкновенные слова: «Мама, а ты ведь совсем молодо выглядишь». Этого было достаточно для мамы, она целый вечер ходила весёлая с раздурившимися щеками. Маме тогда было 55 лет. Я вижу наш кинотеатр – это настоящая громадина на 600 мест, а в фойе перед началом каждого сеанса играл оркестр, и обязательно кто-то из артистов исполнял песни. Какая-то приезжая артистка пела «...и кто его знает, чего он вздыхает, чего он вздыхает, чего он вздыхает...». Вот и сегодня, насмотревшись картин-воспоминаний, я не стал их спугивать и письмо отложил на другой раз.

Около 20 августа наш полк получил приказ занять оборону на подступах к городу Коростень и не допустить прорыва танков в города Житомир и Киев. Многого я не могу рассказать, но какие-то детали сохранились у меня в памяти, ведь будучи радистом, я часто общался с командирами и другими работниками штаба.

Батареи выдвигались на позиции к городу Коростень с интервалом в один час. Первая прибывшая батарея, с целью прикрытия остальных батарей, занимала огневые позиции на вероятном танкоопасном направлении. Последняя пятая батарея вышла на свои позиции около одиннадцати часов. Сам Коростень протянулся на несколько километров вдоль реки Уж (хитрое название). Деревянные дома утопали в садах с обилием фруктов. Через город проходили важнейшие дороги на Новоград-Волынский, на Житомир и на Киев. Две наши батареи заняли огневые позиции на подступах к городу, прикрыв дорогу Новоград-Волынский-Коростень, одна батарея расположилась по обе стороны дороги Сарны – Коростень, и две батареи на танкоопасном направлении на дороге Овруч – Коростень.

На новом месте хватает работы всем. Телефонисты с катушками кабеля за спиной бегом спешат установить связь от штаба полка с батареями и между батареями. Радисты настраивают свои радиостанции и готовятся войти в связь в случае повреждения телефонных кабелей. Меня с моим напарником Сашей Канарским направили в распоряжение командира первой батареи, занимавшей огневые позиции на дороге Овруч – Коростень.

Командир батареи старший лейтенант Горчаков принял нас, прямо скажем, недружелюбно. «Не болтайте около меня, не создавайте дополнительные мишени, копайте себе окоп на расстоянии метров в десяти и внимательно слушайте мои команды» – так распорядился комбат. Хотя земля очень мягкая и легко поддается солдатской лопате, чтобы вырыть себе укрытие, но в данном случае, нашим врагом, кроме немцев, ещё оказалось и время. Его и нам, радистам, и нашим батареям явно оказалось маловато. Со стороны Овруча появилось несколько мотоциклистов. Наши орудия не открывали по ним огонь, ожидали – что же они будут делать. Но мотоциклисты сами обнаружили наши орудия и стали беспорядочно разворачиваться на узкой дороге. Получилось замешательство, вот тут одно или два наших орудия выстрелами уничтожили немцев. Мотоциклы остались лежать на дороге. Хорошо помню, как одно колесо у опрокинутого мотоцикла ещё долго, по инерции, вращалось. Кто-то из артиллеристов изъявил желание пойти к мотоциклам, но ему помешали появившиеся танки. На все батареи была подана команда «к бою!».

Примерно в одном километре от нашей батареи немецкие танки замедлили ход, даже подумалось, не собираются ли они повернуть назад, но я ошибся. Оказалось, они ожидали подхода опаздывавших танков со стороны Сарны. Минут через 10 со стороны Сарны тоже стали появляться танки. Вот с этих двух направлений танки, непрерывно стреляя, начали медленно, как ощупью, приближаться к нашим орудиям. Примерно по 6 танков с каждого направления шли на наши орудия. У артиллеристов выработано правило открывать огонь с самого близкого

расстояния, чтобы поражать танк с первого выстрела. Я сейчас с восхищением вспоминаю работу наших оружейных расчётов, ведь ни один красноармеец не ползал около орудия, несмотря на шквальный огонь из танков. Только наводчики, прильнув к панорамам-прицелам, стояли пригнувшись, а остальные номера работали в полный рост, что неизбежно привело к первым убитым и раненым среди наших товарищей.

Танки, опасаясь минных заграждений, не развернулись в боевой порядок, а шли колоннами, порой мешая друг другу вести огонь. Этим воспользовались наши орудия. Подбив первые и последние танки, артиллеристы лишили противника манёвра и так предрешили исход боя. Двум танкам из одиннадцати удалось задним ходом скрыться, а девять танков остались на месте, шесть из них горели, три с подбитыми гусеницами не могли двигаться. Нескольким танкистам всё же удалось убежать, а остальные были уничтожены из орудий осколочными снарядами. Из 12 наших орудий, принимавших участие в этом бою с танками, были повреждены три, погибли четыре наших красноармейцев и пять были ранены, из них двое легко. Это первое боевое крещение наших артиллеристов могло обойтись с меньшими потерями, ведь многие оружейные номера вели себя как на тренировочных занятиях до войны.

Позднее я сам убедился, как в самый критический момент наступает такое душевное состояние, что страх отступает. Видимо, тот кусочек мозга, который отвечает за опасность, в это время отключается. Я уверен, что в этот момент и рождаются герои. А вот в этом бою мы с напарником натерпелись страху, как говорится, выше ушей, ведь для меня такое сражение наших орудий с танками, даже в фантазии никогда не появлялось. В душе я не мог себя представить в роли одного из оружейных номеров, орудовавших без страха у пушки во время этой дуэли.

Оказывается, почти каждый бой, каким бы он ни был успешным для победителя, не исключает и в его рядах потерь и скорби по погибшим. Так скорбил наш полк, отдавая последние почести по погибшим нашим товарищам.

В первых числах сентября немецкие войска, овладев городом Новгород-Северский, бросили свои танки на Киев, через города Шостка-Конотоп, Щорс-Бахмач, Чернигов-Нежин. Нашим батареям было приказано остановить продвижение танков, для этого опередить противника и оседлать дороги на указанных направлениях. Одна из первых батарей, во главе с командиром батареи старшим лейтенантом Горчаковым, при занятии огневых позиций севернее города Конотоп, была атакована танками. Два наших орудия были разбиты, из оружейных расчётов никто не остался в живых. Но два Горчаковских орудия, успевшие первыми открыть огонь, подбили три танка. Однако силы были неравные, танки разбили ещё одно орудие. От полного разгрома оставшихся людей и орудия спасла река Сейм, мост на которой был разрушен, а танки вброд не рискнули переправляться. Кроме того, на дороге, хотя и с опозданием, стали появляться орудия наших батарей, вызванные нами по радио. Всё это происходило на глазах у немецких танкистов. Они видели, как наши орудия оборудуют огневые позиции, готовятся к бою.

Около наших разбитых орудий происходила траурная церемония захоронения погибших артиллеристов. Братская могила приняла пятнадцать воинов первой батареи и его командира старшего лейтенанта Горчакова, с которым мы подружились после первого боевого крещения.

Уцелевшее орудие вместе с оставшимися в живых орудийными номерами, вошли в состав второй батареи, которая готовилась встретить немецкие танки и отомстить за погибших своих боевых товарищей.

На удивление, как никогда, наше командование оказалось проворным в вопросах поощрения особо отличившихся бойцов и командиров в первых боях. Уж чего-чего, но орденов не жалели, прямо на огневую позицию приезжали самые большие наши командиры и вручали ордена. орден Красного Знамени и орден Красной Звезды считались тогда самой высокой оценкой боевого подвига. Мало кто из участников первого боя остался ненаграждённым. Мне было радостно, откровенно говорю, за всех, кто получил эти награды. Ведь они действительно дрались храбро. Я и сейчас вижу руки наводчика сержанта Лысенко, они у него работали как у жонглёра на арене цирка. Наблюдая через оптический прицел за движением танка, а руками одновременно вращая подъёмный и поворотный механизмы, улавливал момент и производил выстрел. Танк загорался, а он хладнокровно наводил своё орудие в очередной танк и поражал его. Только в первом бою под Овручем сержант Лысенко уничтожил четыре немецких танка. Он был награждён орденом боевого Красного Знамени. Получая награду из рук командира полка, в ответ сержант Лысенко, как-то робко ответил: «Служу Советскому Союзу!». Командир полка сразу же отреагировал на такой вялый ответ: «Танки бил как настоящий герой, а награду получать стесняешься», - заметил командир полка. Сержант Лысенко не растерялся и даже слишком громко произнёс: «Служу Советскому Союзу!» Командир полка рассмеялся и пожал руку сержанту.

Надо было бы рассказать обо всех награждённых, но я был поблизости от орудия сержанта Лысенко и в действиях других орудийных расчётов важные моменты пропустил.

Мне хорошо запомнился день первого сентября 1941 года. С наблюдательного пункта командира полка передали, чтобы все радисты прибыли на наблюдательный пункт. Каково же было моё удивление, когда я приполз на наблюдательный пункт. Связисты и разведчики, расположившись в кружок, разливали из поллитровых бутылок водку в солдатские кружки. Я чуть не ободдел от такой вольности моих сослуживцев. Показывая на окоп, где была видна голова командира полка, я тихо спросил, что же они делают? В ответ мне сказали: «Не бойся, это наркомовский паёк». А я даже не знал, как-то пропустил мимо ушей такое важное сообщение, что с первого сентября и по 15 мая всем, кто принимает непосредственное участие в боевых действиях, будут ежедневно выдавать по 100 грамм водки. Вот так и мы положили начало, распивая для храбрости, свой доппоёк.

С напарником Сашей Канарским сидел около машины, и он показал мне бумажку. Это оказалась немецкая листовка и пропуск, который предлагалось показать при сдаче в плен. В

последние дни от этих листовок было белым-бело на поле – так усердно их разбрасывали немецкие самолёты. Мы их использовали в качестве туалетной бумаги; об этом, посмеиваясь, мы советовали друг другу. Иногда мы благодарили фрицев, что не нужно далеко отходить от того места, где сидишь. А газеты мы не использовали для этого, газеты были в дефиците, в них мы закручивали махорку.

Меня удивило то, что Канарский открыто стал повторять слова, изложенные в листовке. Как итог он промолвил – а может и вправду у них живут лучше. Я его разговор пропустил, как говорится, мимо ушей, мало ли что, другой раз, кто-то из нас сморозит какую-то глупость.

После нескольких дней затишья, немцы нанесли по нашим батареям мощный артиллерийский налёт. Самолёты просто начали «утюжить» огневые позиции, однако больших повреждений и потерь удалось избежать благодаря тому, что за дни передышки орудийные расчёты хорошо врылись в землю. Ещё не успели улететь немецкие юнкерсы, как на наши батареи волна за волной начали двигаться танки. Как-будто на дуэли сошлись эти грозные силы. Звуки от выстрелов из танков и их разрывы отличались от выстрелов и разрывов наших орудий. Выстрел из танка был какой-то глухой, видимо, распространению звука мешала сама коробка танка, а вот разрыв танкового снаряда был громким. Танки стреляли осколочными снарядами, которые разрывались при малейшем соприкосновении с землёй или с любой другой преградой.

А вот выстрел из нашего орудия – короткий и звонкий, а разрыва вообще нет, если стрельба ведётся подкалиберными снарядами. Корпус этого снаряда, сделанный из мягкого металла, при соприкосновении с танком прилипает к броне, поэтому слышен не разрыв, а мягкий шлепок, как пощёчина. У подкалиберного снаряда внутренний сердечник изготовлен из особо прочного материала – «строжайший секрет». Он прожигает броню, танк загорается. Осколки брони и осколки сердечника подкалиберного снаряда поражают экипаж танка. Это я наблюдал своими глазами, как уже вскоре появились факелы от зажжённых немецких танков.

Наши орудийные расчёты несли потери, видны были разрывы танковых снарядов прямо на огневых позициях, около наших орудий. К перестрелке пушек и танковых орудий вмешались звуки автоматных очередей. Кто стреляет и откуда, нельзя было понять, только трассирующие пули оставляли свой след то слева, то справа в сторону наших орудий и в сторону командного пункта. Немцы шли на всё, принимали последние и решительные попытки, чтобы уничтожить наши орудия и беспрепятственно двинуться на Киев.

За прошедшие почти три месяца боёв мне не приходилось видеть какие-либо пехотные части или подразделения в местах, где занимали наши батареи боевые порядки. Этим недопустимым провалом в нашей обороне воспользовались немецкие автоматчики. Может их и была не такая уж большая группа, но засчёт быстрого перемещения и не прекращающихся автоматных очередей они создавали такой шорох, от которого стал качаться маятник судьбы. Вот у многих «тот» маятник качнулся не в правую сторону – к героизму, а в левую – к трусости. И

началась паника, а паника, как известно, злейший враг на войне. Кто первый завёл двигатель своей машины, кто первый включил скорость и двинулся с места на этой машине, не туда, откуда стреляли, а туда, где он видел «свет» в конце туннеля? Вот мы – все радисты во главе со старшим сержантом Пономарёвым и лейтенантом Приходько двинулись к «свету» по этому туннелю.

Большое количество машин двигалось сплошной колонной через Прилуки, Пирятин на Лубны, в их числе и мы со своей радиостанцией. Какие-то красноармейцы в зелёных фуражках преградили дорогу, поступила команда «освободить дорогу» – и мы, свернув в сторону, поставили машину около домика. Погода была солнечная, и мы легли в тень от нашей машины. Время было послеобеденное, и мы в томительном ожидании чего-то бездействовали. Среди радистов не оказалось моего напарника Саши Канарского, значит, он воспользовался пропуском из немецкой листовки? А ведь он мой земляк, из города Киселёвска, всего 11 километров от моего Прокопьевска. 15 сентября 1940 года мы встретились в горвоенкомате и с тех пор были вместе. Категорически я не могу утверждать, что он сбежал к немцам, не буду брать на себя такую ответственность. Может он ранен или контужен и в бессознательном состоянии лежит на захваченной немцами территории?

Чувства опасности у меня не было. Не потому что я был храбрым, а просто, видимо, я недопонимал до конца сложившуюся обстановку. В сторону Киева нас не пропустили, шли разговоры, что он окружён немцами, а были и такие разговоры, что Киев захватили немцы. Значит, нам нужно смотреть на восток, а на востоке картина была мрачная. Метров 500 от нас протекала река, название её меня не интересовало, а сейчас я могу её назвать – это Сула. Перед рекой было мокрое кочкообразное болото. Кочки по своим размерам были какие-то великаны, по высоте доходили до колена. Невольно возникает вопрос - а где выход?

Но выход очень скоро появился. По противоположному берегу этой реки с юга стали появляться автомобили с орудиями и солдатами в кузове. Многие подумали, что это наша артиллерия, но – ошиблись. Это были немцы. Они отцепили орудия и приготовились к стрельбе в нашу сторону. День подходил к концу, все ждали. А чего? - никто не знал. Немецкие орудия, а их было 8, начали обстрел нашей территории одиночными выстрелами. Несколько снарядов разорвалось на болоте, затем стали разрываться на дороге. Один снаряд чуть-чуть не попал в дом, недалеко от которого стояла наша машина, и лежали мы – радисты.

Вдруг по нашей дороге на большой скорости подъехала полуторка, на ступеньках которой, держась за дверку кабины, стоял с пистолетом в руке в кожанной куртке какой-то подполковник. Он громким голосом приказал всем, кроме водителей автомобилей, выйти из укрытий и приготовиться к атаке, и указал рукой на немецкие орудия за рекой. У меня возникло двойное чувство – значит, и я должен буду через болото идти, а может быть бежать и атаковать немецкие орудия, а ведь они стреляют. Это первое. И второе – меня вдохновил поступок этого подполковника в кожаной куртке. Ведь с самого начала войны я мало видел уверенных в себе

командиров, как старший лейтенант Горчаков, а больше всего каких-то растерянных. А тут появился настоящий Буревестник, я даже позавидовал ему. Он бегал от машины к машине, от малых и больших групп солдат и командиров, валявшихся на траве и подавал команду – «выходить строиться». Мне показалось, что у него ничего не получится, но когда я увидел и услышал, нелитературное обращение к полковнику, лежавшему около нашей радиостанции: «Почему вы, полковник, не стоите рядом со мной и не готовитесь к атаке?», я понял, что это настоящий боевой командир. А вот полковника я часто вспоминаю. Кто он? Почему он один оказался около нашей радиостанции? Где его подчинённые? Ведь он к нашей радиостанции не имел никакого отношения. Растянувшись на траве в тени нашей машины, он дремал. Я был рад, когда подполковник в кожаной куртке, не по уставу, отчитал валявшегося у нашей машины полковника. Через пять или десять минут отовсюду выходили и становились в строй прямо на дороге командиры и красноармейцы. Не ожидая команды своего командира взвода лейтенанта Приходько и сержанта Пономарёва, я взял свой карабин, противогаз, вещевой мешок и встал в строй.

Отовсюду – из кустов, от автомобилей выходили на дорогу большими группами красноармейцы, растерянности на их лицах не было, некоторые даже пускали в ход весёлые анекдоты. Это значит, что новый командир им пришёлся по душе.

Вот это громадное, десять минут тому назад неорганизованное войско сейчас приготовилось выполнить приказ подполковника в кожаной куртке. Я боюсь сейчас назвать точное количество, но когда мы двинулись в атаку, увидел несколько тысяч бежавших через болото воинов.

Мир оказался тесен - вот здесь, на грязном и мокром болоте мы два прокопчанина плечом к плечу столкнулись в общей атаке. Это был Краморенко Глеб. Его родители – известные врачи в городе Прокопьевске. У Глеба была сестрёнка – красавица, звали её Лёля, за ней ухаживал мой друг Миша Урюпин. Мы с Глебом призывались в один день, вместе прибыли в Новоград-Волынский. Глеба зачислили орудийным номером в одну из батарей нашего полка, мы с ним не виделись с начала войны. Глеб был похож на борца тяжеловеса – низкого роста, как говорится, «косяя сажень в плечах». Мы с Глебом договорились наблюдать друг за другом, а если нужно будет, помогать.

Дружные крики «Урраа!» продолжались до тех пор, пока мы не перебрались на крутой противоположный берег реки. Когда такая лавина двинулась, немецкие орудия начали беспорядочную стрельбу. Снаряды рвались совсем рядом, обрызгивая грязью лицо и обмундирование. О моих чувствах в то время я ничего не могу сказать, просто у меня страха ни какого не было, это, видимо, потому, что рядом бежали такие же ребята как я, а может быть до моего сознания не доходило, что меня могут убить. Немцы не смогли своей стрельбой остановить наше громкое «ура» и быстрое приближение к берегу реки. Они в панике зацепили свои орудия и

укатили в южном направлении. У нас у всех была одна цель – разбить немцев. Хотя все были грязные и мокрые, но на противоположном берегу нам не дали остановиться. Тот же громкий голос нашего командира требовал – «Вперёд, ура!».

Оказалось, наш командир знал, что на противоположном берегу реки скапливаются большие силы немцев, чтобы завершить второе кольцо окружения киевской группировки нашей армии. Безостановочное движение и крики «ура» обратили немцев в бегство, они в панике бежали. Основная масса атакующих последовала за немцами в южном направлении, а я оказался в группе, которая ускоренным шагом двигалась на восток.

Стало темнеть, нам разрешили отдохнуть. Какой может быть отдых, когда обмундирование мокрое и в грязи, во всём теле стала нарастать дрожь, отдых оказался не кстати, многие стали самостоятельно подниматься и идти, чтобы согреться. Я несколько раз обратился к Глебу, но ответа не получил, пришлось громко крикнуть. Но и на этот мой призыв Глеб не ответил. Так мы потеряли друг друга.

Когда мы начинали атаку, я видел своего командира взвода лейтенанта Приходько и бежавших рядом с ним радистов, а вот, когда выбежали на противоположный берег реки, их рядом со мной не было. Что-то не стало слышно голоса нашего командира, поднявшего нас всех в атаку. Может быть, они все пошли в южном направлении?

Я стал беспокоиться – а правильно ли я иду? Но страх стал постепенно проходить, когда рядом со мной был слышен топот и приглушенный разговор большой массы красноармейцев. Нас было 500 или 600 человек. Правда, в лицо можно было разглядеть друг друга только когда подойдёшь вплотную. Вот эта масса людей двигалась всю ночь, не зная куда. Помню, как, засыпая на ходу, я наступал на ноги впереди идущему или, останавливаясь, получал толчок в спину. К рассвету мы подошли ещё к одной реке, один вид которой приводил в дрожь - неужели надо будет опять мокнуть, переправляясь на ту сторону? Храбрых не оказалось, и вся наша группа двинулась вдоль реки на север. Среди этой массы людей не оказалось ни одного командира, а без командира у солдата нет уверенности в своих действиях.

Более суток в движении измотали красноармейцев. Многие - кто группами, кто в одиночку расположились на траве для отдыха, тем более, что солнце стало всё сильнее и сильнее припекать, идти становилось всё труднее и труднее. Усталость овладела мной и я, распластавшись на траве, уснул юношеским безмятежным сном.

Вдруг послышались автоматные очереди. Сон мгновенно пропал. Оглянувшись вокруг - лежавшие неподалеку солдаты вставали и с напряжением смотрели в ту сторону, откуда были слышны выстрелы.

Вскоре прибежало несколько красноармейцев, к ним кинулись все лежавшие на берегу с одним вопросом – кто стреляет, неужели опять немцы? Ответ был неутешительный. Да, там немцы, они захватили мост через реку и не дают к нему подойти. Сам собой возник

неприятнейший вопрос - неужели мы окружены? Словно электрический разряд проник по всему телу.

До самого моста было расстояние около километра, на противоположном берегу реки никто не стреляет, немцев не видно. Стихийно возникшее собрание стало искать выход, что делать? Прежде всего, стали выяснять - нет ли командиров или хотя бы старослужащих красноармейцев среди нас. Командиров не нашлось, а старослужащими назвали человек пять. Наши взоры и все надежды были обращены в их сторону. Чувствовалась готовность выполнять их команду. Кто-то предложил переправиться на противоположный берег, пока там не видно немцев, но оно было отвергнуто, так как без разведки можно мокрыми и чистенькими попасть прямо в лапы врага.

Окончательный вариант решения был таков: сейчас отдыхать, а с наступлением темноты штурмом овладеть мостом. Старослужащие создали своеобразный совет и приступили к подготовке ночного штурма. Всех, кто имел автоматы, построили, и мы увидели, что это большая сила. Их оказалось человек 70. За каждым автоматчиком закрепили по два красноармейца, у которых вообще не было оружия. Получалось, что они как штрафники должны были своим топотом и криками «ура!» посеять панику у немцев, охранявших мост и овладеть мостом. Тех, у кого были винтовки и карабины, а нас набралось человек 500, зачислили в резерв. К нам подошли для знакомства два старослужащих красноармейца, будущие наши командиры. Они действительно были старослужащими. Если бы не война, то осенью, вот сейчас, они бы уже возвратились домой. К немцам у них было особое отношение.

Томительное ожидание темноты изнуряюще действовало на самочувствие, мне не хотелось ни с кем общаться, хотя рядом группы бойцов тихо беседовали. Про пищу и думать не хотелось, а ведь последний раз по-настоящему мы кушали два дня тому назад. Правда, иногда за эти дни жевали сухари. В вещевых мешках, в неприкосновенном запасе у нас было целое богатство (одна банка свиной тушонки, одна банка колбасы, две банки рыбных консервов, кусок копченого сала, две пачки галет, сухари в избытке). Одним словом, про голод могли и не беспокоиться. А может эти продукты будут не нужны? - даже такая пробежала мысль.

В конце концов, наступила долгожданная темнота. Над рекой стал нависать туман, жары, как и не было, по телу пробежала дрожь. Правда, она вскоре прошла, когда мы начали торопливо собираться по своим группам. Двигались тихо, курить и разговаривать было запрещено. Тем не менее, топот такого большого количества ног и шорох снаряжения был слышен в ночной тишине. Не доходя метров 50 до моста, мы увидели на противоположном берегу ярко горящие костры, мост был хорошо освещен. Около костров людей не было. Первая атака нашей штурмовой группы сразу же захлебнулась, по ней был открыт такой массивный автоматный огонь трассирующими пулями, что казалось, не только солдаты, но и мышь не сможет забежать на мост. Штурмовая группа отступила, автоматная стрельба прекратилась.

Наши новые командиры стали совещаться. Спросили – у кого есть гранаты? Чтобы атака на мост получилась успешной, надо было, приблизившись к мосту, забросать гранатами немцев, а уж потом ринуться с криками «ура» всей нашей массой. Такое мнение было наших новых командиров. Гранат оказалось слишком мало, всего 6. В середине ночи ещё была предпринята попытка захватить мост, но шквальный огонь немцев положил всех, кто приблизился к мосту. Однако, как выяснилось, ни раненых, ни убитых не оказалось. «Значит, немцы нас пугают, стреляют поверху головы», – раздался чей-то голос. Но ему тут же предложили пойти и проверить, куда ему попадёт автоматная очередь. Больше в эту ночь мы не пытались атаковать.

Наступивший день не принёс никаких утешающих новостей. На противоположном берегу изредка показывались немцы - то около одного домика, то около другого. На нашей стороне была открытая местность. Ни деревьев, ни домиков, а у немцев было около 10 домиков и кругом высокие деревья. Немцы нас видели как на ладошке, наверняка они нас поштучно пересчитали. Однако наши новые командиры не усматривали в этом большого греха. Пусть видят, – нас много, а их что-то не густо, они пусть нас боятся. Ни справа, ни слева стрельбы не было слышно, а на войне тишина даже пугает солдата: чего ждать, что будет?

Много раз приходила грязная мысль, может быть мы уже в тылу у немцев, но я каждый раз отметал её. Этот день оказался самым томительным, несколько раз перед глазами вставляли воспоминания о моей работе табельщиком, мои беседы с Иваном Васильевичем, но эти картинки, как-то не задерживаясь, исчезали. Настроение было такое, хоть волком вой. На душе томительная тревога, не знал, как её преодолеть. Неподалеку лежавшие солдаты начали греметь котелками. Это меня отвлекло от дурных мыслей, я решил перекусить. Я давно точил зуб на свиную тушёнку, но одному не справиться с 500 граммовым весом этой банки. Я крикнул: «Кто хочет тушёнку, подходи!» На мой призыв отозвались два солдата. Жирная тушёнка с сухарями портила всё впечатление, все заговорили про кипяток. Проблема оказалась разрешимой, река рядом, котелки есть у каждого, так что через полчаса мы наслаждались кипятком, промывая свои кишки. Ну а дальше - все знают, что «после жирного обеда, по закону Архимеда, надо пузырёк на середину».

Погода была хорошая, меня пригрело, и я уснул. Сны полезли один за другим. К чему бы это, не знаю, но мне запомнилась картина, как мы с братом Михаилом в Берёзово из дров строили домик около нашей печки. Я подставил свою голову, вернее левый глаз под ножик, которым рубил дрова Михаил. В том далёком детстве крови почти не было, а сейчас, во сне, полилась обильная кровь из левого глаза. Появившаяся мама, прижимая меня, громко кричала, вот этот крик и разбудил меня. Слова маминого крика нельзя было разобрать. Я как очумелый долго не мог прийти в себя, что за сон, к чему бы это? Отгадать причину появления этого сна и, тем более, что он предвещает, я не мог. Большая кровь, брат Михаил и крик мамы окончательно вывели меня из равновесия. Где Михаил, неужели и его призвали в Армию, может быть он тоже на фронте, где-то рядом со мной, и нам не удаётся встретиться? Я стал бояться приближающейся ночи и

предстоящего штурма моста через реку, а вдруг меня, – да! И такое крутилось в голове. Даже появилась какая-то бредовая мысль, а не скрыться ли, не отстать ли от всех, с кем идём вот уже третий день?

Ход мыслей прервала команда на построение, я обрадовался, что пойду вместе со всеми штурмовать мост. Как и в прежние ночи, первыми двигались к мосту автоматчики. Подойдя к мосту, мы не увидели горящих костров на противоположном берегу реки, это как бы озадачило наших командиров, – какой сюрприз приготовили нам немцы? Один из солдат-командиров прокричал: «Вперёд за мной, Ура!». Все кинулись за ним, оглашая ночное небо громогласным «Урррааа!». Ответной стрельбы со стороны немцев не было даже тогда, когда мы прибежали на противоположный берег. Среди наших командиров возникло замешательство, неужели попали в ловушку? Две-три минуты тишины по нервному стрессу были в десятки раз напряжённее, чем предыдущие неудачные ночные штурмы моста. Тишину нарушил мужской голос: «Не бойтесь, немцев нема, уси поубегли». Радости нашей не было предела, мы даже обнимались друг с другом. Мы оказались в городишке Гадяч, а штурмовали мост через реку Псёл. Мужчина рассказал, что у них высадился немецкий десант, не больше 8-9 человек, все хорошо говорили по-русски. Немцы сидели в городе три дня охраняя мост. Ни в город, ни из города никого не пропускали, а сегодня утром их как ветром сдуло. Никто не знает, куда они пропали.

До утра мы оставались на берегу все вместе, наши командиры не советовали нам отходить, чтобы не попасть немцам в руки. С наступлением рассвета и у нас появилось радостное настроение. Большинство солдат направились в город Ахтырка. Я тоже пошёл. Там мы встретили солдат в зелёных фуражках, они указали дорогу на сборный пункт, где оказался представитель 651 истр. противотанкового полка, который собирал всех, кто служил в этом полку. Через день нас отвезли на машине в город Сумы, где работал представитель штаба нашего полка. На нас завели какие-то карточки, с каждым беседовал сотрудник «Смерша». Он выяснял, где я находился четверо суток, не попадался ли к немцам, как попал в г. Ахтырку, кто может подтвердить, что я вместе с ним или с ними добирался из м. Лубны, где моё оружие. Эта проверка меня не напугала. Главное оправдание, что я сохранил своё оружие. Правда, мой карабин был красным от ржавчины, за что я выслушал нелицеприятную нотацию.

Сейчас я уже не могу точно сказать, сколько дней нас «накапливали» в городе Сумы. Так нам говорили - вот накопится нас побольше, тогда решат, что с нами делать. Однако, стремительное наступление немцев вынуждало наши войска порой без боёв оставлять города и деревни. За всё время с начала войны с нами первый раз вот здесь в г. Сумы какой-то политрук провёл политинформацию. От такого откровения волосы вставали дыбом. Он сказал, что немецко-фашистские войска продвинулись к Прибалтики, Белоруссии и на Украине на 400-600 км, прорвались к жизненно важным центрам. Наши войска понесли огромные потери и в трудных боевых условиях, часто пробиваясь из окружения, вынуждены были отступить вглубь страны.

Вместе с тем политрук рассказал о небывалом героизме защитников Брестской Крепости, Одессы, Севастополя. Труженники тыла в крайне неблагоприятной военной обстановке в июне-июле 1941 года из опасных районов прифронтовой полосы эвакуировали на восток страны несколько сот военно-промышленных предприятий. Политрук не произносил хвалебных призывов, но как-то твёрдо заявил, что успехи немцев временные, они не должны посеять панику у нас, наша страна и наш народ расправят плечи, и мы победим. После такой информации солдатский кругозор значительно расширился.

А вот когда мы в беспорядке отступали, у меня в голове крутилась песня времён гражданской войны: «Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане, свой закончили поход». Какая-то злая шутка навязчиво лезла в голову - а не заставят ли нас немцы закончить войну на Тихом Океане. Правда, такой поворот событий меня не устраивал. И вообще, зачем такая дурь в голову, не дай Бог высказать такую ерунду вслух, и я бы один загремел мыть ноги в Тихом океане, но не в красноармейской форме, а в тюремной робе.

Далеко я от сборного пункта не отходил, но пытался поблизости найти своих сослуживцев - где командир взвода, где сержант и радисты, где Глеб Краморенко, что с ними?

В конце концов, на сборный пункт пригнали несколько автомашин ГАЗ-АА и мы, как столбы стоя в кузове машины по 25 человек, двинулись на восток.

На дорогах творилось что-то невероятное. Кто, куда и зачем движется, разобраться было невозможно. На запад идут войска, это понятно, идут на фронт – лица у солдат суровые, но во всём чувствуется организованность. Но и на восток тоже двигались войска. Это, на мой взгляд, не отступающие, так как у них тоже чувствовалась дисциплина. Ну и, конечно же, двигалась на восток масса гражданских людей – пешком с узлами на спине, на повозках с детьми и всем своим скарбом. Не мало двигалось и людей в военной форме, правда, не совсем в военной. У некоторых внешний вид напоминал окопных солдат гражданской войны. Их было жалко, – сразу можно было понять, что они участвовали в тяжёлых боях. Наши машины подолгу простаивали, ожидая, пока не пройдут войска на фронт.

А как мы ехали, словами не расскажешь, надо было видеть. Машина тронулась с места, все столбы, стоящие в кузове (я имею в виду нас, солдат) валятся на задний борт, а когда машина тормозила, то мы давили кабину. Погода стояла жаркая, ни облачка на небе, дорога, разбитая в ямах и ухабах, от движения войск пыль стояла, как говорится, столбом и мы, качаясь в кузове, задыхались от этой пыли. Вот в таких условиях мы двигались в глубокий тыл. И в самом деле, Воронеж, куда мы прибыли на третий или четвёртый день, находился в глубоком тылу. Вот здесь собирали остатки не только 651 ИПТАП, но и всей 5 противотанковой артиллерийской дивизии. Почему собирали? Да потому, что в этих частях служили обученные и испытанные в боях артиллеристы. Наверное, до конца сентября поступало пополнение, но уже принимали не только

бывших артиллеристов, но и всех подряд. Правда, старались отбирать более грамотных и физически здоровых.

Нас привезли не в сам город Воронеж, а в деревню Новая Усмань. Насколько я помню, она находилась от Воронежа не более чем 15 км. Позднее мы ходили пешком в баню в город. Нас разместили в дома к жителям, в зависимости от состава семьи хозяев и наличия жилой площади. Я ещё с двумя солдатами попал к одной старушке, у которой муж и сын были на фронте. Питались мы из солдатской кухни. Прежде чем разместить по квартирам, с нами была проведена воспитательная работа. Сказали: «В рот хозяевам не заглядывать». В самом деле, нас кормили вполне сносно, а наша хозяйка не всегда имела, то, что мы ели. Правда, иногда она делала ряженку, которой нас угощала. Мы для приличия отказывались, но хозяйка настаивала, приходилось сдаваться.

Наше пребывание здесь называлось переформировкой. Значит, нашу часть укомплектуют людьми, орудиями, автомобилями, средствами связи, другой военной техникой и снаряжением – и на фронт. Долго в тылу засиживаться не дадут.

Люди для пополнения нашего полка прибывали быстрее, чем техника. Наш полк за три месяца боёв потерял 20 противотанковых орудий 76 мм калибра. Большинство орудий было или раздавлено немецкими танками, или разбито прямыми попаданиями снарядов. Несколько орудий остались целыми на захваченной немцами территории после того, как солдаты орудийных расчётов были убиты или искалечены. Сколько всего погибло людей за это время в нашем полку, никто не подсчитал и уже не подсчитает. Даже такие, скупые строчки: «Ваш сын героически погиб, защищая нашу Родину», их матери не получают. Этим героически погибших наших боевых товарищей будут вечно считать «без вести пропавшими». Никто не узнает их фамилий, только их матери и отцы, их братья и сёстры, их жёны и дети будут вечно оплакивать невосполнимые утраты.

В начале октября подразделения полка были полностью укомплектованы рядовым и сержантским составом, но отсутствовала основа нашего полка – артиллерийские орудия. Занятия проводились по тактической подготовке как с пехотой. Такие занятия быстро надоели, бывшие фронтовики стали выражать недовольство, нередко пьянствовали, а этого зелья – самогонку можно было найти в каждом доме. Беседы, политинформации, даже угрозы и наказания не всегда давали положительный результат. Надо было организовать настоящую боевую подготовку, увлечь солдат, заинтересовать полезным для фронта делом.

На утренних политинформациях, проводимых каждый день, нас знакомили с обстановкой на фронтах. Как гром среди ясного неба, поступило сообщение, что 21 сентября 1941 года немцы захватили Киев. Наши войска попали в окружение, понесли большие потери, с трудом прорываются из окружения на Харьков.

С призывами и яркими речами никто не выступал, у каждого были свои мысли, раздумия. Вот их и не хотелось высказывать преждевременно. Вот когда раскрылась загадка, почему немцы с особой яростью и ожесточением, не считаясь с большими потерями, бросали волна за волной свои танки на наши орудия под Бахмачем и Конотопом. Немцы, видимо, знали, что до захвата Киева остаются считанные часы, поэтому они применили настоящий штурм, пустив в ход авиацию, танки и даже забросили в наш тыл автоматчиков. Невольно вспомнился подполковник в кожанке с пистолетом в руке, наша атака и крики «ура», бег немцев. Вот там, на противоположном берегу реки после атаки случился водораздел. На юг побежала основная масса атакующих, а я с меньшей группой пошёл на восток. Неужели те, кто побежал за немцами на юг, попали в окружение и сейчас с трудом пытаются прорваться к своим? Если с ними подполковник в кожанке, то они обязательно вырвутся, так я успокаивал себя.

Только в первой декаде октября 1941 года стала поступать техника. Сперва прибыли автомобили. Мы ходили их выгружать на каком-то полустанке на окраине Воронежа. Вскоре прибыли все орудия, сразу у командования как гора с плеч свалилась – можно было начать подготовку орудийных расчётов.

В конце октября погода резко стала ухудшаться, всё говорило о том, что зима идёт, зима стучится, нам негде спрятаться-укрыться. Для сибиряков приход зимы в это время - нормальное явление, но это там, в Сибири, когда смотришь на зиму через окно из тёплой квартиры, а здесь и чёрт зиме не рад. Даже цыган говорил: «А нельзя ли, батенька, за одно лето две зимы отдать».

Мы целыми днями занимались на улице, но ночью спали в теплых домах, хотя тоже не против были бы променять две зимы на одно лето. В полку радиостанций не было, поэтому радисты занимались вместе с телефонистами изучением телефонных аппаратов, прокладкой телефонного кабеля. А вот азбукой Морзе не занимались. На одном занятии с телефонистами, проводивший занятия командир взвода, задал вопрос: "Когда телефонный аппарат расходует больше энергии, при переговорах или, когда нажимаешь зуммер и вызываешь абонента?». Желающих ответить не нашлось, и командир сам ответил: «При вызове абонента». Не раз возникал вопрос: где, в какой должности служить безопаснее и легче, однако, ответа на этот вопрос я не находил. Везде опасно, везде трудно, везде можно погибнуть, даже не встретившись лицом к лицу с немцами.

Были и весёлые дни. Правда, их было не так много. Я имею в виду те дни, когда к нам привозили посылки. Радости не было предела, когда в посылке находили тёплые, нежные письма, с просьбой беречь себя и давить фашистского зверя. Чаще всего в посылках находили шерстяные носки, рукавицы, шарфы, кисеты для махорки, с вышитым именем девушки. Не обходилось и без сладостей, почти в каждой посылке находили конфеты и печения. В эти дни не надо было проводить митингов, говорить громкие слова, хотя и без этого не обходилось, но сам факт получения, даже самой малой вещи вызывал прилив небывалой гордости за наш народ. Разве

можно было остаться равнодушным к той девушке, которая работала две смены подряд, а, придя домой, садилась вышивать носовой платок или кисет для неизвестного солдата. Нельзя было остаться равнодушным к тем миллионам женщин, которые на колхозном поле работали без мужчин, за троих мужчин, ушедших на фронт. От этих женщин, вместе с посылками приходили коллективные письма, в которых они рапортовали нам о своих успехах.

Однако, если бы мне пришлось написать письмо этим женщинам-колхозницам или девушке Вере, чей носовой платок я получил, то у меня не получилось бы рапорта о моих успехах на фронте. Ведь даже маломальского подвига я не совершил. Правда, единственное, что я мог написать в своём рапорте – то, что для совершения подвига, у меня просто не сложились обстоятельства. Может быть, мне и поверила бы эта девушка Вера, не знаю...

Заканчивалась наша реформировка, снабженцы привозили и выдавали недостающее имущество и снаряжение. В конце концов, мы получили радиостанции, хотя восторга от этого события у нас не было, опять те же «вижу-слышу, не вижу-не слышу».

Самая большая радость была у орудийных расчётов: вместо автомобилей ЗИС-5, они получили артиллерийские тягачи на гусеничном ходу. Для них такая техника обеспечивала хорошую манёвренность. Тягачи не застревали в снегу, имели высокую проходимость по разбитым дорогам, где, казалось бы, трудно преодолеть непролазную грязь.

В настроении средних и старших командиров, в их поведении произошли какие-то изменения. Появилась нервозность, излишняя торопливость, которая незамедлительно передавалась нам - солдатам. Первая причина тому - появление в полку различного рода проверяющих и консультантов, которые интересовались не только питанием и обмундированием, но и ходом боевой подготовки, боевой выучки, слаженности, взаимозаменяемости в бою. Фактически все, от рядового солдата, до командира полка сдавали экзамен: сможем ли мы уже сегодня преградить путь немецким танкам, безнаказанно разгуливающим по нашей земле. Вопрос стоял очень серьёзно - или мы отсиживались по тёплым хатам, или мы с высокой ответственностью готовились к предстоящим боям. Инспекторская проверка выявила много недостатков, но общая оценка была положительной. Значит, в ближайшее время мы отправимся на фронт.

Где придётся встречать 7-8 ноября – праздник Великой Октябрьскрй Революции – никто не знал. Но ни у кого не было сомнений, что праздновать здесь в деревне нам не дадут. По традиции, сложившейся в нашей стране, принято в дни праздников совершать подвиги.

А с фронта поступали тревожные известия. Об этом нам на митинге перед отправкой на фронт сообщил командир полка полковник Гусаков. «Немецкие войска, – сказал командир полка, захватили город Харьков, окружили значительные силы наших войск. Мы отправляемся на фронт, чтобы остановить дальнейшее продвижение немцев и оказать помощь попавшим в окружение нашим товарищам».

Наш полк занял боевые порядки на левом берегу реки Оскол в районе населённого пункта Валуйки. В течение всей зимы с ноября 1941 по май 1942 года батареи полка много раз меняли свои огневые позиции то под городом Губкин, то под городом Новый Оскол, то под городом Троицкое, прикрывая танкоопасные направления, но за пределы реки Оскол не переходили. Немцы не предпринимали попыток дальнейшего продвижения на восток. На военном языке это считалось – наступило затишье. А затишье обычно заканчивается грозой. А такой грозе способствовало наше полнейшее бездействие, прежде всего, со стороны командиров.

Батареи заняли огневые позиции на танкоопасном направлении, но не приняли элементарных мер для обеспечения устойчивости, живучести своих орудий и орудийных расчётов. Орудия занимали огневые позиции среди высоко стоявших подсолнухов, оставшихся не скошенными ещё с осени 1941 года. Почти весь декабрь, самый холодный месяц с обильными снегопадами, солдаты и сержанты сидели над кострами, прежде всего, демаскируя противнику своё расположение и, главное, почти все солдаты от дыма обветрили, глаза покраснели, губы и щёки потрескались. Кроме того, постоянная бессонница валила с ног ещё недавно бодрых солдат. Ни командир полка, ни командир батареи, ни командир орудия не имели понятия, что надо вырыть окопы для себя, укрыть орудия и только тогда можешь с уверенностью победить врага. Этого навыка у нас не было, опыт пришёл, когда немцы нам изрядно набили шишек.

Наши орудийные расчёты кусками снега обкладывали свои орудия со стороны противника и на этом инженерные работы заканчивались. Теперь вот, оглядываясь назад, с глубокой болью и сожалением вспоминаешь наши промахи. Не только сегодня, но и тогда каждый орудийный номер понимал, что борьба с танками носит скоротечный характер – это дуэль, которая для одного может оказаться трагедией, драмой, а для другого – радостью. Твоё орудие противостоит такому же орудью, но укрытому бронёй. Танк в этом случае оказывается менее уязвим, значит, противотанковое орудие обязано первым открыть огонь и не просто открыть огонь, а с первого выстрела поразить танк. Я со своей радиостанцией находился у костра вместе с солдатами одного орудия. В канун Нового 1942 года, как и в обычный день, без торжеств мы выпили каждый свои наркомовские 100 грамм. В такой холод я даже не почувствовал тепла в теле. Обычно я с кем-нибудь спаривался и тогда, но уже через день, выпивал 200 граммов, а вот перед таким праздником желающих отдавать свою порцию не нашлось.

Утром 1-го января 1942 года началась пурга, ветер усилился, дежурные наблюдатели около орудий притупили свою бдительность и поздно подняли тревогу о приближении танков. Орудийный расчёт успел занять свои места у орудия, но первым открыл огонь танк, приблизившийся к орудью на недопустимо близкое расстояние, не далее чем на 400 метров. Разрыв танкового снаряда разметал всю снежную маскировку с орудия. Второй снаряд попал в левую сторону заградительного щита орудия, где занял своё место наводчик. Снарядом, как пилой, отрезало щиток, орудийную панораму и голову наводчика. Наводчик сержант (за точность

его фамилии не ручаюсь) или Епифанов, или Ефимов – худощавый, высокого роста красавец, на какое-то время застыл, сидя на своём сидении и держась за подъёмный и поворотный механизмы орудия, затем тело обмякло, и он повалился сперва на станину орудия, а потом на землю. Вместе с наводчиком погибли ещё два орудийных номера, в том числе и дежурный наблюдатель. Боль за погибших товарищей, в какой то мере сглаживает то, что танк-убийца был подбит из другого нашего орудия и долгое время горел, напоминая о нашей трагедии.

Может быть, среди командного состава этот позорный, преступный случай и был обсуждён, но с нами, непосредственными виновниками никто даже не разговаривал.

До весны, до наступления тёплых дней, мы сушили свои сопли у костров. Пламя костра обжигает лицо, а спина мёрзнет, погреешь спину, лицо синееет. Мы, два радиста, на ночь устраивали себе ложе для отдыха. Разгребали снег до земли, на землю укладывали сухие сучки и поджигали, земля оттаивала и просыхала. Костёр разбрасывали в снег и тушили. На высохшую от костра землю укладывали сосновые или еловые ветки и накрывали плащпалаткой – получалась постель. Мы ложились спина к спине и накрывались второй плащпалаткой. Если землю прогревали длительное время, то спать было невозможно, от испарения мы становились мокрыми. Правда, со временем мы изучили время прогревания земли и спали нормально.

Весь апрель 1942 года шла подготовка к освобождению Харькова. Надо было вырвать инициативу у немцев. Ежедневно прибывали всё новые и новые войска, занимали исходное положение танки и артиллерия. Наш полк занял огневые позиции в районе Валуйки. 12 мая было начато наступление, которое имело успех. Батареи полка выбрасывали на самые опасные направления, даже впереди пехоты в Купянск и Чугуев.

Успех не удалось закрепить, немцы бросили большое количество танков, против которых наши батареи не смогли выстоять, многие орудия были разбиты вместе с орудийными расчётами, а наступавшие части были окружены. Незначительная часть нашего полка без орудий, машин и другой техники вырвались, не попав в окружение.

Радио и газеты позднее очень скупо сообщали, что южнее Харькова под городами Изюм, Барвенково и железнодорожной станции Лозовая были окружены значительные силы войск. Мне, рядовому солдату, находившемуся вместе с одной батареей нашего полка в этом бою, эти скудные сообщения газет видятся в другой окраске. Я видел в пределах допустимого моим глазам зрения не один и не два немецких танка, а более десяти идущих прямо. Танки стреляли непрерывно, они срезали всё, что попадало под разрывы их снарядов.

Можно подумать, что я рассказываю по пословице «у страха глаза велики». Нет, страх у меня был, не спорю, но не в глазах, а в сознании за жизнь своих боевых товарищей и, конечно же, за свою жизнь. Остаться живым среди погибших товарищей, было бы пыткой хуже смерти. А попасть в плен живым меня тоже не устраивало. Погибнуть я мог каждую минуту, хотя и находился в стороне от орудий со своей радиостанцией. Как мишень я не представлял опасности

для танков, они охотились, прежде всего за орудиями, стрелявшими по танкам. Наши солдаты вели себя геройски, орудия стреляли до тех пор, пока были исправны, пока оставалось кому наводить орудие и подавать снаряды. Я не могу сейчас сказать, какое орудие и сколько немецких танков уничтожило, но горело немецких танков много.

Превосходство немецких танков над нашими орудиями было настолько велико, что они не обращали внимания на подбитые и горевшие свои танки. Значительная часть немецких танков на большой скорости прошла в наш тыл, чтобы завершить окружение наших войск. Немецкие танки пренебрегали опасностью, что за их спиной остались наши орудия. Они были уверены, что следом за ними идёт вторая волна танков с пехотой на броне.

Не помню, кто из оставшихся в живых командиров подал команду: «Исправную боевую технику привести в негодность, раненым оказать помощь и всем вместе уходить в тыл». Все способные передвигаться наши солдаты то по-пластунски, то короткими перебежками стали уходить, укрываясь от танков противника.

НА СТАЛИНГРАД

Это не команда – «штурмом овладеть городом», а паническое бегство от Харькова до Сталинграда. Я и сейчас слышу проклятия в адрес отступающих войск. «На кого вы нас покидаете, горе-защитники!». Не только женщины с детьми на руках, но и мужчины преклонного возраста плакали, обращаясь к нам с этими душу раздирающими словами. А что могли мы сделать? Отступали в полном беспорядке не только остатки нашего полка, но и остатки других частей. Беженцы брели вместе с отступающими войсками. Казалось, двигалась-колыхалась вся украинская, донская, стлинградская степи. А можно ли было найти слова утешения этим плачущим женщинам, которых мы покидали? Вряд ли кто заготовил, придумал эти слова... Да и мы солдаты, без нормального питания и отдыха, измученные изнурительным отступлением в неизвестность сами нуждались в добром слове.

Не все женщины (основное население хуторов и деревень, через которые проходили мы, были женщины) проклинали нас. Большинство сочувствовали нам, выносили и подавали нам хлеб, молоко, иногда приглашали в дом и угощали горячей пищей. Каждое такое угощение заканчивалось расспросами, слезами и причитаниями за беду, пришедшую к их порогу. Бросать всё нажитое и уходить, или оставаться в рабстве у немцев? Что делать с посевами зерновых культур и овощей, ведь в этом году, как никогда, на полях вызревал богатейший урожай. Может в шутку, может всерьёз молодые женщины предлагали одному из нас оставаться хозяином хутора. Предложение заманчивое, но не для таких желторотиков как я, законопослушных, верных присяге и воинскому долгу. Одно упоминание остаться хозяином хутора вызывало внутренний протест - не мог я оторвать себя от того единого, целого, которым жил все эти двадцать лет: мою маму, моих братьев, моих учителей, моих друзей, моего опекуна – главного маркшейдера Ивана

Васильевича, мой дом и те семь ступенек, спускаясь по которым я покинул город Прокопьевск 15 сентября 1940 года, отправляясь в Красную Армию.

Более чем двухмесячное мытарство подходило к концу, в середине июля наша группа без всяких подручных средств переправилась через Дон южнее города Калач-на-Дону. Дон оказался не таким грозным, как я себе его представлял, видимо, жаркая погода оказала своё влияние – во многих местах по среди реки были песчаные отмели. На левом берегу нас встретили солдаты в зелёных фуражках. Они проверили наличие красноармейских книжек и указали дорогу на сборный пункт. Нас удивило и обрадовало, когда увидели стрелку – указатель с надписью «Сборный пункт 651 ИПТАП». Тёмные мысли, преследовавшие меня всю дорогу, а вместе с ними и усталость свалились с плеч как стопудовая гиря. Радость была на лицах всех солдат оттого, что здесь собрались однополчане, хотя, конечно, не все были хорошо знакомы. Одно название нашего полка объединяло, роднило нас, вот так рождалось и крепло наше фронтовое братство. На сборном пункте долго не задерживали, буквально на следующий день нас отвезли на северную окраину Сталинграда, почти рядом с заводом «Баррикада». Этот завод изготавливал артиллерийские орудия и тягачи для них. До получения орудий и тягачей в полку шло формирование огневых расчётов и огневых взводов.

Вот здесь, в Сталинграде изменилась моя судьба, моя военная специальность. Ещё на сборном пункте я встретил старшего сержанта Алексева, командира орудия, рядом с которым мне приходилось дежурить с радиостанцией в первые дни войны. Нас, радистов, посылали то в одну батарею, то в другую. Где разошлись наши пути, сейчас не помню. Старший сержант первым увидел меня. Мы были рады нашей встрече. На груди у него к гимнастёрке был прикреплен орден боевого Красного Знамени. Я поздравил старшего сержанта с большой государственной наградой. Видя мою радость, а может быть и проскользнувшую зависть к награде, Алексеев, как-то с упрёком спросил – не надоело ли таскаться с этой радиостанцией. «Брось ты её и переходи ко мне наводчиком» – предложил.

Наводчик орудия – это самая почётная, самая ответственная и самая опасная должность в артиллерии. «Из тебя получится отличный наводчик», – такое заключение сделал старший сержант. Этого было достаточно, чтобы я растаял как льдинка на солнцепёке. Вот так я просватал свою льготную жизнь на тяжёлую службу, о которой имел самое смутное представление. Наше расположение рядом с заводом диктовалось обстановкой. Если так можно выразиться, эта техника ещё горячая, прямо с конвейера вручалась орудийным расчётам. Орудийный расчёт, состоявший из семи человек вместе с водителем тягача, выстраивался около конвейера. Рядом с конвейером стоял тягач и прицепленное к нему 76 мм противотанковое орудие.

Трое старейших рабочих завода без всяких громких слов подходили к каждому и здоровались за руку. Каждый орудийный номер, начиная с командира орудия, называл свою должность, звание и фамилию. Один из рабочих, представившись бригадиром литейщиков,

обратился к нам по-домашнему, по-семейному, назвав нас сынками. Он не стучал в грудь кулаком, не призывал нас стоять насмерть, защищая нашу Родину. Он сказал самые простые слова: «Вы получили пушку, предназначенную для стрельбы по танкам. Эта работа самая тяжёлая, самая трудная и самая опасная, которую вы будете выполнять. Ещё до встречи с танками, постарайтесь овладеть нашей пушкой, а во время боя с танками, останьтесь живыми, я прошу вас, сынки!». Рабочие по очереди подходили к каждому из нас, обнимали, целовали и, смахивая слезу ладонью, тяжёлым шагом уходили вглубь конвеера.

Мы остались потрясённые словами старого рабочего. Кто он, этот сталевар? Может он старый большевик, участник Октябрьской революции? Больше никогда мне не приходилось слышать таких выступлений. В его трёх предложениях прозвучала целая программа наших действий. Чем дальше уходит время от того дня, тем больше я поражаюсь словами сталевара. Ведь как всё просто! «Хочешь выжить, овладей в совершенстве вверенным тебе орудием, тогда ты найдёшь способ и момент первым уничтожить врага». Вот этим мы начали заниматься каждый день.

Нужно было до автоматизма довести выполнение каждым орудийным номером нормативов, принятых в артиллерии и особенно в противотанковой. Выезд тягача с орудием на огневую позицию, выполнение команд – «к бою», «отбой», «орудие в укрытие», «сменить огневую позицию», «расчёт в укрытие». Мало того, между орудийными номерами должно быть выработано взаимодействие. Если подносчик снарядов не доставит к орудью снаряды вовремя, то заряжающий не сможет своевременно зарядить орудие, а наводчик опоздает поразить двигающийся на орудие танк. Промедление с открытием огня на одну-две секунды может привести к гибели орудия и людей.

Надо было добиться взаимозаменяемости орудийных расчётов, чтобы каждый мог выполнить обязанности наводчика, заряжающего, замкового и других орудийных номеров. Именно от точного, чёткого и быстрого выполнения своих обязанностей зависит живучесть орудия и жизнь орудийного расчёта. Вот какие задачи решали мы на тренировках с утра и до вечера, пока наш полк получал последние орудия и тягачи. Работа наводчика мне нравилась, хотя и не один раз я завидовал радистам, которые, укрывшись от палящего солнца где-то в кустах называли позывные друг друга и вели переговоры.

Сведения с фронта были неутешительными, немецкие войска на отдельных участках вышли на правый берег Дона и в срочном порядке готовят переправу через реку.

Командир нашего орудия старший сержант Алексеев сообщил, что в самое ближайшее время мы отправимся на фронт, уже известен предварительный срок – 20 августа, значит, остаётся 4-5 дней.

Думы о Прокопьевске, о маме, о братьях не покидали меня. Переписка с мамой была прервана с первых дней войны, ведь никакая полевая почта не могла успеть за мной, когда я

драпал семимильными шагами. Только находясь в деревне Новая Усмань под Воронежом я отправил маме первое письмо. Перед отправкой на фронт, в ноябре 1941 года, отправил второе письмо. Ответа от мамы я не получил, но меня больше всего беспокоило, а получила ли мама мои письма, знает ли она, что я жив? Я постоянно упоминаю о письмах к маме, но реже о братьях. Всё правильно, ведь мама – это Отчий дом, оттуда можно было получить сведения о каждом из моих братьев. Я представлял себе, как мама переживает, мучается, проливает слёзы, слушая чёрную тарелку радио в пустой одинокой Прокопьевской квартире.

18 августа 1942 года проводился смотр готовности подразделений полка к боевым действиям. Перед началом смотра был зачитан приказ командира полка о присвоении воинских званий младшему командному составу. В приказе была и моя фамилия, мне присвоено звание младшего сержанта. Все орудийные номера, как мне показалось, равнодушно отнеслись к этому, хотя всё равно подходили, пожимали руку и поздравляли. Уж кто не скрывал своей радости, так это командир орудия старший сержант Алексеев, он искренне обнял меня и пожелал успехов. Я понял, что присвоение мне звания заслуга именно его, моего командира орудия.

Ранним утром 20 августа наш полк выступил на фронт. Новенькие тягачи НАТИ-5, шелестя своими гусеницами, напоминали стаю мохнатых шмелей, шуршащих над пустынными улицами города. Сталинград, растянувшийся на 60-70 км вдоль правого берега Волги, выглядел в лучах восходящего солнца красивым, зелёным и ещё не проснувшимся.

На южных окраинах города мы повернули строго на запад и через несколько часов остановились, не доезжая километров 5 до города Калач-на-Дону. Когда стало темнеть, командир орудия получил район для занятия огневой позиции. Теперь все прекрасно понимали, что надо как можно глубже закопать орудие, замаскировать его, сделать местность около орудия незаметной со стороны противника. Кроме орудия надо было укрыть тягач и, конечно-же, для самих себя вырыть окопы. Выполнить такой объём земляных работ для семи человек было возможно только на пределе человеческих сил.

Грунт – словно сцементированный песок. В таком грунте приходилось копать окопы только ломом, киркой-мотыгой и топором. Полного профиля укрытия мы не успевали сделать за ночь, руки от мозолей кровоточили, мы выбивались из сил, но закон войны диктует свои условия – сделай себя неуязвимым, тогда победишь врага.

25 августа немецкая авиация начала массированную бомбардировку Сталинграда. С утра до вечера эшелон за эшелонам шли немецкие самолёты на город и сбрасывали свой смертоносный груз. Глухой грохот от разрывов тяжёлых бомб содрогал землю, город горел. Дым и пыль от разрушенных зданий поднимались высоко в небо, временами даже не было видно солнца.

Захватив инициативу в свои руки, немецкие войска в районе городов Серафимович, Клетская форсировали Дон и начали продвижение на Сталинград, пытаясь охватить его в кольцо с севера. Или наше командование не имело достоверных сведений о скоплении немецких танков и

направлении их ударов, или немцы, зная расположение нашей противотанковой артиллерии, меняли свои планы - получалась игра в прятки. Тем не менее, скучать нам немцы не давали. Пехота при поддержке артиллерии, не считаясь с потерями, волна за волной бросалась в атаку. Наша пехота не выдерживала психической атаки немцев, шаг за шагом отступала, но дальше линии наших орудий боялись отступать.

Буквально в 50 метрах за нашим орудием располагались солдаты заградительных отрядов, выполнявшие приказ Сталина – «ни шагу назад». Они имели право стрелять по своим солдатам, если будут самовольно отступать. Наше орудие оказалось рубежом, за который нет движения назад. Не только немцы несли большие потери, но и у нас были убитые и раненые. 23 августа осколочное ранение в голову получил наш командир взвода лейтенант Ивлев, его не успели отправить в тыл, он умер на огневой позиции. Командиром взвода вместо погибшего лейтенанта Ивлева был назначен наш командир орудия старший сержант Алексеев. Я не испытал ни гордости, ни радости, когда услышал голос старшего сержанта Алексева: «Ты, младший сержант Леонов, остаёшься за командира орудия, приступай к исполнению обязанностей». Через два дня, 25 августа в мою красноармейскую книжку была внесена запись о присвоении звания «сержант» и назначение на должность командира орудия.

Вот сейчас у меня промелькнула чёрная мысль - я позавидовал радистам и откровенно сожалел о сделанном мною поступке. Не знаю, до чего бы добралась моя фантазия, если бы я не пришёл в себя от поступившего распоряжения командира взвода. Оказалось, что севернее города Калач-на-Дону из хуторов Вертячий и Каменский противник прорвал нашу оборону и продвигается на Сталинград. Наша задача - остановить продвижение противника. Для этого надо опередить противника и занять огневые позиции у посёлка Песчанка.

Посёлка мы не нашли – он был полностью разрушен, так как являлся пригородом Сталинграда. Сам Сталинград почти на половину был разрушен, но немцы не прекращали его бомбить, город горел. Учитывая быстроту развёртывания и танкоопасное направление, на котором батарея должна занять боевой порядок, командир батареи вместе с командирами взводов лично определяли огневые позиции, в том числе и для моего орудия.

Посёлок Песчанка, оказалось, имеет важное значение для обороны Сталинграда, поэтому на этом небольшом участке были сосредоточены основные артиллерийские части войск, оборонявших город. Об этом сообщил командир взвода, прибывший ознакомиться с ходом работ по оборудованию огневой позиции. Такое сообщение не только обрадовало меня, но и вселило большую уверенность – значит, мы не одни. День приближался к концу, наверное, немцы уже не полезут в атаку, ведь они воюют, как правило, днём. Видимо, сама судьба помогает нам - до утра времени много. Хотя ночи здесь короткие, но всё равно мы постараемся врыться в землю поглубже.

Имея полное господство в воздухе, немецкая авиация вела себя издевательски безнаказанно, в этом я убедился сам. Каждое утро вместе с восходом солнца появлялся немецкий самолёт Фокке-Вульф (все называли его «рама»), облетая расположение наших войск, делал фотоснимки и улетал. Сличая снимки вчерашнего дня с сегодняшними, немцы узнавали, какие инженерные работы проделали наши войска за прошедшую ночь. Вот эти новые цели подвергались бомбовым ударам в течение целого дня. Именно так и произошло 27 августа 1942 года. Примерно через час после кругового полёта «рамы» в небе появились 5 пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-88. Сделали один круг над нашими батареями - я даже не мог предположить, что немцы готовятся преподнести подарок мне, новоиспечённому командиру орудия.

Выстроившись в боевой порядок, самолёты один за другим начали пикировать на наше орудие. Пикирование было настолько затяжным, что в отдельные моменты казалось, самолёт врежется в землю или зацепится крылом о бруствер наших окопов. На самом изломе, перед выходом из пике самолёт выбрасывал несколько осколочных гранат небольшого веса, предназначенных для поражения людей. Сделав два-три захода, освободившись от смертоносного груза, самолёты улетали, покачивая крыльями. Иногда, после сбрасывания гранат и мелких бомб самолёты выбрасывали обыкновенные железные бочки, в которых были пробиты дыры. Бочки издавали такой неприятный свист, от которого, казалось, не будет спасения. Кроме бомб, гранат и бочек самолёты во время пикирования включали сирены, вой которых наводил ужас. После каждой атаки, когда самолёты улетали, мы вылезали из щелей, осматривали, ощупывали, как говорится, друг друга и радовались, но ещё не совсем уверенные, что остались живы.

Вечером нас посетило командование батареи и политработники полка. Конечно же, не для показухи - они были в самом деле обеспокоены нашим состоянием. Наша пушка не пострадала, если не считать мелких вмятин и царапин, но чехол, которым было покрыто (зачехлено) орудие, пострадал больше всех, его изрешетило осколками. Командир батареи приказал, на всякий случай, сменить огневую позицию - а вдруг самолёты повторят бомбёжку и на следующий день. Эту команду мы восприняли без энтузиазма, но сегодняшний горький опыт показал - надо копать, и как можно глубже копать укрытия для людей, пусть лучше будут кровавые мозоли на руках, чем кровь из головы от бомбёжки.

Если откровенно сказать, мы проклинали сталинградскую землю, когда копали окопы, сбивая ладони в кровь. Однако мы восхищались арбузами, выросшими на этой земле. Далеко за арбузами ходить не приходилось - куда ни кинь взглядом, везде бахча. Жаркое лето способствовало вызреванию арбузов, они достигали больших размеров. Вкус арбузов был изумительным, особенно для меня сибиряка, впервые попробовавшего яркокрасную мякоть этого божественного плода. Если бы мне в моей родной деревне Берёзово, когда я ел ворованную брюкву, кто-нибудь сказал про арбузы, которые вкуснее брюквы, я бы не поверил. Ранним утром,

ещё задолго до появления самолётов противника, каждый брал к себе в окоп арбузы - на случай, если повторится бомбёжка.

С восходом солнца 28 августа мы по привычке стали смотреть на запад, откуда каждое утро появлялась немецкая «рама». И точно - через какое-то время послышался высоко в небе, скорее всего не звук, а рокот маломощного движка передвижной киноустановки. Этот рокот невозможно было перепутать с каким-либо другим, если ты его хоть один раз услышал. Действительно, высоко в небе появилась и начала свой круговой облёт немецкая «рама». Весь день 28 и весь день 29 августа те же 5 юнкерсов устроили настоящую охоту на наше орудие. Я не думаю, что у них была задача уничтожить орудие и людей - это было бы сделать проще всего. Фашистские лётчики хотели довести нашу горстку людей из 6 человек до нервного потрясения. Наверное, они думали, что доведенные до отчаяния, мы начнём убегать от орудия или, того хуже, с поднятыми руками встанем на колени и будем просить пощады. Вот этого они не дождались. Двадцати, двадцатидвухлетние парни выдержали эти испытания. Я по себе могу судить, что со мною было, когда 29 августа вечером весь орудийный расчёт вылез из окопов. Да, меня трясло некоторое время, как в лихорадке, но это естественное состояние нормального, здорового человека.

30 августа на рассвете вместо рокота «рамы» землю и воздух начал содрогать сплошной гул. Громовые раскаты доносились с южного направления со стороны хутора Гавриловка, расположенного километрах в 10 от наших огневых позиций. Стало понятно, что немцы начали артиллерийскую подготовку, а, значит, после её окончания начнётся наступление. Наверное, через час в том районе небо покрылось густым дымом, но гул разрывов продолжался. К нам на огневую позицию прибыл командир батареи. Его информация была тревожной. Оказывается, ещё вчера, 29 августа немцы прорвали оборону наших войск в районе Котельниково и крупными силами продолжают продвижение на Сталинград. Там, где наши войска оказывают серьёзное сопротивление, немцы начинают новую артиллерийскую подготовку, не жалеют ни снарядов, ни мин.

Другого приказа от командира батареи и не могло быть – «бить врага до последнего снаряда, огневые позиции менять только по его команде». Здесь уже не было сказано – «сынки, останьтесь живыми». Здесь был приказ стоять, и всем было ясно - стоять нужно на смерть, хотя это слово и не произносилось.

Как правило, каждое утро на батарею доставляли горячую пищу и, в зависимости от складывающейся обстановки, выдавали сухой паёк на день или на три дня. Сегодня выдали сухой паёк на три дня, теперь солдат соображай - в воздухе пахнет грозой.

К полудню 30 августа с юга в нашу сторону стали появляться отступающие отдельные солдаты и группы солдат - видимо остатки потрепанных подразделений. Буквально вслед за ними, а в некоторых местах даже опережая отступающих наших солдат, гремя гусеницами,

напоминающими скрежет ржавого железа, выпуская громадное облако отработанных газов и поднимая пыль, тихо, как будто ошупью подкрадываясь, шли немецкие танки. Не далее чем с расстояния 600-700 метров артиллерия нашего района Песчанки как бы выдохнула давно скопившийся воздух, начала равномерно посылать снаряд за снарядом по танкам. Наше орудие не могло отстать в этом заочном соревновании, тоже стреляло по танкам. В такой гуще разрывов трудно было определить, чей снаряд попал в цель, но, наверное, каждый наводчик считал, что именно от посланного им снаряда загорелся немецкий танк. Не могу скрыть радости, когда наводчик младший сержант Васильев, увидев после очередного выстрела загоревшийся танк, во весь голос заорал – это наш!

Немцы не ожидали такой встречи, стали отходить, оставив горящими около десяти танков. Но это не означало, что враг отказался от наступления на Сталинград. Нарастив ударные силы танками, артиллерией и бомбардировочной авиацией, не считаясь с большими потерями, немцы в буквальном смысле выдавливали обороняющиеся наши подразделения всё ближе и ближе к Сталинграду. С немецкими танками мы уже научились бороться и не боялись встречи с ними, как с немецкой авиацией, которая «утюжила» наши огневые позиции, постоянно висела над нами, не давала возможности в светлое время вылезти из окопов. Только ночью мы могли встать во весь рост и расправить плечи. Но ночи нам приносили изнурительный труд – оборудовали новые огневые позиции. Вот так ежедневно на 100-200 метров мы приближались всё ближе и ближе к окраинам города. 16 сентября орудия нашей батареи заняли огневые позиции в непосредственной близости от завода «Красный Октябрь». Действительно, дальше уже отступить некуда, за развалинами завода – Волга. Мне почему-то вспомнилась песня про Стеньку Разина – «мощным взмахом поднимает он красавицу княжну и за борт её бросает в набежавшую волну». Да, Волга действительно великая русская река. и было бы куда приятнее побарахтаться в её волнах в другой обстановке, в мирное время.

Ночь на 17 сентября прошла в какой-то тревоге. Хотя огневую позицию не меняли, и была возможность отоспаться за многие бессонные ночи, мне не давали уснуть откуда-то появившиеся вши. Только начинаю дремать, вошь ползёт от уха по щеке, я её хватаю в темноте пальцами и давлю, даже слышу щелчок как она лопаётся. Попробуй уснуть, когда всё тело чешется, чувствую, как под рубашкой вши ползают и кусаются. За все месяцы войны такое у меня случилось первый раз. Не выспавшись, с разболевшейся головой и душевной тревогой я вылез из окопа, было уже светло.

Как обычно, немецкая «рама» совершила свой круговой облёт над Сталинградом и улетела. В голове крутились различные варианты действий против нас со стороны немцев. Применение танков ограничено и затруднено из-за нагромождения кирпича от развалин зданий и сооружений. Немцы сами боялись посылать свои танки в эти развалины, там их легко каждый пехотинец поразал бутылками с зажигательной смесью. Оставалась немецкая авиация и отряды

пьяных солдат – штурмовиков, которые начинали наступать после прекращения бомбёжки авиацией. Надо признать, что штурмовики лезли упорно, иногда, пренебрегая смертью, вставали во весь рост, гарляня пьяными голосами немецкие и русские ругательные слова. Вот в это время они были хорошей мишенью для нашего орудия.

Правда, у нас был строгий лимит по расходованию снарядов. Доставка снарядов на огневую позицию была крайне затруднена, нам перестали их привозить. С наступлением тёмного времени нужно было посылать своих ребят за снарядами. Полный ящик (пять снарядов) нести на руках было тяжело одному солдату, по два снаряда нести опасно, ведь идти приходилось не по асфальту, а пробираться по развалинам, и риск от разрыва снаряда был большим. Мы с наводчиком не могли оставить орудие, приходилось по очереди посылать имевшихся в наличии четверых солдат. Сколько принесут за ночь снарядов, столько можно расходовать за день. Вот почему мы ограничивали себя, если нет опасности для самого орудия. И только когда появляется опасность для нашего орудия, мы могли израсходовать весь боекомплект, который составлял 120 снарядов. В особых случаях оказание огневой поддержки соседнему орудию или пехоте, когда перерасход снарядов приносил видимый результат, тогда разрешалось брать снаряды из лимита боекомплекта.

Почти целый день немцы не предпринимали яростных атак, отдельные вылазки пьяных штурмовиков умирялись самими пехотинцами. Уже казалось, что день так и завершится, но я ошибся. Немецкая артиллерия нанесла внезапный и мощный огневой налёт, после которого штурмовики во весь рост стали приближаться к нашему орудию. Первым открыло огонь второе орудие нашей батареи, потом наше орудие. Снаряд за снарядом разрывались в гуще бежавших на нас немцев, видимо, они поняли, что атака сорвалась, и стали бежать в обратную сторону, как настоящие спортсмены, без оглядки. Я громко воскликнул: «Молодцы!». Подошёл к своим ребятам, которые, подсмеиваясь над убегающими немцами, были явно довольны своей работой.

Никто из нас не услышал начавшийся очередной артналёт немцев - серия разрывов легла в непосредственной близости от орудия, а один снаряд или мина, в одном метре слева от меня. Я упал, схватившись за левое бедро. Мои солдаты втащили меня в окоп. После окончания артналёта ко мне вызвали санинструктора, почти сразу же прибежал командир взвода младший лейтенант Алексеев (ему на днях присвоили это звание). Санинструктор перевязала меня, но кровь остановить не смогла. Мой командир взвода, да и солдаты явно завидовали, прощаясь со мной. Их слова: «Ты счастливый, будешь жить» – я помню по сей день. Санинструктор указала дорогу на переправу, и двое солдат помогли мне выйти на берег. Стало темно, но переправа почему-то не работала. Я не мог задерживать своих солдат, ещё попрощавшись они ушли к своему орудю, так загадочно рассуждая - а что нас ждёт завтра...

Ночью стало холодно, а лежать на берегу у самой воды ещё холоднее. От боли и холода у меня дрожало всё тело. Ногу я не мог повернуть, она опухла и стала деревянной. Я уже стал

задумываться, а вообще заберут ли меня отсюда, и когда это будет. Вот тут я вспомнил, как в прошлую ночь меня кусали вши, а где они сейчас, что-то не кусают? Когда-то от мамы или от кого-то ещё я слышал, что обычно вши нападают пред какой-то бедой. А миновала ли меня эта беда? Может она только начинается, может она ещё впереди?

Ближе к утру на берег стали выходить раненые с помощью сопровождающих и самостоятельно, приносили тяжелораненных и оставляли без носилок прямо на берегу. Теперь у меня появилась надежда: если я не один, то наверняка за нами приедут. И действительно, когда взошло солнце, когда стали летать немецкие самолёты над переправой, к нам подошёл буксирчик, как сдыхающий таракан, маленького размера. Или кто-то специально устроил нам встречу с самолётами на переправе, или какие-то другие беды сорвали спокойную ночную переправу, мне судить было трудно. Все, кто мог ходить самостоятельно, стали влезать на палубу, а кто лежал на берегу, тех перенесли без всяких носилок, в том числе и меня. Буксирчик начал тарыхтеть, направляясь к противоположному берегу, который казался слишком далеко. Ведь не зря очень ласково называют эту реку «широка ты моя Волга-матушка река». А вот сейчас я хотел бы видеть матушку-Волгу самой узкой, чтобы нас быстрее доставили на противоположный берег. Нас начал сопровождать немецкий самолёт. Вот тут я, откровенно говоря, испугался. Бомба может не попасть прямо в меня, в этом я был почти уверен, но от разрыва бомбы мы можем оказаться в воде, в таком виде я не борец с волнами. Ведь я не как Княжна-гречанка, выброшенная за борт Стенькой Разиным, а беспомощный, неподвижный кусок мяса, даже не сумею сделать ни одного взмаха руками в воде, сразу как топор пойду на дно. Самолёт дважды заходил для бомбометания, но оба раза промахнулся, бомбы падали почти рядом с буксиром, обрызгивая нас водой.

Буксир причалил к левому берегу Волги, заросшему густым кустарником, и ходячие раненые стали поспешно спускаться на берег. На палубе нас осталось три нуждавшихся в помощи. Матрос и ещё кто-то из obsługi буксира сами вынесли двух тяжёлораненных, а мне, подпрыгивающему на одной ноге, подставили свои плечи. Не более как через полчаса двое здоровых санитаров пришли и унесли нас на перевязочный пункт, укрытый в ближайшем лесу.

На перевязочном пункте около палатки солдату ампутировали ногу. Парень был привязан к тапчану, кроме того, его держали ещё два мужика в белых халатах, а хирург пилил ногу. Солдат, в буквальном смысле, рычал, глубочайшие вздохи и выдохи вылетали из груди с прерывающимся храпом. Наблюдать такую картину было сверх моих сил, и я попросил убрать мои носилки дальше от этой экзекуции. Санитары, как бы успокаивая меня, говорили, что это они спасают человека, такое у них бывает много раз. Перед операцией дают «снотворное» – 150 гр спирта, и раненый ничего не чувствует. Я согласился: наверное, так и надо, чтобы спасти жизнь. Позже я много раз убеждался, какие чудеса творили хирурги на войне.

С моей ноги сорвали все окровавленные бинты, брюки и кальсоны, обмыли и обработали рану, но никаких обезболивающих уколов не сделали, видимо, их не было. Боль не успокаивалась,

но одно то, что я в безопасности как-то сдерживало мои стоны, да и стонать было неудобно, ведь совсем рядом ещё продолжали пилить солдату ногу. Кроме стонов и храпа солдата, до меня доносились какие-то свистящие звуки, это пила с трудом отпиливала ногу солдата. Впоследствии мне приходилось много раз самому распиливать древесину разных пород деревьев, но такого свистящего звука как этот, от ноги солдата - не слышал.

Примерно через час пришла открытая бортовая машина, и тяжелобольных положили прямо на пол, а кто мог мало-мальски сидеть или стоять, тех доктор упросил занять места около бортов, чтобы во время движения машины могли держаться и не повредить друг друга.

Оказалось, что я преждевременно подумал о безопасности здесь, на перевязочном пункте - немецкие самолёты непрерывно напоминали о себе. Город продолжали бомбить тяжёлые бомбордировщики. Разрывы бомб почему-то больше всего отзывались в больной ноге, в самой ране. Хотя на перевязочный пункт пока бомбы не сбрасывались, но прямо над нами из самолётов высыпались бомбы, как горох. Правда, они ещё долго снижаясь издавали противный металлический звук и рвались в городе.

Мы отъехали от перевязочного пункта, когда самолёты набомбившись скрылись за горизонтом. Дорога была пыльная, тряска невероятная, но раненые как-то притихли, наверное, понимали, что всё дальше и дальше уезжают от этих страшных разрывов. Я думал, что нас привезут на железнодорожную станцию или на какой-нибудь худенький полустанок, но наша машина остановилась прямо в степи у полотна железной дороги. Правда, здесь было несколько человек – санитары и одна женщина, похожая на врача. Когда нас выгрузили, женщина объяснила – вот здесь мы будем ждать санитарного поезда.

До самого вечера автомобили везли и везли раненых, разгружая вдоль полотна железной дороги. Казалось, нас столько много, что в один санитарный поезд мы не уместимся. Не зря говорят, что ждать и догонять самое плохое дело. Вот в числе ожидальщиков я уже лежу около 10 -ти часов, а впереди проблеска нету. Среди раненых стали раздаваться голоса: «пить, пить». Проходившая по полотну дороги женщина в фуфайке, из-под которой виднелся белый халат, стала успокаивать словами: «Потерпите, мальчики, вот совсем скоро-скоро подойдёт поезд, там есть вода и вас накормят ужином». После этих слов и я вспомнил про ужин, ведь давно во рту ничего не было, но тут же отверг эту мысль – вот от водички промочить горло, не отказался бы.

Совсем неожиданно, как бы украдкой, чуть-чуть попыхивая, приполз наш долгожданный поезд. На моё удивление, поезд-то оказался самым настоящим, из пассажирских вагонов. Погрузили нас очень быстро, санитары с носилками чуть ли не бегом подавали раненых в вагоны, и поезд тронулся в свой путь тихо, без всяких свистков. Ясно было, что такая слаженная работа персонала санитарного поезда отработана в условиях обстрелов и бомбёжек противника.

Белые чистые простыни, белые халаты и белые косынки с красными крестиками на голове у молоденьких сестричек внесли перелом в настроение раненых. Пассажирский вагон

напоминал домашнюю обстановку, в которой даже электрические лампочки, покрашенные в нежно-голубой цвет, создавали какой-то непередаваемый уют. Мне показалось – или так оно и было, что и стонов среди раненых стало меньше, и даже появились весельчаки, способные, как говорится, рассмешить даже мёртвого, и это им удавалось. Иногда раздавался громкий хохот, и сестричкам приходилось сдерживать слишком развеселившихся.

Анекдоты и смех прекратились, когда нам начали разносить ужин. Для раненых, мне показалось, он был слишком обильным. Миска густой гречневой каши, не менее 100 грамм консервированной колбасы и сладкий чай с галетами. Всё это доставили в вагон два санитары в армейских термосах, а сестрички подавали каждому раненому. Тяжело больных сестрички кормили из рук. Я обошёлся без посторонней помощи. Опираясь головой об стенку вагона, лежал я на второй полке, и, приподнявшись на локоть, поедая пищу, периодически отдыхая.

Первые впечатления от уюта белых простыней стали проходить, когда, проснувшись после долгого и крепкого сна, я почувствовал духоту от спёртого тяжёлого воздуха. Сестрички сбивались с ног, подавая кому-то утку, кому-то судно, а кому-то, делая перевязку или обезболивающие уколы. Во время перевязки я даже испугался, когда увидел копошившихся вокруг моей раны белых жирных червей, но сестра успокоила – якобы эти черви очищают рану от гноя, являясь своего рода санитарями. Пусть, думал я, хотя они и санитары, но видеть их на своём теле было противно.

Четыре или пять ночей мы находились в пути. Это скованное положение, постоянная опасность свалиться с полки, изрядно надоели и стали раздражать. Хотя и нога болела, но всё равно хотелось встать и постоять на одной здоровой правой ноге, расправить отёкшие мышцы и суставы. Я позвал сестричку и попросил её помочь мне спуститься на пол, но она засомневалась – сможет ли одна удержать меня, сказав, что надо найти санитаря, ушла. Вместо санитаря прошёл по вагону мужчина, наверное, врач и объявил, что наш поезд прибывает в город Саратов. Когда поезд остановился, в вагоне началась суматоха, одних раненых выносили на улицу, а на их место помещали других. Меня вынесли и положили в стоявшую санитарную машину. Оказалось, что санитарный поезд пойдёт в глубокий тыл и по пути следования забирает тяжело раненых, которым предстоит длительное лечение, а оставляет раненых, так сказать, средней тяжести, которых за короткое время собираются вылечить. А, если меня оставляют в Саратове, то я уж не так тяжело ранен, и меня скоро поставят на ноги. Мгновенно, во всяком случае, не патриотическая мысль промелькнула у меня в голове - «значит, опять Сталинград». Машина остановилась в маленьком дворе среди группы трёхэтажных зданий. «Вот и приехали, – раздался голос женщины – теперь будем вас лечить».

В первую очередь – прямо в предбаннике, на носилках – меня остригли под машинку-нулёвку, сняли всё обмундирование, предварительно попросили вынуть из карманов документы, переложили на топчан-коляску и перекатали в душевую комнату. Пожилая женщина с

материнской заботой промыла меня с головы до ног, обходя рану. Не знаю, на котором этаже находился рентгеновский кабинет, но помню, как меня несли по лестницам – тогда же лифтов не было. Рентгенолог записал, что у меня касательное осколочное ранение. Теперь операционный стол, на котором рану промыли и прочистили, наложили несколько швов. Я даже удивился, когда не увидел нагромождения бинтов на ноге, а вместо них была приклеена маленькая повязка. И, наконец, меня принесли в палату, надели кальсоны с завязками внизу и белую нательную рубашку.

После таких мытарств и тёплого душа, я уснул. Утром товарищи по палате говорили, что от моего храпа дрожали стёкла в окнах. Самое первое, что захотелось сделать, так это наладить, восстановить прерванную войной связь с моими близкими: мамой, братьями Владимиром и Иваном. Когда я изъявил вслух желание писать письма, товарищи по палате наперебой стали предлагать мне бумагу и химические карандаши, ведь у меня ничего своего не было. Не вставая с постели, опираясь на правое колено, я занялся письмами. Но когда увидел написанное, то понял – такие сочинения отправлять не могу. Бог знает, что подумают мои близкие, и я отказался отправлять эти письма. Примерно через полмесяца, когда мог уже более-менее прилично писать, я возобновил свою писанину.

Наверное, месяца через два я стал регулярно получать письма от мамы и Владимира. А вот Иван писал очень редко. Вот уж кто умел писать письма, так это Владимир. Володя переживал за моё здоровье, мою безопасность, просил излишне не рисковать, хотя война есть война, где можно погибнуть и не рискуя. В письмах Владимира, в его каждой строчке чувствовалась, прямо скажу, отцовская забота обо мне. Вот ни в какое сравнение нельзя было поставить письма Владимира с письмами Галины Григорьевой, которая писала мне от имени мамы. У неё был стандартный набор слов: «Ксения Гавриловна по тебе скучает», или «твоя мама ждёт тебя», «твоя мама молит Бога, чтобы ты остался жив и здоров». Эти Галинины слова, конечно же, я переводил на мамин язык, и тогда слышалось мне, – «Мой сыночек, я жду тебя, я молю Бога, чтобы он спас тебя».

Я вспомнил 1933-36 годы, когда под диктовку мамы писал письма её сестре Татьяне на Украину. Мама просила меня: «Только сам ничего не выдумывай, пиши моими словами». Когда я заканчивал очередное предложение, нужно было прочитать написанное. Начиналось письмо вот таким обращением: «С любовью и нежностью я обнимаю, низко кланяюсь и целую моих племянников Егора и Ивана, мою племянницу Марию, мою единственную сестрицу Татьяну и твоего мужа Филиппа». А письма заканчивались почти всегда словами: «Наверное, мы уже никогда не свидимся. Раскидала нас судьба по разным странам».

Я не мог обижаться на Галину Николаевну, что она не могла передать теплоту маминих слов, ведь она обыкновенная соседка. Наоборот, я благодарен ей, что мог поддерживать через неё связь с мамой.

Вот так началась вялотекущая госпитальная жизнь, с давно установившимся распорядком дня: завтрак, обход врачей, обед и послеобеденный отдых, чай с булочками или печеньем, ужин, после ужина - кино для ходячих раненых. Обходы врачей вселяли надежду на скорое выздоровление, о чём я написал в своём письме маме. В качестве документального подтверждения я выслал ей фотографию.

Со мной сидят две палатные медсестры и два товарища по несчастью. Вот уж здесь я не могу сослаться на свою хорошую память, если бы не надпись на обороте, то я бы не назвал фамилии двух стоящих за моей спиной солдат. Пожилой над моим правым ухом – Панчихин Иван Яковлевич из Ростова-на-Дону, а над левым ухом – Хамеш Василий Иванович из Новосибирска – земляк. В первом ряду среди двух белых роз сидит борбос – это я. Волосы ещё не отросли, хотя после стрижки прошёл целый месяц. Фотографировался 20-10-42 года. Справа от меня Маша, совсем юная, необузданная девчонка. Она ходила ускоренным шагом, чуть не бегом, её энергия была ключом. Она была какая-то зажигательная.

В первый день моего пребывания в госпитале после операционной меня принесли в палату. Маша надевала на меня нательное бельё, а я говорил ей комплименты. Маша, тихо смеясь, спрашивала меня – а что ей делать, как вести себя, если почти каждый поступивший раненый говорит ей комплименты, а некоторые даже клянутся в любви. И ведь это естественное состояние фронтовика, подумал я. Чудом уцелевший от смертельной опасности солдат, конечно же, не устоит перед соблазном сказать медсестре слова любви, когда её тёплые руки делают ему перевязку. Маша казалась мне какой-то уютной, руки у неё были мягкие, тёплые, нежные. Из-под обтянутого халатика вырисовывались маленькие груди, напоминавшие два теннисных мячика. Личико Маши – округлой формы, носик вздёрнут, маленький рот прикрывали пухленькие губы.

Наверное, я своими комплиментами зашёл слишком далеко, и Маша по-другому стала относиться ко мне. Во время дежурства Маша подолгу засиживалась у моей кровати, особенно в ночное время, когда все кругом спят. Она читала письма от моей мамы, от брата Владимира и брата Ивана, знала чуть ли не всю подноготную моей довоенной жизни. Месяцев через шесть, когда я уже был здоров, много раз бывал у Маши на квартире, знаком с её родителями, они меня принимали как сына. Сын был на фронте, известий от него не было. Родители иногда в задумчивости называли меня его именем – Толя. У нас с Машей были совершенно безвинные чистые отношения.

Слева от меня – Шура, уже замужняя, очень милая, общительная, я бы даже сказал - ласковая - не только со мной, но и со всеми ранеными. Только можно было удивляться, да я и по

сей день удивляюсь, где эти медицинские сёстры и когда приобрели или выработали в себе доброту, нежность, ласку, постоянную улыбку в общении с ранеными. Может быть, они впитали в себя всё это с молоком матери, не знаю. Где вы, медицинские сестры военного времени, бескорыстно служившие раненым, угождая всяческим нашим капризам?

До фотографа я приплёлся на костылях. Когда меня посадили на стул, а садиться было ой как трудно, то мои костыли убрали, чтобы не портили вид доблестного воина. Я ровно не мог сидеть и чтобы не качался, на меня упирались сёстры и сзади стоящие товарищи. А вообще-то я выгляжу браво, хотя одежда далеко не парадная.

Если глубже копнуть, то трудно поверить, что у нас трёх мужиков под халатами кальсоны с завязками вместо пуговиц и нательные рубашки, но, в общем-то, по внешнему виду нельзя было заподозрить, что мы так бедно одеты, и что я передвигаюсь только с помощью костылей. Конечно же, получив такую фотографию, мама и мои братья не могли не поверить, что я легко раненый. Мама верила и надеялась на мой приезд домой после лечения. В своё лёгкое ранение я даже сам поверил, на костылях я мог ходить не только по коридору, но и спускаться по лестнице.

Как-то я почувствовал усиливающуюся боль в суставе и грешным делом подумал, а не утомил ли свою ногу путешествиями по этажам госпиталя. Нога стала опухать от левого колена и до самой левой ягодицы, из раны появился гной, швы разошлись, подскочила высокая температура, от боли и высокой температуры я метался, не находя себе места. Второй раз меня положили на операционный стол, вновь промыли и прочистили рану, наложили швы и наклеили повязку. Две недели после операции врачи якобы наблюдали, как срастаются швы, правда, полностью шов не срастался, а оставалась дырочка величиной со спичечную головку. Врачи называли эту дырочку свищ, из которой начались выделения. Вот так четыре раза мне делали операции, и все четыре раза результат был один - гной не давал срастаться моей ране.

Пренебрегая болью, я выбирал моменты и фотографировался. Вот с этой фотографией связана целая история.

Около фотографа, как в театре, идёт переодевание. Один сфотографировался, снимает одежду и передаёт её другому. Так и я, совсем не думая о последствиях, надел гимнастёрку, пилотку и ремень лейтенанта. В основном я не делаю записей на обороте снимка, всегда надеюсь на свою память, а память подводит, вот и сейчас время снимка я определяю по отросшим волосам на голове. На предыдущей фотографии голова острижена машинкой, а на этой часть волос закрыла пилотка, но можно понять, что голова не лысая, волосы подросли, значит, время между ними прошло не менее месяца или чуть больше. Теперь можно считать, снимок сделан в конце октября 1942 года. От мамы откликов на этот снимок не последовало, за исключением огорчения по поводу моего длительного

лечения. Мой старший брат Владимир заметил изменения в моей форме одежды и незамедлительно поздравил меня с лейтенантским званием. А я совершенно не подумал, отправляя снимок маме и, тем более, брату внести ясность появления новой для меня формы одежды. Я долгое время выкручивался, не отвечал на поздравление Владимира, не хотел разочаровывать его, что я не лейтенант, а всего лишь сержант.

Наверное, в конце февраля 1943 года, врачебный обход делала старушка – профессор. Выслушав результаты моего лечения, она заявила, а может быть я сам врежу чем-то своей ногой, наверное, на фронт не хочу? «Что вы, профессор, возмутился я, – как же я могу повредить сам себе, я не заслужил такого оскорбления». Доктор послал меня на рентген. Каково же было удивление самой профессорши и присутствовавших там врачей, когда они увидели рядом с костью осколок треугольной формы размером 3х3х3 см. Профессорша тут же стала просить прощения у меня за нанесённое мне оскорбление. Через какое-то время она появилась в палате со снимком в руках. Показывая снимок, профессорша в присутствии всех раненых ещё раз попросила у меня прощения. Мне было приятно, с меня было смыто грязное пятно. На следующий день профессорша сама сделала операцию, вынула осколок, а вместе с ним куски грязной шинели. Ошибка рентгенолога в первый день прибытия в госпиталь могла лишить меня ноги и даже жизни, а может быть наоборот, спасла жизнь, задержав меня в госпитале на целых семь месяцев. Вот теперь и разбирайся - осуждать мне этого рентгенолога, или найти и целовать ему руки. Ровно через месяц, к 16 марта рана заросла как на собаке.

И вот опять какая-то звезда руководила моей судьбой - вместо фронта меня, как выздоравливающего, направили на заготовку дров на целый месяц. По берегам Волги были большие заросли различных пород деревьев и кустарников. Нам, группе выздоравливающих, предстояло заготовить дрова для госпиталя. На самом льду реки сколачивали прочный каркас со стенами 4 X 4 м, похожий на дом. Внутри этого дома-каркаса укладывали дрова, распиленные по длине не более двух метров. Каркас заполнялся дровами на высоту 3-3,5 метров. Когда на Волге начинается ледоход, большая вода поднимает этот дом – каркас, и он как плот плывёт вниз по течению, а в Саратове его причаливают к берегу и разгружают. Целый месяц на свежем воздухе, физическая нагрузка и хорошее питание сделали своё дело - я сам, без врачей перевёл себя из разряда выздоравливающих в разряд совершенно здоровых.

Чем дольше я нахожусь в госпитале, тем тревожнее на душе у мамы. Она сообщает о слухах, распространяемых в городе среди знакомых, что я без ног. Мои оправдания, наверное, были неубедительными – и в самом деле я тогда не додумался сфотографироваться в полный рост, а высылал снимки, где не были видны ноги.

На этом снимке я в своей фронтовой гимнастёрке, но ремень не мой, я одолжил его у одного лейтенанта. На левом рукаве гимнастёрки виден значок - скрещенные два артиллерийских ствола, означающий принадлежность к истребительно – противотанковой артиллерии, в которой прослужил всю войну. Даже не верится, что таким здоровым, широкоплечим я был тогда, в возрасте 21 года. Как на грех и на этом снимке я опять в кальсонах, правда, их не видно, снимок сделан до пояса, Мама вновь не сможет развеять сомнения, что у меня ноги целы. На оборотной стороне нет даты, но, судя по моей шевелюре, снимок сделан спустя три-четыре месяца после прибытия в госпиталь.

Не все дни, проведенные в госпиталях, были мрачными, даже между операциями иногда наступало облегчение, а с облегчением поднималось настроение. Как и в любом армейском коллективе, в госпиталях среди раненых находились талантливые исполнители, пусть не профессиональные, но хорошо умеющие петь, играть на музыкальных инструментах или просто балагуры, знатоки множества анекдотов и просто комики, умеющие легко рассмешить. Появились и смелые организаторы, вокруг которых сразу же стали группироваться желающие веселее провести скучное госпитальное время.

На первых порах я переходил из одной палаты в другую, прислушивался к песням и исполнителям, иногда и сам подавал голос. Как-то под гитару я исполнил песню «Скучно грустно мне здесь, дорогая». Хотя мой голос звучал совсем уверенно, но слова песни пришлись по душе многим слушателям. Иногда просили повторить эту песню, что придавало мне уверенность, и с каждым разом она звучала лучше. Не зря говорят, аппетит приходит во время еды, так и у меня получилось - к одной песне стали прибавляться другие, ещё более интересные. «На станции нашей перрон и вокзал», «Дрались по-геройски – по-русски», «Ты стояла молча ночью на вокзале» и многие другие. Вот так, от песни к песне я тренировал свой голос, раненые смотрели на меня уже как на певца, а я был беспредельно рад этому.

В одной из палат лежал моряк, воевавший на корабле Каспийской Краснознамённой флотилии. Он хорошо играл на гитаре, пел под собственный аккомпанимент и, естественно, около него группировались любители музыки. Нас набралось человек 5-6, и мы признали за моряком право руководителя. Надо отдать должное ему – с таким энтузиазмом моряк включился в работу, что мы к Новому Году уже давали неплохие мини концерты не только по этажам, но и по отдельным палатам.

Когда закончился разгром немцев под Сталинградом (это произошло 02-02-1943 года) по радио я услышал новость: бывшему командиру нашего полка полковнику Гусакову присвоено звание генерал майора. Видимо, наш полк отличился в битве за Сталинград, только вот осталось

тайной судьба моих товарищей. Я, как говорят, по горячим следам ещё в сентябре неоднократно порывался писать письмо в полк, но какие-то причины помешали это сделать. Прежде всего, жесточайшие бои, о которых сообщало радио, вызывали у меня сомнения - хочу ли я знать всю правду о судьбе моих боевых товарищей. О плохом, я знаю, с фронта не принято писать, всё это я сам видел, пережил, ну а про хорошее писать вряд ли найдётся свободная минута, да и было ли это хорошее в кромешном аду.

Лечебная физкультура мне была приписана вскоре после того, как я начал передвигаться на костылях. Кабинет лечебной физкультуры находился в спортзале, за небольшой перегородкой. Почему отдельный кабинет, - да потому, что врач индивидуально проводил занятия с каждым больным, хотя в основном использовалось оборудование и снаряды спортзала.

Лечебной физкультурой руководила врач Татьяна Николаевна, средних лет, но спортивного телосложения женщина. Каждый раз, когда я из-за своей болезни не мог посещать кабинет, Татьяна Николаевна приходила в палату и делала мне массажи.

Где-то перед новым 1943 годом Татьяна Николаевна принесла мне бумагу – разрешение от начальника госпиталя на право выхода в город, своего рода пропуск. Затем повела меня на вещевой склад, там у неё была знакомая кладовщица, они подобрали мне хорошее обмундирование - приличные кожаные сапоги, шинель и шапку-ушанку по моему росту. Переодевшись, мы зашли в раздевалку, где персонал госпиталя, приходя и уходя на работу переодевается. Вот сейчас, сказала Татьяна Николаевна, снимешь своё обмундирование, в раздевалке закрепят за тобой номер, для сапог дадут вещевой мешок под этим номером, и каждый раз будешь пользоваться только одним этим номером. Я одел халат и, попрощавшись, медленно пошёл в свою палату ничего не понимая, – что за «финт» выбросила Татьяна Николаевна.

На следующий день я пришёл в кабинет лечебной физкультуры, начал заниматься, как будто ничего не произошло. Разговор завела сама Татьяна Николаевна. Из её слов я понял, что за воротами госпиталя она отвечает за меня, только при этом условии ей дали пропуск. На первых порах меня устраивала такая «кабала». Да и куда я мог податься в незнакомом городе, да ещё хромой. В какие-то известные только ей дни, Татьяна Николаевна заходила ко мне после ужина и мы шли в город. Она была уверена - в эту ночь меня искать не будут, потому, что по госпиталю дежурит врач – её подруга. Жила моя опекунша в «хоромах» из однокомнатной квартиры, на общей кухне. Правда, общей кухней она не пользовалась. Один угол комнаты превращён в подобие кухни, там она готовила себе еду. Питалась она в госпитальной столовой, дома продуктов не имела, кроме сладостей для чая.

До войны вся четырёхкомнатная квартира принадлежала ей с мужем. Сейчас муж на фронте, он врач. Три смежных комнаты она отдала эвакуированным.

Из госпиталя я всегда уходил после ужина и в гостях особого интереса к повторному ужину не проявлял. Но вкусно приготовленная рыба или курица, да плюс внимательная настойчивость хозяйки не позволяли мне долго сопротивляться. В первые дни Татьяна Николаевна никакого намёка на спиртные напитки не делала. Видимо, она боялась, что я могу неправильно её понять. Она осознавала, что старше меня, стеснялась этой разницы и, может быть, ждала первых шагов с моей стороны. Но я видел в ней прежде всего врача, хотя её руки много раз массажировали, поглаживали моё тело, и мне было приятно. Я об этом и сказал ей, она как-то воспрянула, переменялась в лице, стало понятно, что рубеж, граница преодолены. До марта 1943 года наши отношения были хорошими, тёплыми. Я благодарен Татьяне Николаевне за нашу встречу, за юношеский заряд бодрости от наших взаимоотношений. Когда я всё реже и реже стал приходить к ней не только домой, но и в спортзал, она поняла, что настало время расставания. Надо отдать должное Татьяне Николаевне, она не обиделась на меня, при встрече заявила, что так оно и должно было случиться, ведь мы не присягали на вечную верность. «Если ты, Саша, сохранил такую же теплоту от наших отношений как я, – сказала она, – тогда мы счастливы».

15 февраля 1943 года по улице Горького, на которую выходили окна нашей палаты, появились военнослужащие Красной Армии в погонах вместо петлиц. Даже не верилось глазам, ведь мы с детства привыкли считать людей в погонах нашими врагами, буржуями, эксплуататорами, а тут – на тебе! Оказывается, Рузвельт с Черчилем, заставили Сталина переодеть Красную Армию в погоны. У них были веские аргументы, связанные с союзническими обязательствами по разгрому немцев.

Свою концертную «деятельность» наша группа не прекращала даже тогда, когда из её рядов убывали ребята в связи с выпиской из госпиталя. Я не могу забыть отдельные моменты из наших выступлений, когда песня так глубоко могла растревожить душу солдата.

Самую высокую оценку у раненых, особенно у тех, кто остался без ноги или руки, получила песня «Раскинулось море широко», особенно последние два куплета:

*Был тих неподвижен в тот миг океан,
Как зеркало воды блестели,
Явилось начальство, пришёл капитан,
И вечную память пропели.*

*Напрасно старушка ждёт сына домой,
Ей скажут, она зарыдает,
А волны бегут от винта за кармой,
И след их вдали пропадает.*

После этих слов плакали почти все присутствующие. В эти минуты я и сам не мог сдержать нахлынувшее волнение, не мог сдержать слёзы. Позже такой бурной реакции на слова

этой песни уже не было, хотя каждый раз нас просили исполнить её и слушали внимательно с большим напряжением.

Два или три раза в неделю в клубе госпиталя устраивались танцы. Там крутили пластинки. Друзья по палате тянули меня на танцы, но я отказывался из-за больной ноги, да и танцор из меня был некудышний. Я никогда не мог подумать, когда пришёл в клуб, что на танцах будет так много девчонок. Не только студентки из мединститута, медсёстры, свободные от дежурства, но и их подруги приходили в клуб. В некоторые дни девчонок даже было больше, чем нас, раненых солдат, сверкавших своими кальсонами, из-под поперх одетых халатов. На несколько часов девочки забывали суровое военное время, тяжёлое материальное положение, а невинные объятия в танцах, вызывали приливы нежных воспоминаний довоенной поры.

В один из вечеров я заметил у стенки одиноко стоявшую девушку. Одетая она была в простенькое платьице – тоненькая, хрупкая, волосы свободно падали на плечи. Пара ребят пытались пригласить её, но она отказывалась и не шла танцевать. Я удивился – зачем же тогда приходиться в клуб, если отказываешься танцевать? Мне она показалась очень красивой, но я, откровенно говоря, не стал испытывать свою судьбу, не пошёл приглашать её на танец – ещё сильно хромотал. Вот так с думами о красивой девушке я вернулся в палату.

В соседней палате лежал лейтенант, у него была оторвана половина стопы, он ждал комиссию и готовился к увольнению из армии. Познакомился я с ним, когда приходил петь песни один или с друзьями. Палатная сестра, ухаживавшая за лейтенантом, полюбила его, и они уже окончательно договорились пожениться, как только его комиссуют. Петя, так звали лейтенанта, пригласил меня сфотографироваться на память.

Когда мы сели перед аппаратом, прибежала Петина невеста, звали её Галя. Вот так я оказался, как бы сватом зарождающейся семьи. Галя говорила – когда война кончится, неизвестно, кто из мужчин останется, и какими они вернуться домой, трудно сказать, а для Пети сделают протезик, и они будут нормально жить. Может оно и так, трудно спорить, ведь у Пети и Гали возраст такой, если долго ждать, то могут и перезреть. Одним словом, пожелаем им счастливой жизни. |Вот такова история этой фотографии.

В тот вечер я появился в клубе почти к окончанию танцев, и каково же было моё удивление, когда на том же месте, как и в прошлый раз, увидел одиноко стоящую, ту самую тоненькую, хрупкую, простенько одетую девчонку. Мне стало приятно, что она, про которую я думал несколько дней, здесь. Ещё музыку не включили, а девушка пошла по направлению к

выходу. Я взглянул - далеко ли дверь, оказалось, что я стою почти рядом. Как всегда последним объявляли дамский танец, я не оговорился.

Дамский вальс не говорили, так как «в вихре танца» никто не кружился, а под любую музыку все ходили пешком. Вот и сейчас объявили: «Дамы приглашают кавалеров». Девушка резко повернулась от двери и, подойдя ко мне, сказала: «Пойдёмте». Мы действительно ходили по залу, она как-то изучающе смотрела прямо в лицо, а мне было приятно от её прикосновения. Она задавала обычные вопросы - как самочувствие, как нога, когда выпишут, почему пропустил много вечеров. Пока я подыскивал нужные слова для ответа, девушка остановилась, сказала: «Простите, мне пора уходить, вот моя сестрёнка, я прихожу её встречать». Оказалось, что она приходит встречать свою старшую сестру, а не на танцы. Галя даже руками всплеснула, увидев меня со своей сестрой. Вот это встреча, - воскликнула она. Мы познакомились. Когда я назвал своё имя, мне показалось, что она, моя новая знакомая, повторила его, и я в свою очередь подтвердил - да Александр. Мы даже рассмеялись, когда разобрались, что мою новую знакомую звать, как и меня - Александра. Галя стала рассказывать про фотографию со мной и её будущим мужем. Мне даже стало неудобно, когда Галя начала расхваливать меня, как певца. Моя новая знакомая Александра пообещала прийти и послушать мои песни. Ко мне в палату Саша не пришла, так как меня отправили на заготовку дров. Наша встреча состоялась через месяц, когда я вернулся с заготовки дров в госпиталь.

Был установлен такой порядок - перед выпиской из госпиталя каждый проходил медкомиссию. Вот на такую комиссию и пригласили меня. Кто-то из членов комиссии спросил меня, не надоело ли мне в госпитале за эти семь месяцев. Вопрос был явно провокационный, ведь все видели меня не бледнолицей поганкой, а загоревшим, пышащим свежестью и здоровьем, совсем не похожего на бывшего раненого больного. По его мнению, пора была со мной уже давно расстаться. Я не знаю, откуда у меня возник такой ответ, и я его ляпнул: «Нельзя обидеть персонал госпиталя, мне здесь было очень хорошо, четыре операции за эти месяцы, поставили меня на собственные ноги». Некоторые члены комиссии улыбнулись, приняв моё высказывание за явный подхалимаж. Председатель комиссии объявила: «Мы вас выписываем в часть на строевую службу».

Уже в палату мне принесли документы: Красноармейскую книжку (предписание – явиться в горвоенкомат не позднее 20 апреля 1943 года) и две справки о пребывании в госпитале.

СПРАВКА.

Дана Леонову Александру Пркопьевичу 1921 г. рождения в том, что он находился на излечении в эвакогоспитале № 3313 с 25 сентября 1942 г. по 16 апреля 1943 г.

Время заболевания или травмы: 18 сентября 1942 года получил слепое осколочное ранение левого бедра и левой ягодицы. Диагноз: окрепший рубец в области большого вертела левого

тазобедренного сустава и в области левой ягодицы. Движение в конечности свободное. Постановление комиссии: Здоров, выписан в часть на строевую службу.

Начальник медчасти Эвакогоспиталя № 3313 Соколова.

Получив такую справку, я даже удивился, как долго меня волокли от Сталинграда, до Саратова - целых семь дней - с 18 сентября до 25 сентября, хотя там расстояние не такое уж большое. Значит, какие-то препятствия были на моём пути в госпиталь. Фактически я ранен был 17 сентября, целую ночь пролежал на берегу Волги и уже 18 сентября попал в руки медиков. Вот откуда идёт отсчёт продолжительности моего лечения.

Выводы комиссии меня не удивили. Я знал и понимал, что другого пути просто нет, одна дорога - на фронт. Меня заставляло задуматься – какая же участь меня ожидает, как меня примут новые товарищи. Новое всегда неизвестное, оно немного пугает. Вот, если бы назвали 651 -ый, мой родной полк, я, не задумываясь, вернулся бы туда к своим товарищам. Ведь не может быть, чтобы все погибли, кто-то же должен был остаться живым. И он там служит. На этом мои фантазии прекратились, я обратил внимание на предписание, где было написано – прибыть в Саратовский горвоенкомат. Я знал, что там формируются маршевые роты, солдаты которых идут на доукомплектование частей, имевших боевые потери.

Меня отвлекла от этих мрачных мыслей Галя – будущая жена лейтенанта Пети. Она уже успела узнать, что меня выписывают. Прочитав предписание, Галя спросила – когда зайдёшь проститься с Сашенькой. Я с удивлением посмотрел на Галю и в свою очередь спросил, а где я могу увидеть Сашу? «Сиди и жди меня, через час я отведу тебя к ней», – сказала Галя и ушла.

Мне уже не сиделось на одном месте. Попытка написать письмо маме окончилась неудачей, мысли разбегались, и я решил отложить письмо, пока не выяснится моя судьба в военкомате. Правда, и здесь появились сомнения: а вдруг в военкомате дадут команду – «выходи строиться и шагом марш» – когда и где смогу написать письмо? Однако, с письмом я отложил.

Тяжело больным начали приносить обед, значит, и мне пора идти в столовую, которая находилась на первом этаже. Помещение столовой размещалось рядом с кухней, поэтому обеды здесь приносили горячими, не то, что в палате. Почти никогда я не видел, чтоб в столовой все места были заняты. По всей вероятности, многие питались в палатах, а может быть, медицинская комиссия работала так оперативно, что места постоянно освобождались. Действительно, здесь всё было поставлено на поток, раненые как на конвейере двигались от приёмного отделения, через операционные к комиссии на выписку. Это со мной получилось недоразумение. Если бы в день прибытия у меня обнаружили осколок, то уже через месяц я был бы вновь в Сталинграде. Фронт требовал людей, туда прибывали и те, кто немного прихрамывал.

Кормили нас, как всегда говорят, нормально. И в самом деле – ведь солдатская пища калорийна и полезна, а вкус зависит от поваров, наши повара готовили вкусно. Я всю жизнь был брезгливым, разборчивым в пище, но уж если у меня плечи раздались вширь, а шея и лицо готовы

лопнуть, то значит, кормили меня вкусно. Вот и сейчас обед был вкусным, но мои заботы повлияли на мой аппетит, я немного поковырялся в тарелке и ушёл в палату.

Галя уже ожидала меня. «Если хочешь видеть мою сестру, – сказала она, – собирайся, я тебя провожу». Дорогу туда я бы сейчас не нашёл, но улицу хорошо помню – Неглинная, номер дома нечётный - 19. Саша была дома, она только что вернулась с работы. Встретились мы как самые, самые близкие после долгой разлуки. Даже Галя с удивлением произнесла: «Ну и присосались». Может не сразу, а позднее в моём сознании возникла картина нашей встречи и Галина реплика. Что случилось, какая сила заставила, бросила нас с Сашей друг другу в объятия. Ведь мы виделись всего два раза, а разговаривали только один раз.

Жили две сестры с матерью в двухкомнатной квартире в деревянном доме. Комнатки были маленькие, уютные. Русская печь обогревала обе комнаты, и в этой же печи готовили еду точно также, как мама в Прокопьевске на Партизанской улице и в деревне Берёзово.

Сашу интересовало всё, на её вопросы я не успевал отвечать, пришлось рассказывать не только про себя, но и про маму, братьев, про отца и его судьбу. Про себя Саша рассказала очень сжато - живут втроём, мама больная, папы нету. Сама Саша работает на спичечной фабрике старшим лаборантом. И своё повествование, закончила словами: «Наша работа в том, что мы спички серим». Вот так она рассмешила меня.

19 апреля Саша рано убежала на работу. В оставленной записке предупреждала меня, что вернётся через пару часов, просила не уходить, ждать её... Она отпросилась с работы на 20 апреля, чтобы проводить меня. Но оказалось, меня в тот день никуда не отправили. Пытался узнать – а почему так? Но получил небрежный ответ: «Ваша команда ещё не сформирована, приходите завтра».

Отсрочке на одни сутки больше всего обрадовалась Сашенька, она как птичка-невеличка зачирикала, непрерывно повторяя - как хорошо, как хорошо, как хорошо. На обед и на ужин в солдатскую столовую Саша меня не отпустила, мы как порядочная семья ели из одной тарелки, приготовленные ею обед и ужин. Стук наших ложек в одной тарелке мне напомнил моё детство, когда наша большая семья один за другим черпали ложками суп из большой миски. Я рассказал об этом, и Саша была довольна своей выдумкой, вызвавшей воспоминания из моего детства. Мне пришлось рассказать анекдот про – «не зевай» и «не вылавливай». Саша радовалась, выкрикивая – «не зевай» – «не вылавливай», и рукой изображала как будто бьёт меня по голове. Сашина раскованность передалась и мне. Я веселился не думая, что меня ждёт в ближайшем будущем.

Весь вечер Саша требовала от меня петь песни, сама же отказывалась петь. Правда, в отдельные моменты помогала мне, и у неё получалось так хорошо, что я подумал, а у неё получается ведь лучше, чем у меня. В Поволжье, да и в самом Саратове живёт самый голосистый

народ, особенно женщины. Саше очень понравилась песня – «На станции нашей перрон и вокзал».

Она записала эти слова.

*На станции нашей перрон и вокзал,
 На станции нашей любви я не знал,
 На станции нашей туда и сюда
 Бегут паровозы, спешат поезда.
 Один раз в солнечный день весной
 Из центра примчался экспресс голубой.
 И вот из вагона под номером пять
 Транзитная девушка вышла гулять.
 Я помню сирени пушистый букет,
 Белая кофточка, жёлтый берет,
 Нежный как бабочка тоненький стан
 В блеске своём предо мною предстал.
 Словно звезда опустилась с небес,
 К ней проявил я большой интерес,
 Но не успел я волнение унять
 Поезд ушёл, где её мне искать.
 На станции нашей перрон и вокзал,
 На станции нашей любовь я узнал.
 Теперь каждый день прихожу я сюда
 Встречать, провожать, ожидать поезда.
 Где ж эта девушка, где мой покой,
 Где тот вокзал и экспресс голубой?
 Нет этой девушки, потерян покой,
 Умчался из центра экспресс голубой.*

Песня исполняется на мотив – «Крутится вертится шар голубой». Последние две строчки каждого куплета повторяются дважды. Наконец мы с Сашей исполнили эту песню дуэтом, вроде получилось, но судей не было, и нам оценок никто не выставил.

Утром 21 апреля Сашенька, отпросившись с работы уже ждала меня около военкомата. Погладив её по голове, я отправился за своей судьбой. Судьба на редкость оказалась благоприятной, команда № 5, в которую я включён, и которую я должен сопровождать, направляется в город Тамбов в артиллерийское училище. Сашенька от радости чуть не задушила, обнимая меня. Я сразу вспомнил маму, это она и никто другой, помогает мне идти по жизни, оберегает меня. Об этом я сказал вслух, и Саша заявила, что и она теперь будет помогать мне.

В 10 часов с товарной станции Саратов-1 к какому-то грузовому составу прицепили товарный вагон, и мне с командой 15 человек предстояло трястись на голых досках до Тамбова. С Сашей мы распрощались заранее, она не хотела проявлять свои чувства нежности ко мне на глазах у моих попутчиков. Ведь солдаты в этих случаях бывают беспощадными, начинают свистеть, выкрикивать всякие нелепости, смеются во всё горло, а что ты с ними сделаешь? Для них, бывших фронтовиков, как говорится, море по колено. Лучше всего не давать повода для таких насмешек, решили мы с Сашенькой.

«Целый год после окончания войны, – сказала Саша, – я буду тебя ждать, а дальше не взыщи. На письма твои всегда отвечу, только чаще пиши». Вот так я расставался с девушкой,

полюбившейся мне как-то внезапно, совершенно неожиданно. А будет ли ещё встреча и когда? С этими думами я влез в открытые двери товарного вагона. Сашенька стояла несколько мгновений спокойно, пока эшелон набирал ход, а потом, приложив правую руку к своим губам, повернулась и, не оборачиваясь, скрылась за стоявшими на путях вагонами.

Солдаты, мои попутчики, от вопросов, от комментариев воздержались, видимо, поняли, что у меня с Сашенькой были серьёзные взаимоотношения и, хотя грустное, но не печальное расставание. Лучше не вмешиваться в мои дела, – так понял я их.

Лежать на голых досках, да ещё когда тебя постоянно подбрасывает на стыках рельсов, было утомительно и больно. Мне думалось, что за эту дорогу я расстрясусь всё то, чторосло у меня в госпитале. Постепенно мои мысли вернулись к последним дням и, конечно же, к Сашеньке. Мои признания в любви к ней были искренними, перед её красотой я не мог устоять и вот сейчас, лёжа на этих безжалостных досках, сожалею о ещё многих не высказанных ей словах.

В Тамбове нас встретил представитель училища. В казарме он указал место для отдыха. Это оказался обыкновенный учебный класс, на столах которого предстояло перебиваться до утра. Время было около 12 часов ночи, терпеть предстоит ещё долго.

Как-то само собой у меня вырвались слова из песни «Раскинулось море широко», и я начал петь. Мне показалось, что я пел очень громко, чуть-чуть не срываясь на самой высокой ноте. Пока я пел, класс заполнили солдаты из других комнат, наверное, тоже прибывшие в училище. Концерт из одной песни закончился без аплодисментов, правда, одобрительные голоса были и они сопровождались вопросами, кто он, откуда он?

«Утром перед всеми прибывшими выступи», – сказал капитан Голубь, участник войны, раненый – так он называл себя. На груди у него блестел орден Боевого Красного Знамени. В то время такие ордена давали очень редко и за большие заслуги, он по своему значению стоял вторым после ордена Ленина.

Из беседы стало ясно, что мы прибыли на курсы младших лейтенантов Приволжского Военного округа. Срок обучения 6 месяцев. На курсах будет создана одна батарея, состоящая из четырёх взводов. На период шестимесячных курсов батарея будет подчиняться начальнику Тамбовского пехотного училища. Размещаться будем на отдельной территории, почти на самом берегу реки Цна по улице Студёная № 1. В нашем военном городке есть все условия для нормальной жизни и учёбы (артиллерийский и автомобильный парки, плац для занятий по огневой и строевой подготовке, проведения спортивных мероприятий). Казарма общетипового проекта, как и во всех военных городках. На первом этаже – большая столовая. Значительную часть первого этажа занимали учебные классы. Несколько классов было обустроено на втором этаже. Металлические кровати размещались в два ряда, «ноги к ногам» по всей длине казармы, но по ширине занимали только половину казармы. На второй половине происходили всевозможные

построения. Соломой набитые матрасы и подушки служили отличными перинами, только утренние подъёмы нарушали наш безмятежный сон.

Официальным началом занятий считалось 1-ое мая. В оставшиеся дни апреля происходило распределение по отделениям и взводам, переодевание в новую форму, санитарная обработка и другие мероприятия по подготовке к началу занятий. Меня назначили командиром орудия, как уже воевавшего в этой должности в Сталинграде, а это дополнительная нагрузка, дополнительная ответственность, даже в самоволку не удастся сбежать.

Чтобы обрадовать маму, что я жив и здоров, недостаточно было отправить голое письмо, нужно было «вещественное» доказательство. Таким доказательством явилась фотография, на которой я уже курсант Тамбовской школы младших лейтенантов.

Вроде здесь я выгляжу значительно моложе, чем на предыдущих госпитальных, а секрет молодости кроется в самой военной службе и как её отражение - в военной форме одежды. Прежде всего, я лысый, а если прибавить ещё пилотку набекрень, да мою полуулыбку, – вот весь набор молодости. Новая гимнастёрка, белый подворотничок, погоны со знаками отличия «сержанта» делают меня солидным воином.

Письмо с этой фотографией вызовет у мамы двойственное чувство. Прежде всего, она будет безмерно рада, что я жив и здоров, что я на своих ногах и продолжаю службу в армии. А вот чувство досады и несбывшейся мечты о встрече со мной, о моём приезде на побывку после госпиталя ещё долгое время были кровоточащей раной в сердце моей мамы. Каждый раз, когда я находил время для писем, непременно писал и моим братьям Владимиру и Ивану.

Заместителем командира батареи по политчасти был лейтенант Кац. Я понял, что он имел какое-то музыкальное образование, так как после политзанятий и политинформаций ничем не занимался, кроме музыки... Он имел свой класс, в нём стояло пианино и оттуда часто слышалась музыка. По собственной воле или по указанию командира батареи занимался комплектованием курсантского хора. Он приглашал к себе на прослушивание всех курсантов, в том числе и меня. Ещё в госпитале я «заразился» пением, я хотел петь и с удовольствием записался в курсантский хор. Кроме того, меня соблазняли льготы, которые предоставлялись участникам хора. Они освобождались от несения караульной службы, дежурства по столовой, по казарме и от множества хозяйственных работ. Хор собирался три раза в неделю, в основном мы разучивали военные песни. Полный репертуар был распределён на нескольких солистов, надо сказать, что среди них были ребята с музыкальным образованием и имели хорошие голоса. На первых же репетициях лейтенант начал сдерживать меня: «Не кричи ты так, порвёшь голосовые

связки! Не плохо было бы тебе ещё до армии получить музыкальное образование, – сказал он, – а здесь не консерватория, многому не смогу научить». Тем не менее, из хора не прогнал, наоборот, назначил меня запевалой, как теперь говорят, солистом, в двух песнях. Несколько раз он приглашал меня на индивидуальные репетиции, иногда был доволен, а иногда говорил, «необузданная ты лошадь». Много позднее я узнал, что руководитель нашего хора не простой лейтенант, это звание ему присвоили после окончания консерватории, а на самом деле он композитор. Его музыка звучит в песнях: «Дай руку, товарищ далёкий», «Шумел сурово Брянский лес», «Сирень цветёт» и др.

Просьбу Сашеньки писать письма чаще я выполнял добросовестно, даже мне показалось, что со стороны солдата такое обилие писем может показаться перебором, но мне было приятно читать её ласковые письма и отвечать на них. Сашенька каждый раз задавала вопросы, а я отвечал на них, поэтому здесь перебора не могло быть. Наверное, в августе месяце я написал, чтобы Сашенька приехала на пару дней ко мне в гости. «От гостиничного номера, или от комнаты у твоих знакомых, не откажусь, но только не в таком вагоне на соломе, в каком ты уехал из Саратова», – так мне ответила Сашенька. Позже в нескольких письмах она извинялась, что так грубо ответила на моё, как она выразилась, искреннее желание встретиться.

Если по-хорошему, то, конечно же, мне надо было сперва найти подходящее место, где принять гостя, а потом уже делать вызов. Но я видел и другое, когда к некоторым курсантам приезжали гости. Наш командир батареи капитан Голубь не препятствовал встречам с родными, он охотно помогал найти комнату у вольнонаёмных женщин, работавших в нашем городке. Но как я мог представить своего гостя? Ведь по документам мы не родня, а просто знакомые. Но я всё-таки уверен, если бы Сашенька появилась на пропускном пункте нашего военного городка, капитан Голубь поверил бы, что нам надо встретиться. Второй раз я не пригласил, а Саша не проявила инициативу, так мы и не встретились.

У меня остался какой-то неприятный осадок, письма писала и пишет такие ласковые, а для встречи нужны особые условия. А как же понимать слова из вечного спутника влюблённых: «с милым и рай в шалаше»?

Теоретические занятия по артиллерийской стрельбе мне пришлись по душе. Тригонометрические функции я ещё не забыл, хотя уже прошло три года, как мы с Иваном Васильевичем на шахте Манеиха, решали практические задачи с помощью логарифмов. А здесь таких занятий было слишком мало, нас ведь готовили к стрельбе прямой наводкой по танкам и живой силе противника, где тригонометрические расчёты не требовались. Стрельба прямой наводкой отрабатывалась на тактических занятиях и учениях, – вот где мы проводили основное учебное время. После завтрака выкатывали на своих руках в поле наши 45 мм пушки и разыгрывали всевозможные варианты наступательных и оборонительных боёв. Благо, наш

военный городок находился рядом с рощами и полями на окраине города Тамбова, поэтому боевые задачи мы получали сразу за пределами КПП городка.

На обед возвращались потными, грязными, измученными от постоянного перемещения (перекатывания) наших орудий за (условно) наступающей или обороняющейся пехотой. Из шести месяцев, самое малое 70 % учебного времени, отводилось на такие вот тактические занятия.

Представление о награждении меня медалью «За Оборону Сталинграда» было сделано уже на курсах, когда заполняли мои анкетные данные. Медаль поступила на курсы в начале июля, вручили мне медаль 15 июля 1943 года. Само награждение проходило в торжественной обстановке в клубе пехотного училища. Медаль вручал член Военного Совета Приволжского Военного Округа, какой-то генерал. Участников сталинградской битвы оказалось всего человек 20, а из нашей батареи – всего 6 человек. Награждённые ходили как герои, медали сверкали на груди, нам завидовали, а мы были безмерно счастливы.

Кажется, в июле месяце по всей стране проводилась кампания по подписке на Государственный займ. До войны подписную компанию возглавляли пропагандисты и агитаторы, выступавшие с пеной во рту и призывавшие каждого труженика подписываться не менее чем на средний месячный заработок. Теперь, когда идёт такая страшная война, подписка на один оклад считалась унижительной. И у нас на курсах проходила такая кампания. Военные люди понимали важность и значение займа для обороноспособности страны, поэтому нас, курсантов, собравшихся на митинг, не нужно было долго агитировать. Первый выступивший как бы предложил минимальную рамку подписки – 150 % от месячного оклада. Вот тут и началась игра, - а кто больше. Дело дошло до 300 %. Если бы сейчас поднять протоколы того митинга, то моя фамилия красовалась бы в числе тех, кто изъявил желание подписаться на 300 %. Правда, когда я прибыл на фронт, там меня не спросили о сумме, на которую я подписался, и денег с меня не удерживали.

В сентябре 1943 года наши войска вели тяжелейшие бои с немцами на Днестре. На правом берегу Днестра немцы создали мощные укрепления, и неоднократные попытки форсировать эту водную преграду нашим войскам не удавалось. Видимо, не от хорошей жизни в Тамбов прибыли представители фронта для вербовки добровольцев на Днестр. Я не знал, для чего была дана команда на построение. Когда батарея была выстроена, к нам обратился представитель - вербовщик. Ясное дело, его задача - сыграть на патриотических чувствах курсантов и, как говорится, добровольно-принудительно заставить нас уехать на фронт.

Командир батареи капитан Голубь без агитации, просто дал команду: кто хочет добровольно пойти на фронт, два шага вперёд. Из сотни курсантов вышли из строя человек 20-25, среди них и я. Вербовщик начал записывать добровольцев. Я стоял на правом фланге, а записывать стали с противоположного от меня фланга. Вдруг командир батареи оставил вербовщиков одних и ускоренным шагом приближался к правому флангу, внимательно заглядывая в лица добровольцев. Я видел, как командир батареи возвратил в общий строй

нескольких добровольцев, но я не придавал этому никакого значения. Поравнявшись со мной, командир батареи чуть ли не ударом в грудь возвратил меня в строй. Его губы что-то говорили, но что - я не слышал. Не от удара в грудь, а, видимо, оттого, что я совершил непоправимую ошибку, меня охватил нервный шок, меня трясло.

Капитан Голубь был истинным патриотом, об этом я уже говорил, но он был против добровольно-принудительного набора курсантов в действующую армию, ведь нам оставалось учиться всего лишь один месяц. Через месяц каждый из добровольцев не только сам пошёл бы штурмовать немецкие укрепления, но и повёл бы за собой целый взвод солдат, в этом можно было быть уверенными.

Капитан Голубь выдёргивал из строя, наверное, тех курсантов, с которыми успел ближе познакомиться за эти месяцы. За руку с командиром батареи я не здоровался, но он меня хорошо знал. Один или два раза в месяц капитан Голубь проводил совещания с командирами орудий, а нас было всего 16 человек. Мой орудийный расчёт, да я и сам всегда были в числе передовых, кроме того, я - участник художественной самодеятельности. Видимо, вот это всё и заставило командира батареи вернуть меня в строй.

Целый день меня не покидало дурное самочувствие, я пытался разобраться, как надо было поступить. Как патриот, я поступил правильно, а как сын, мать которого стоя на коленях ежедневно просит Господа Бога спасти меня, сохранить мне жизнь, наверное – предательски. Но мама не приняла это моё предательство, и который уже раз отвела от меня беду.

Добровольцы писали письма о событиях на Днепре. При форсировании Днепра многие остались живыми, награждены высокими наградами. Одному было присвоено звание Героя Советского Союза – посмертно. Его фотография, взятая из личного дела, была вывешена с некрологом прямо в казарме.

В конце октября нам устроили экзамены. Я сомневаюсь, что кто-то мог не сдать экзамены. Никто не был отчислен за неуспеваемость. Может быть и был формальный подход, но что делать, ведь присваивали-то не генеральское звание, а всего-навсего, как мы говорили «маленького лейтенанта». Только по артиллерийской стрельбе были даны письменные задачи. Как когда-то в школе, каждому вручили бланк со штампом курсов. Все решения нужно было делать на этом листе, в качестве черновика можно было приложить чистый лист без штампа. Если бы предоставилась такая возможность взглянуть сегодня на эти мои листы, вот было бы здорово. А ведь моё личное дело хранится в пенсионном Управлении М О России, и на нём стоит надпись «постоянный срок хранения».

По остальным предметам проводилось собеседование, и выставлялась оценка. А предметов было много: политподготовка, матчасть орудия и стрелкового оружия, противохимическая защита, тактическая подготовка, артиллерийская стрельба прямой наводкой и

с закрытых огневых позиций, дисциплинарный устав и уставы внутренней и караульной служб. Вот только одно перечисление предметов обучения говорит о том, что нас всё-таки учили.

В связи с этим мне вспомнился один анекдот. Идёт экзамен в военном училище. Курсант берёт один билет, но ответа не помнит, просит разрешения взять второй билет. Опять ответов не помнит и просит разрешения взять третий билет, но и над третьим билетом задумался больше положенного времени. Тогда руководитель берёт зачётную книжку и говорит: «Вот вам тройка, и вы свободны». На недоуменный вопрос сидевших в классе курсантов, за что же тройка, – руководитель ответил: «Если он ищет, значит, что-то знает». Вот и нам, курсантам школы младших лейтенантов, выставили всем положительные оценки, ведь всё равно мы что-то знали.

Торжественное собрание в связи с окончанием курсов и присвоением воинского звания «младший лейтенант» с вручением погонов состоялось 30 октября 1943 года в клубе пехотного училища. Как и положено, с приветственными и напутственными речами выступали генералы и полковники из Приволжского Военного Округа. Большие начальники умеют говорить, их слова глубоко проникают в сознание и вызывают готовность беззаветно служить Родине. Большой зал пехотного училища был заполнен, что называется, до отказа. Приказ о присвоении звания зачитывал какой-то майор, а погоны вручал член Военного Совета генерал Вершинин. Майор называл фамилию курсанта и как бы ты не храбрился, а в такой обстановке поневоле пробирает морозец. Мне показалось, или, в самом деле, моя фамилия прозвучала очень громко, – сержант Леонов. У меня тоже, очень громко, вырвалось – «Я». Как и требовалось, подойдя строевым шагом, я доложил генералу: «Курсант школы младших лейтенантов сержант Леонов». «Теперь уже не сержант, а младший лейтенант, – сказал генерал, – поздравляю вас!» Я ответил: «Служу Советскому Союзу!».

После торжественного собрания был объявлен перерыв, во время которого я сменил сержантские погоны на офицерские. Погоны были полевые-тряпочные, в таком виде их носить нельзя, если хочешь выглядеть более-менее прилично. Внутри погонов нужна пластмассовая пластинка, тогда погоны младшего лейтенанта будут казаться майорскими.

Затем состоялся концерт художественной самодеятельности. В концерте принимали участие курсанты пехотного училища, наш хор и отдельные исполнители. Наш хор открыл вечер исполнением песни «Вставай, страна оромная, вставай на смертный бой». Солистом был Коля Барабанов, он так отлично владел голосом, что, наверное, ему больше всего аплодировал зал, когда мы закончили песню. «И ещё, – объявил конферансье, – хор младших лейтенантов исполнит песню «Вечер на рейде», солист младший лейтенант Леонов».

Руководитель хора, прежде чем взмахнуть рукой, дал мне своим голосом нужную ноту, я вместе с ним попробовал её и, руководитель одобрительно качнул мне головой.

Первые четыре строчки я пел один, а потом уже хор пел припев.

*Споёмте друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.*

*Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.*

*Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

*А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!*

*Прощай любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

*На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман,
И берег родной целует волна
И тихо доносит баян.*

*Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

Песня была встречена, как говорится, на Ура! Масла в огонь подлил наш командир батареи капитан Голубь. Он сидел в первом ряду вместе с высокими начальниками. Когда аплодисменты утихли, он встал лицом к залу, затем повернулся к хору и несколько раз ударил в ладошки. Руководитель хора лейтенант Кац дал команду – «первый куплет», и взмахнул рукой. Я вновь запел...

*Споёмте друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан...*

*Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

Уже не нам, а нашему командиру батареи капитану Голубю аплодировал зал. Он был действительно Седой, он был действительно Боевой, у него и сейчас блестел на груди орден Боевого Красного Знамени. Чтобы успокоить зал, поднялся со своего кресла генерал и, подойдя к капитану Голубю, обнял его. Они вышли на сцену, сопровождаемые аплодисментами.

Руководитель хора пожал мне руку и добавил, что я не подвёл его. Это для меня была высокая оценка, я был рад.

Песня «Споёмте, друзья» была включена в программу вечера не случайно, ведь после получения звания, каждый уезжал на фронт. Пусть в самом деле это было не завтра, но каждый

знал, ему предстоит ПОХОД. Если нас учили 6 месяцев, то пехотное училище выпускало младших лейтенантов каждые три месяца. И сегодня курсантам пехотного училища, как и нам, были вручены погоны «младших лейтенантов», правда, они получали погоны раньше, чем мы, ведь пехота считается «Царицей полей», а мы всего-навсего «Бог войны».

Концерт продолжался допоздна. После его окончания мы строем, не взирая на то, что уже офицеры, возвратились в казарму. Ночь была сумбурная, многие обменивались впечатлениями о прошедшем вечере, некоторые, заранее обеспечившиеся спиртным, поздравляли друг друга с присвоением офицерского звания, произносили тосты.

Утром 31-го октября было назначено общее построение, все ждали прибытия командира батареи. И вот, когда он появился, вместо команды «смирно» раздались аплодисменты. Мы долго аплодировали, пока сам капитан Голубь не поднял руку, призывая нас к тишине. «Спасибо, товарищи офицеры», – так обратился к нам командир батареи. «Сегодня последнее построение, – сказал командир, – сейчас всем выдадут командировочные предписания, продовольственные и вещевые аттестаты, деньги и вы обязаны будете отбыть по назначению». Вот и слова песни сбылись, – подумал я, предстоит поход и не завтра, а сегодня!

Мне было предписано не позднее 5 ноября 1943 года явиться для прохождения дальнейшей службы в штаб 4-ой Ударной армии, Калининского фронта. Пункт назначения был указан ориентировочно - Вышний Волочёк.

Я очень сожалел, что не удалось сфотографироваться, а там, на фронте - когда удастся и удастся ли вообще. Хотелось вместе с письмом отправить маме и фотографию, но что поделаешь, всё равно письмо будет нерадостным. Одно слово «фронт», вызовет у мамы душевную боль и страдания. За прошедшие шесть месяцев мама немного успокоилась, не только она, но и знакомые убедились, что я на своих ногах, и дела у меня идут хорошо, а сейчас вновь слёзы и мрачные мысли. Письма, хотя и короткие, но я отправил всем, прежде всего маме.

До Москвы я добрался без проблем, поезда ходили нормально, а вот до Вышнего Волочка добирался, в основном, на попутных автомобилях. Машины двигались чуть ли не сплошным потоком. Фронт требовал не только продовольствия и снарядов, но и людей. В штабе 4 -ой Ударной Армии, куда я прибыл 3 -го ноября 1943 года, меня очень «обрадовали», показав на карте, куда приблизительно мне ещё предстоит добираться. В выданном мне предписании указано, что я направляюсь на должность командира взвода в 143 -ий истребительно-противотанковый Артиллерийский Дивизион, 154 -ой Стрелковой Дивизии. Срок прибытия – не позднее 6 ноября 1943 года.

мой дивизион.

Не только в крупных населённых пунктах, но и просто рядом с дорогой были организованы пункты питания и отдыха для военнослужащих по пути их следования на фронт.

На карте хорошо видно, где находится этот несчастный населённый пункт Усмынь, а ты попробуй, найди его, ведь указателей с названиями там никто не выставил, всё как после пожара. А найти дивизион было ещё труднее, пушки зарыты в землю и замаскированы, а люди укрыты в землянках и окопах.

В Вышнем Волочке меня предупредили, чтобы я спешил, а то может так случиться, что дивизион придётся долго догонять. Вот это меня больше всего беспокоило. Ночь с 5-го на 6-ое ноября я провёл в пункте отдыха Западная Двина, как мне сказали - это последний пункт, где можно не только покушать и отдохнуть, но и получить сухой паёк. Сухой паёк можно было получить на день, два, но не более 3-х дней. В продовольственном аттестате делается отметка, когда и где получал горячее питание, а если получил сухой паёк, то на сколько дней. Я получил сухой паёк на один день, так как по рассказам военнослужащих, работавших на этом пункте, до моей Усмыни оставалось не более 20 км.

Мои опасения оказались напрасными - не только деревню Усмынь, но и расположение моего будущего дивизиона мне указали регулировщики из комендантской службы. В дивизион я прибыл вовремя. Фанфары и барабаны, конечно же, не звучали в мою честь, но по виду офицеров, находившихся в штабе дивизиона, я понял - моему прибытию были рады. В батареях не хватало самых нижних чинов – командиров взводов. Нас тогда называли «ванька взводный».

Пока я сдавал свои документы, пока меня заносили во все списки, в штаб был вызван командир батареи, в которой мне предстояло проходить службу. Мне не понравилось, как происходило наше знакомство. «Капитан Мусин, вот ваш новый командир взвода, забирайте его, передавайте ему людей и технику, вводите его в курс дела, времени у нас нет, можете идти», – вот

Вот на этой схеме изображён мешок, в буквальном смысле этого слова, в котором находятся наши войска. Немцы стремятся завязать этот «мешок» – окружить наши войска. Но мы не только не даём врагу завершить окружение, но и постепенно расширяем горловину этого «мешка». Мне рассказали, что сейчас уже неопасно, горловина составляет 30-40 км, а несколько месяцев тому назад, было 4 км. Чтобы добраться до моего дивизиона, нужно было спуститься на дно «мешка», вот там есть населённый пункт, или остатки этого населённого пункта – Усмынь, где и нужно искать

так распорядился начальник штаба дивизиона майор, а фамилию его я узнал много позже – Варапаев.

Слова – «времени у нас нет», сказанные начальником штаба, мне запали в голову и, когда мы вышли из штаба, на ходу пожали друг другу руки, командир батареи открыл эту тайну: «Готовится большое наступление, ждём команду. Хорошо, что вы прибыли вовремя, – сказал командир батареи, – сейчас познакомитесь со своим взводом».

Капитан Мусин был рад, что перекладывает со своих плеч на мои такую большую обузу. Если бы не я, то ему в предстоящих боях пришлось бы самому руководить этим взводом. Сказать, что капитан Мусин полностью снимает с себя ответственность за передаваемый мне взвод, было бы неправильно. Всё равно он будет нести ответственность и за взвод и за меня, но уже теперь ему легче.

Командиру батареи доложили, что батарея построена. Солдаты уже были в курсе, по какому случаю назначено построение, они меня издали уже видели и им, конечно же, было интересно разглядеть вблизи. Я пытался идти сзади, но командир батареи заставил меня идти рядом.

Капитан Мусин по национальности был чуваш, окончил военное училище в 1938 году, но до весны 1943 года работал на оборонном заводе военпредом. По какой причине он оказался на фронте, я так и не узнал. Строевой выучки не имел, но был образованным, культурным, вежливым офицером. Не было случая, чтобы к своим подчинённым он обращался на «ты» – даже тогда, когда можно и нужно было послать этого подчинённого в ад или в рай. Он был старше меня лет на 8, но выглядел много старше своих лет. Ростом он был на целую голову ниже меня, широкоплеч. Полувоенная, полугражданская служба стала проявляться в его, ещё не совсем большом животе, но уже портившим внешний вид капитана.

Формальности знакомства были короткими. «Младший лейтенант Леонов, – сказал командир батареи, – назначен командиром второго взвода. Сейчас командиры орудий представьте своих людей новому командиру взвода». «Первый взвод свободен», – такими словами закончил свою «зажигательную» речь капитан Мусин.

Солдаты первого взвода и их командир лейтенант Калашников остались на месте, их интересовало многое из моей биографии, прежде всего, участвовал ли в боях? Когда я рассказал, что войну начал 22 июня 1941 года, с боями отступал до Сталинграда, после ранения семь месяцев лежал в госпитале. После окончания училища прибыл сюда. Многих интересовало, что с ногой? Я всё откровенно рассказал, вот теперь меня признали своим.

Первым взводом командовал лейтенант, а не младший лейтенант, как я. Ему звание лейтенанта присвоили полгода тому назад. Калашников Алексей, москвич, на один год старше меня, высокого роста, широкоплечий, чёрноволосяый красавец, замечательный парень, весельчак, хорошо играл на гитаре и пел. Мы с Лёшей подружились. Как только позволяла обстановка,

всегда нас можно было видеть вместе. Тогда самыми модными песнями были: «На позицию девушка провожала бойца», «С далёкой я заставы, где в зелени дом и скамья». Или вот – особенно любимая Лёшина песня – «Я уходил тогда в поход, в далёкие края, платком взмахнула у ворот, моя любимая». Лёша постоянно таскал с собой гитару, и мы напевали эти песни. Солдаты принимали активное участие, и тогда война, хотя на время, но забывалась.

Ознакомившись с новым местом, я засел за письма. Пока не началась эта грандиозная «заворуха», нужно было сообщить свой новый адрес. Уже город Тамбов оставался лишь в воспоминаниях, правда забывать я его не собирался, да и было бы грешно его забыть, ведь он – моя судьба. Больше всего я потратил времени над письмом к маме, но какие бы я ни подбирал предложения, а без страшного слова – «фронт» не мог обойтись, надо было его написать. Врать маме я не собирался, поэтому начал издали, как меня тепло встретили на новом месте. Хотя живу не в квартире, а в блиндаже, но на войне он лучше, чем квартира. Много хвалебных слов написал про солдат, с которыми служу. Не забыл написать про блинчики и пирожки, которыми меня балуют мои солдаты. Дела у нас общие, заботы у нас общие, живём по законам фронтовой дружбы, – «один – за всех и все – за одного». Мне очень хотелось обрадовать маму, я написал о деньгах, которые теперь буду высылать ей каждый месяц.

Из средних двух листов обыкновенной школьной тетради нужно было оставить чистой последнюю четвёртую страничку, которая служила конвертом-треугольником. Вот такие письма-треугольники полетели к маме в Прокопьевск, к Владимиру на Колыму, к Ивану в Хабаровск, к Сашеньке в Саратов. Отправляя письмо, надо было вслух или мысленно произнести слова: «Лети письмо извивайся, никому в руки не давайся». Вот теперь можно было быть уверенным, что письмо дойдёт до адресата.

Разве кто-нибудь хотел, чтобы его письмо не попало в руки родного человека, конечно же, нет, значит, говори эти волшебные слова. Кто в шутку, кто всерьёз повторяли эти слова, бросая «треугольники» в сумку почтальона. Меня озадачили такие причитания солдат, и я поинтересовался у некоторых из них. Ответ был самый безобидный: «Все так говорят, может так и надо». И в самом деле, подумал я, любая вера хороша, лишь бы она отвлекала от суровой действительности.

У Лёши была родная сестра Аня, он очень хотел нас познакомить и добился своего, мы с Аней начали переписку. Я помню, первое моё письмо к Ане закончилось: «обнимаю, крепко целую, Александр». Ответ был резко отрицательным на мои объятия и поцелуи, Аня страшила меня за то, что я, ещё не зная её, уже начал разбрасываться поцелуями. Аня была права, и я вынужден был признать свою ошибку.

Солдаты моего взвода - все бывалые ребята, как говорят, окуренные и обветренные дымом войны. Младше меня не было ни одного солдата, а вот по возрасту годных мне в отцы –

были. Особенно один, ухаживавший за мной как за сыном. Звали его Митраков Фёдор. Отчество не запомнил. Такие старички - целое богатство для подразделения.

В нашем взводе - два орудия, две автомашины ГАЗ-АА для буксировки пушек. При движении в кузов автомашины загружаются снаряды, шанцевый инструмент и садятся сами солдаты, а их вместе с командиром орудия – 6 человек. В том орудийном расчёте, где есть такие старички как Дядя Федя, в кузове автомашины можно найти жестяные трубы и железную печку, муку, картофель, посуду с питьевой водой. Вот сейчас, когда вся батарея находится в обороне, можно пройти по землянкам, где располагаются орудийные расчёты и там, где есть старички, будет тепло. Мало того, в этой землянке пекут блины или пирожки, всё это – дополнительное питание для забавы, если можно так выразиться. Солдаты делали поблажку для дяди Федя, подменяли его в карауле, всем было хорошо.

Командир батареи капитан Мусин часто приходил ко мне во взвод, больше всего и подолгу беседовал со мной перед первым моим боевым крещением 6 и 7 ноября. Его, конечно, волновало, как я буду вести себя в боевой обстановке, какие буду принимать решения, когда немцы обрушат на наши позиции ответный огонь. Ведь за мной будут наблюдать мои солдаты, от моих решений зависит успех действий.

Наступление наших войск, о котором говорили ещё 5-го ноября, началось рано утром 8 ноября. Так наше командование решило отметить годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. Началом наступления, как обычно, была артиллерийская подготовка. Все виды артиллерии, начиная от наших 45 мм, и до 152 мм орудий вели огонь по заранее разведанным целям в течение одного часа. От выстрелов и разрывов снарядов содрогался воздух, и дрожала вся земля, в это время по телу пробегали мурашки от радости и гордости за нашу артиллерию. Финалом артподготовки и сигналом для общего наступления наших войск всегда были залпы реактивной артиллерии. После залпов «Катюш» зрелище было потрясающим, у немцев горело всё живое и мёртвое.

Мои две пушки были приданы стрелковой роте и должны были следовать за пехотой. По уставу это называлось «поддерживать пехоту огнём и колёсами». Хотя во время артподготовки многие огневые позиции немцев были уничтожены, однако, когда мы двинулись за пехотой вперёд, то нет-нет да стали появляться из укрытий пулемёты, безоткатные орудия и даже пушки, выставленные на прямую наводку. Если немцы открывают огонь, то наша пехота прекращает движение вперёд, залегает и требует от артиллерии или авиации подавить огневые точки противника. Наверное, это справедливо, куда же пехотинец со своей винтовкой, в лучшем случае с автоматом пойдёт на пулемёт или пушку, стреляющих из укрытия. Не Бог знает, какую свиду грозную силу представляют наши 45 мм пушки, но в данных условиях они незаменимы.

Небольшой вес, маленькие габариты позволяли орудийному расчёту вручную свободно передвигать его на поле боя. Хороший оптический прицел позволял вести огонь на поражение

осколочными снарядами на видимое расстояние 4-5 км. Мои две пушонки попеременно следовали за пехотой. Одна стреляет, вторая передвигается вперёд на 50-100 метров, вот так мы целый день поддерживали пехоту огнём и колёсами. Откуда бралась у меня храбрость, я до сих пор не могу понять, ведь мне приходилось бежать вперёд то с одним, то с другим орудием. Такого со мной больше, до самого конца войны не случалось, а вот здесь, в первом бою порой мне представлялось, что я на тактических учениях в Тамбовском училище. Однако, рядом разрывавшиеся снаряды или свистевшие пули, а также частые крики моих солдат: «лейтенант, ложись», обращали меня к действительности.

За первый день наступления мы продвинулись на 12 км, «мешок», в котором мы находились, был разорван во все стороны. Мы протащили свои орудия по развалинам города Велиж и далее в юго-западном направлении.

С наступлением темного времени бой прекращался. Надо было занять более выгодное место для орудий, оборудовать огневые позиции, пополнить необходимый запас снарядов и вырыть окопы для людей. Хотя дядя Федя при малейшей возможности подкармливал сухим пайком солдат, однако горячей пищи хотели все. Обычно в условиях наступления кухня варит обеды на ходу и передвигается на небольшом удалении от наступающих. Так что горячая пища обязательно попадала солдату в котелок.

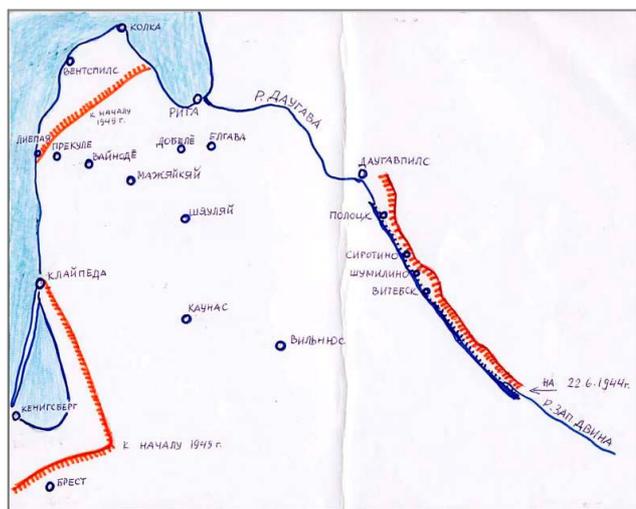
Час или два спустя меня вызвали к командиру дивизиона. Там присутствовал и командир батареи капитан Мусин. «Где вы научились так грамотно воевать?» – спросил меня подполковник. «Я же только что приехал из училища, там меня учили» - ответил я. «Я вас представляю к награждению орденом. А кого из солдат вашего взвода, особо отличившихся, надо наградить?», –спросил подполковник. «Только всех, кроме шоферов», – ответил я.

Командир батареи вместе со мной вышел от командира дивизиона, и мы прибыли к моим солдатам, которые заканчивали земляные работы на огневых позициях. Капитан Мусин крепко жал руку каждому солдату, благодарил всех, что с поставленными задачами мы справились успешно. Когда у капитана Мусина бывало хорошее настроение, он всегда мурлыкал себе под нос какую-нибудь песню. Вот и сейчас еле слышно он напевал «Не упрекай меня без нужды». Ударение в слове «нужды» делалось именно на «у». Других слов я не запомнил, но вот эту первую строчку хорошо запомнил. Если я не ошибаюсь, это были слова из какой-то оперетты.

В середине ноября 1943 года, мне, как впервые получающему деньги, начфин дивизиона разъяснил, – чтобы не таскать с собой деньги, можно их не получать на руки, а перечислять на сберкнижку или оформить аттестат на кого-либо из родственников. До этой встречи с начфином у меня не выходила из головы мысль – как же мне организовать пересылку денег маме, когда я их начну получать. Эта новость меня безумно обрадовала. Я оформил аттестат на маму начиная с ноября 1943 года и у меня как гора свалилась с плеч, теперь я был уверен, что

маме с такими деньгами будет жить легче. А какие деньги мне платили, вот чего не знаю, того не знаю. Думаю, около тысячи.

На этой схеме изображено направление наступления наших войск.

Наше наступление продолжалось до марта 1944 года с небольшими перерывами для пополнения запасов продовольствия и боеприпасов. За это время очистили от немцев города Сураж, Яновичи, Руба, Городок и подошли вплотную к железнодорожным станциям Шумилино и Сиротино, находящимся между крупными городами Витебск и Полоцк на реке Западная Двина.

В марте 1944 года в моей жизни произошли два важных события – мне присвоили

воинское звание «лейтенант» и вручили орден Красной Звезды. Для вручения наград к нам в дивизион приехал командир дивизии – полковник (фамилии его не запомнил). Полной радости у меня не было оттого, что не всем моим солдатам дали награды. Только два наводчика и два заряжающих были награждены медалями «За Отвагу». Такое решение было принято без моего участия, хотя я прекрасно понимал, что наградить весь взвод – 12 человек нереально. Четыре награждённых солдата, да и я пятый, как-то чувствовали себя в роли виновников, даже избегали какое-то время смотреть друг другу в глаза. Я не находил слов, чтобы начать хоть какой-нибудь разговор, но обстановку разрядил, да и меня выручил наводчик первого орудия солдат Сычѳв, сказавший, что медаль заслужил не он, а наши подносчики снарядов. Если бы не они, то чем бы мы поражали цели? Ведь они целый день катили пушку и тащили на себе снаряды. Обстановка оживилась, в разговор вмешались другие награждённые, они стали называть ещё солдат, которые по их мнению заслужили награду больше, чем они сами. Меня обрадовало то, что не было сказано ехидных слов ни в ту, ни в другую сторону. Значит, солдаты в орудийных расчѳтах спаяны фронтовой дружбой. Я предложил выпить наркомовские 100 гр. за то, что все остались живы.

Теперь у меня были две награды: Орден «Красной Звезды» прикреплѳн на правой стороне груди, а медаль «За оборону Сталинграда» – на левой. На моих погонах прибавилось по одной звѳздочке, теперь им вдвоѳм веселее, да и мне приятнее, ведь с этого момента я уже не «маленький» лейтенант, а просто лейтенант. На меня и смотреть-то стали по-другому. Путь от первой до второй ступеньки длиною в шесть месяцев пройден, трудности преодолены, опасностей как будто не бывало. Именно, «как будто» не бывало, потому что опасность на войне преследует тебя постоянно.

О своей большой радости я поспешил сообщить своим близким. Прежде всего маме. Владимиру я написал, что теперь ты, дорогой мой брат, можешь поздравить меня с присвоением

мне воинского звания лейтенант – по-настоящему, а ту фотографию из госпиталя, где я в форме лейтенанта, пусть принимает как тренировочную-примерочную. Одним словом, объяснил, как я фотографировался и извинился за путаницу. Это надо было сделать раньше. Очень жаль, что в письмо не мог вложить фотографию, подтвердить, как я выгляжу в законно принадлежащей мне форме лейтенанта. Вся беда – нет по близости фотографа.

Весна как-то внезапно проявила себя, снег таял не по дням, а по часам. В апреле в Белоруссии дороги становились непроходимыми. Наши автомобили могли передвигаться только усилиями солдат. Благо, что ни немцы, ни наше командование не предпринимали боевых действий. Нам было приказано перейти к активной обороне. Под активной обороной подразумевалось сделать для противника неприступными наши позиции. Предпочтение отдавалось инженерному оборудованию. Прежде всего, как говорилось, нужно глубоко зарыться в землю, укрыть технику и людей, соединить траншеями и ходами сообщения подразделения пехоты с приданными ей артиллерией и танками. Работа предстояла большая, а мы были ограничены во времени. Земляные работы можно было проводить только в ночное время, к рассвету всё должно быть замаскировано.

В апреле 1944 года я получил письмо из Прокопьевска, в котором соседка Галина Григорьева сообщала мне страшную весть. 26 марта умерла моя мама. Я не мог поверить, что моей мамы больше нет и что её не будет уже никогда. Я не мог поверить и не верю по сей день, что та звёздочка, которая, бережно охраняя, вела меня по жизни, уже потухла. Нет, моя любовь к маме, моя память о ней не дадут вечно погаснуть этой звёздочке. Я представил маму стоявшей на крыльце, когда, попрощавшись, вышел за калитку и отправился добровольно служить в Армию 15 сентября 1940 года. Я вижу маму на перроне железнодорожной станции города Новокузнецка, как она достаёт из сумочки 20 рублей и подаёт мне в самый последний момент перед отправкой нашего эшелона на запад 10 мая 1941 года. А вот она целует, крестит, укладывая меня спать в далёком детстве. Вспоминаю тихий шепот мамы, когда она поднимала меня на работу. Где и у кого я найду такую же ласку и утешение, какую мне оказывала моя мама все эти годы.

Меня увидел плачущим с письмом в руках мой друг Лёша Калашников. Прочитав письмо, потащил меня к командиру дивизиона. Я понимал, что отпустить меня в отпуск, тем более, когда после похорон мамы прошло более месяца, нет смысла. Но меня обидело до глубины души, когда командир дивизиона сказал, что отпускать к одному умершему ему не дано право, когда здесь на фронте гибнут тысячи людей ежедневно. Может командир дивизиона и прав, но, думаю, он мог выразиться по другому, не оскорбляя мои чувства, ведь один умерший, это моя мама...

Меня не покидала мысль, как жила последние дни мама, кто и как похоронил её, ведь в Сибири в марте месяце бывают большие снегопады. Снежные сугробы достигают в высоту с

одноэтажный дом. Содержание письма я совершенно не помню, кроме даты смерти мамы. Когда и где пропало это письмо, не знаю, а жаль.

Мои солдаты, узнав о смерти моей мамы, как-то по-особому проявляли свои чувства сострадания. На какое-то время они окружили меня заботой и вниманием больше, чем это было всегда. Утихли песни, анекдоты, весёлый смех не только в моём присутствии, но и когда я уединялся в стороне от орудий. Понимал, что такое состояние не должно затягиваться. Через день или два я побывал у солдат в каждой землянке. Их удивило, что из девяти сыновей с мамой не было ни одного, что хоронили уё чужие люди.

В мае месяце то ранним утром, то вечером стали появляться в разных местах нашего переднего края обороны какие-то группы людей, по внешнему виду они напоминали крупных военных начальников, а одеты были в простые солдатские шинели. Позднее стало известно, что на этом направлении планируется крупное наступление наших войск, а, значит, и малые и крупные командиры обязаны были всесторонне ознакомиться с передним краем обороны противника, рельефом местности, возможными путями подхода и скопления наших войск для атаки. Важное значение в этой рекогносцировке придавалось личному знакомству командиров пехотных подразделений с танкистами и артиллеристами, чтобы ещё до начала боевых действий они могли, как говорилось – «подружиться, а в бою не подвести друг друга». Это не какая-то игра, и мы все поняли и почувствовали, что высокое начальство собирается основательно подготовиться к большой наступательной операции.

В мае и первой половине июня 1944 года в тылу наших войск, на удалении 5-6 км от переднего края, армейское командование проводило тактические учения. Перед участниками учений по аэрофотоснимкам размещали важнейшие объекты обороны противника - траншеи, хода сообщения, огневые позиции артиллерии, склады, резервы, отдельные дома и множество дзотов и пулемётных гнёзд. Основная задача учений – отработка взаимодействия между родами войск, поэтому главными участниками учений были командиры всех степеней, начиная от командиров рот, батарей и до командиров дивизий. Для обозначения действий наших войск привлекались мелкие подразделения. От моего взвода участвовало первое орудие. В ходе учения к нашему орудью подошла целая группа офицеров с командиром дивизии. Командир дивизии лично указал наводчику цель на переднем крае, это был деревянный щит 50 на 50 см. И спросил, сколько ему надо снарядов, чтобы уничтожить этот пулемёт. Наводчик Сычёв ответил, что достаточно одного снаряда. И точно, после первого выстрела от щита полетели щепки. Командир дивизии снял со своей руки часы и вручил их наводчику, сказав, что вот так должны стрелять по врагу все артиллеристы.

В конце мая начфин дивизиона сообщил мне, что деньги, пересылаемые по аттестату моей матери возвратились. Я был возмущён такой плохой работой финансовой службы. Можно было согласиться с тем, что деньги, перечисленные в феврале, могли не дойти за месяц до мамы.

Но почему же ноябрьские, декабрьские и январские деньги не пришли вовремя? Маме были нужны эти деньги, может ей не хватало всего двух-трёх рублей на молоко и хлеб, и она не умерла бы с голоду? Кто же ответит за смерть моей мамы, спросил я у начфина. И сам же ему ответил: «Не списывай, лейтенант, ответственность на войну, только ты и никто другой повинен в этой беде, ты не сделал во время перевод денег».

Немцы периодически обстреливали из дальнбойной артиллерии нашу оборону. Они подозревали, что у нас происходит какая-то перегруппировка войск, но, видимо, конкретных данных не имели. Наши войска подтягивались к переднему краю только в ночное время и сосредотачивались в лесных массивах. Во всех действиях нашего командования чувствовалось приближение начала большого наступления.

20 июня 1944 года день был хороший солнечный, казалось, ничто не предвещало никаких особых перемен в установившемся ритме нашей жизни. Немцы постреливали, мы привыкли к их обстрелам и порой даже не замечали разрывов снарядов. Я переходил от одного орудия к другому, расстояние между ними было порядка 60, 70 метров. Мне оставалось подойти до второго орудия метров 5-6, как почувствовал сильный удар по голове и по спине. Я упал, на меня падали комья земли. После артналёта меня обнаружили мои солдаты, чуть ли не полностью засыпанного землёй. В чувство меня привели только в полевом госпитале в городе Городок. Я потерял слух от рядом разорвавшихся снарядов, но каким чудом меня не изрешетили осколками, осталось для меня тайной по сей день. Только через 22 дня стал возвращаться слух. Посетителей за всё это время у меня не было, я даже обиделся на командира батареи и на моего друга Лёшу Калашникова. На солдат у меня обиды не было, они самовольно не могли оставить свою службу, но кто-кто, а уж Лёша должен был навестить меня. Но всё объяснилось само собой. Я узнал, что через день после моей контузии, наши войска перешли в наступление, форсировали Западную Двину и продолжают успешное наступление. Освобождены Витебск, Полоцк, Минск.

Меня выписали 15 июля с диагнозом «улучшение состояния здоровья». Правым ухом я слышал хорошо, а вот левое ухо пострадало здорово, и я им до сих пор почти не слышу.

У меня были мечты и желания попасть к своим товарищам, об этом я заявил в штабе 6 Гв. Армии, который находился в населённом пункте Городок, почти рядом с поевым госпиталем. Мне отказали, сославшись на то, что 143 дивизион входит в состав другой Армии, в которую меня не имеют права направлять. Мне было жаль моих товарищей, с которыми я воевал более чем полгода, а теперь опять новые знакомства. Кто они, эти новые боевые товарищи, хотелось бы знать, как меня примут - это волновало меня больше всего.

Мне дали направление в 71-ую Гвардейскую Стрелковую Дивизию, в 76-ой Отдельный Гвардейский Истребительно – Противотанковый Артиллерийский Дивизион, который, ориентировочно, должен находиться в районе населённого пункта Дрисвяты, южнее города Даугавпилс.

Местность, где находился дивизион, была болотистой, среди озёр. Вот откуда пришлось выкуривать немцев, подумал я.

Добираться приходилось на попутных машинах, а больше всего - пешком. На попутной машине я познакомился с лейтенантом, он назвал себя Рощупкин Григорий Николаевич. Оказалось, что он добирается из полевого госпиталя тоже в этот дивизион. У него не ранение, а какая-то болезнь, и ему нужно было каждый месяц на одну неделю ложиться в госпиталь на уколы. Забегая вперёд, скажу, что мы с Рощупкиным прослужили в этом дивизионе до конца войны. Осенью 1945 года он был уволен в запас, а в 1964 году мы вновь встретились на совместной работе в автотранспорте.

Когда мы пришли в расположение дивизиона, лейтенант Рощупкин показал мне штабную палатку. Дивизион после тяжёлых наступательных боёв, форсирования Западной Двины, участия в боях по освобождению города Витебск получил передышку и вот уже несколько дней в боевых действиях участия не принимал. Командир дивизиона майор Ромашко Игнатий Куприянович принял меня дружелюбно, ему понравилось, что я успел получить орден «Красной Звезды», что воевал под Сталинградом. Оказывается, дивизион участвовал в обороне Сталинграда, а когда я после госпиталя уехал в Тамбов учиться, дивизион участвовал в боях на Курской дуге. И вот сейчас он вновь в боях, но уже в Белорусской наступательной операции летом 1944 года. Командир дивизиона - боевой офицер, после Курской битвы ему присвоено звание майора. Он награждён многими орденами.

Майор Ромашко предложил мне временно поработать начальником штаба дивизиона, и, если всё будет хорошо получаться, он поставит вопрос о моём утверждении в этой должности. Я замахал руками и ногами, доказывая, что у меня ничего не получится, но командир дивизиона так по-товарищески похлопал меня по плечу и заверил, что если я буду стараться, то всё получится, и он будет помогать.

В штабной палатке сидели: начфин, он же завделопроизводством лейтенант Павлов, делопроизводитель секретного делопроизводства – старший сержант Чернов и один из четырёх писарей, предусмотренных по штату. «Вот ваш новый начальник штаба лейтенант Леонов, – сказал командир, – ознакомьте его с вашей писарской работой».

Начфин лейтенант Павлов посвятил меня в некоторые дела дивизиона. Буквально несколько дней тому назад перевели куда-то бывшего начальника штаба дивизиона, так что должность освободилась недавно. Командир дивизиона и начальник штаба воевали под Сталинградом, участвовали в битве под Курском, у них было много наград, и им одновременно было присвоено звание майора. По штатному расписанию командир дивизиона мог иметь звание подполковника, а начальник штаба – майора. Вот этим двум боевым офицерам стало тесно, начальник штаба стал игнорировать указания своего командира, ссылаясь на то, что майор Ромашко совсем не строевой командир. В этом он был отчасти прав. Но, видимо, на войне ценятся

другие, более важные качества, которые были присущи майору Ромашко, поэтому начальника штаба убрали из дивизиона.

Майор Ромашко извлёк уроки из прошлого, и решил, так я думаю, иметь в должности начальника штаба молодого, малоопытного офицера, из которого можно было, как говорят, вить верёвки. Вот таким оказался я, новоиспечённый начальник штаба. Не зря есть пословица – «не боги горшки обжигают», в данном случае она применима ко мне. Осенью 1944 года, меня утвердили в должности начальника штаба...

В основном мы работали слаженно, дружно. Он уважал меня, а я внимательно присматривался и прислушивался к своему командиру, ведь он был намного старше меня и прошёл службу в армии от командира взвода ещё в мирное время до командира дивизиона, в военное время.

Я не хочу перечислять весь круг обязанностей начальника штаба и тем более хвастаться, что эти обязанности я выполнял полностью. Если коротко, то начальник штаба и его штаб обязаны обеспечить командиру сбор и изучение данных обстановки для принятия решения и управления боевыми действиями и много самых замысловатых задач, изложенных словами военной терминологии. Начальник штаба являлся первым заместителем командира, даже тогда, когда в штате был заместитель командира по строевой части. Только начальнику штаба предоставлялось право от имени командира дивизиона отдавать распоряжения и приказы всем подразделениям как в устной, так и в письменной форме.

Начальнику штаба непосредственно подчинялся взвод управления, в котором были разведчики, телефонисты, радисты, топографы и знаменосцы. Подчинение это было юридическое, а фактически у взвода управления был свой командир, вот он то и подчинялся мне.

Наш дивизион по своей мощи значительно превосходил мой бывший. Вместо 45 мм, здесь были 76 мм орудия, снаряды которых успешно поражали танки противника. Вот основная задача, которую был призван решать и решал дивизион. И ещё одна отличительная особенность моего нового дивизиона состояла в том, что в качестве тягачей для орудий применялись автомобили «Додж три четверти». Они легко справлялись с буксировкой пушек, имели хорошую проходимость, а низкие габариты легко скрывали их в траве от наблюдения.

Передышка закончилась, и дивизион принял участие в освобождении городов Даугавпилс, Рокишкис, а затем участвовал в более чем 100 километровом прорыве на Шяуляй.

В кузове автомобиля ЗиС-5, закреплённого за мной, была установлена обитая жёстью деревянная будка для перевозки моих подчиненных и штабных документов, а также для хранения двух красных знамён (одно красное знамя вручено дивизиону, как отдельной войсковой части, а второе – Гвардейское знамя). Охраняли знамёна три солдата от взвода управления дивизиона. При перемещении штаба солдаты находились внутри машины, а при остановках и во время работы штаба они с автоматами постоянно находились у штабной будки. Большую часть времени штаб

работал в блиндажах, которые для нас оборудовали солдаты взвода управления. Сейчас даже не было вопросов – рыть или не рыть окопы и блиндажи. Не то, что в 1941-42 годах. Если временная остановка, то рыли окопы, а если стоянка более суток, то оборудовали блиндажи, а штабная будка служила нам в часы затишья. Командир дивизиона был в привилегированном положении. Для него была сделана будка во много раз лучше штабной, ему оборудовали отдельный блиндаж, у него был свой повар.

Гвардейское звание присваивается войсковым частям за успешные боевые действия. Нашему дивизиону Гвардейское звание присвоено после Курской битвы. Каждый солдат и офицер получает право называть себя Гвардейцем (Гвардии рядовой, Гвардии лейтенант, Гвардии майор и т. д.) Кроме того, каждому вручается нагрудный значёк «Гвардия», кстати, очень красивый. Всем, кто прибывает для прохождения службы в Гвардейскую часть, это почётное звание присваивалось после шестимесячного испытательного срока. Позже этот срок был отменён из-за текучести кадров в связи с боевыми действиями. Мне не пришлось проходить испытательный срок.

Письменный приказ о присвоении мне звания «Гвардии лейтенант» был зачитан на общем построении личного состава дивизиона, одновременно сам командир дивизиона прикрепил к моей гимнастёрке значёк, после чего, так было предусмотрено, я подошёл к знамени, преклонил колено и поцеловал краешек полотна знамени. Речь не нужно было говорить, ибо не каждый мог от волнения в это время сказать что-то вразумительное. Сама обстановка заставляла волноваться.

В редкие дни затишья ко мне на огонёк заходили офицеры. Бывали случаи, когда после обсуждения важных служебных вопросов переходили к сугубо личным проблемам. На этот раз мы вели разговор о письмах с фронта домой и на фронт. Всего неделю тому назад к нам на должность заместителя командира дивизиона прибыл капитан Рагимов, по национальности азербайджанин. Его внешний вид не оставлял никаких сомнений, что он сейчас встанет во весь рост и пойдёт плясать. Уж такой он был стройный, поджарый, с тёмнобронзовым загаром лица – парень весельчак. Такие люди бывают очень храбрыми, в этом можно было убедиться, глядя на грудь капитана Рагимова, украшенную орденами и медалями. Он поведал присутствующим, что за всю войну ещё не написал ни одного письма своей матери, а ведь уже заканчивался 1944 год. Несмотря на то, что перед нами сидел заместитель командира дивизиона, многие офицеры стали его упрекать за бессердечность к своей матери – старушке. Дело закончилось тем, что капитан в присутствии всех написал письмо своей маме и подал его мне, как бы призвав всех в свидетели о начале переписки с матерью.

Через несколько дней, когда письмо капитана Рагимова было отправлено, его убило. Он погиб на моих глазах. Несколько наших орудий, выдвигаясь на прямую наводку, попали под обстрел немецкой артиллерии. Орудийные расчёты, видимо, растерялись и замедлили движение, а бризантные снаряды рвались прямо над их головами. Капитан Рагимов не вытерпел, бросился к орудиям, его фигура и сейчас стоит перед моими глазами – он успел добежать до одного орудия, и

тут разорвавшийся снаряд над головой капитана разорвал его тело на куски. Как будто по заказу, обстрел прекратился, кроме капитана Рагимова погибли ещё три человека. Вечная им память! Я долго мучился, как сообщить матери Рагимова, или вообще не сообщать о его героической смерти, но не сообщать нельзя было. Чёрные письма мы обязаны были высылать родственникам погибших.

В конце сентября нас переподчинили из 1-го Прибалтийского фронта в Ленинградский фронт, и мы уже участвовали в Рижской наступательной операции. Через два дня успешного наступления наше продвижение вперёд было приостановлено, мы встретили мощное сопротивление у города Елгава, превращённого в последний рубеж обороны на подступах к Риге. В первых числах октября Рига была освобождена войсками, наступавшими с северо-востока, а Елгавская группировка, если не считать отдельных очагов, прекратила своё сопротивление и начала отступать в западном направлении. Преследуя отступающего противника, мы вновь встретили сопротивление немцев под городом Добеле. Мне пришлось взять на себя командование батареей вместо убитого её командира. Недалеко от Добелевской школы, находившейся на возвышенности, наши орудия окопались не как обычно в шахматном порядке, а в виде подковы. Вот в эту подкову и влезли немецкие танки. Огнем справа и слева были подбиты 4 танка, а остальные, дав задний ход, отступили. Все отличившиеся в этом бою солдаты и сержанты были награждены орденами и медалями. Меня наградили орденом Отечественной Войны 2-ой степени.

Сентябрь 1944 года особенно запомнился мне. В этом месяце меня приняли в ряды ВКП (б). Собрание проходило на лужайке, в нём принимали участие не только коммунисты, но и желающие беспартийные солдаты и офицеры. Правда, под желающими надо понимать всех, кого приглашали, а значит, почти весь личный состав дивизиона. Каждый вступающий в ряды ВКП(б) обязан представить три рекомендации от членов партии, имеющих партийный стаж не менее 3-х лет. Мне рекомендации дали Командир дивизиона майор Ромашко, заместитель командира по политической части майор Девятков и парторг дивизиона капитан Морозов. Первыми выступили коммунисты, которые дали мне рекомендации. После их выступления слово предоставили мне. Я начал рассказывать свою биографию, но раздалась возгласы, – «не надо!». Это часто бывает, когда рекомендации были получены от самых высоких начальников. Желающих выступить больше не было. «Кто за то, чтобы тов. Леонова принять в ряды партии, прошу голосовать», – спросил парторг. Ни против, ни воздержавшихся не было. Меня начали поздравлять. Вот с этого дня на протяжении 47 лет я состоял в рядах партии, сперва в ВКП (б), а далее в КПСС. Сейчас иногда я подсчитываю сумму денег, которую выплачивал ежемесячно в качестве партийных взносов. Получается немалая сумма, на хороший автомобиль хватило бы. Может это кощунство, а по-другому и не скажешь, ведь всё оказалось пустой игрой.

Потерпев поражение под Добеле, немецкие войска стали отступать в направлении Салдус, Скрунда, Лиепая. В середине октября 1944 года для преследования отступающего

противника был создан подвижный отряд на автомобилях, в состав которого, кроме пехотного батальона были включены две батареи нашего дивизиона во главе с командиром дивизиона майором Ромашко, одна пулемётная рота станковых пулемётов, инженерно-сапёрная рота, рота химической разведки и защиты, и полковой взвод общевойсковой разведки. Я находился при штабе пехотного полка в резерве с одной батареей дивизиона. Через несколько километров пути подвижный отряд вошёл в лесной массив, на одной из полян которого навстречу отряду вышли около десяти танков. Пехота и все приданные подразделения, оставив машины, залегли. Танки начали расстреливать порожние машины. Командир подвижного отряда только сейчас понял, что без разведки втянулся в лес и поставил под танковый обстрел сотни людей.

Командир дивизиона майор Ромашко, услышав стрельбу и увидев горящие машины, одной батарее приказал развернуться к бою, а вторая батарея на полном ходу выехала на поляну. Орудиям пришлось прямо под огнём танков разворачиваться и принимать бой. Несколько танков были подбиты, но наши орудийные расчёты несли большие потери. Командир дивизиона был ранен, и я получил распоряжение принять командование дивизионом. Вместе с резервной батареей я прибыл к месту боя, где увидел страшную картину. Три орудия были разбиты, около них лежали истерзанные тела наших солдат. С тягачами мы не стали выезжать на поляну, руками выкатывали заряженные орудия на прямую наводку и сходу открывали огонь по танкам. Уцелевшие танки стали уходить в гущу леса, оставив горящими пять танков. Позднее на опушке леса были найдены три танка с подбитыми гусеницами, два танка в полной исправности, но без экипажей. Наши батареи понесли большие потери, убито 7 человек, ранено 5 человек, повреждено 5 орудий, из них три не подлежат восстановлению.

Нашему командиру дивизиона майору Ромашко по чистой случайности удалось остаться живым. Осколок от снаряда попал в пуговицу со звёздочкой на фуражке выше правого уха в висок, повредив только кровеносные сосуды. Ему была оказана медицинская помощь, и он отказался убыть в госпиталь. Неделю он находился под наблюдением нашего фельдшера.

По поводу преступного просчёта командира подвижного отряда был объявлен громкий приказ командира дивизии. Подполковник, командовавший подвижным отрядом, был отправлен в штрафной батальон. Несмотря на большие потери, говорилось в приказе, действия нашего дивизиона оценивались положительно. О самом майоре Ромашко говорилось, что он совершил подвиг, будучи раненым не оставил поле боя. Многие солдаты и сержанты нашего дивизиона, а также мы с командиром дивизиона были награждены. Я получил орден Отечественной Войны 2-ой степени, а майор Ромашко – Орденом Александра Невского.

Конец октября 1944 года. Погода стояла хорошая, успехи на фронте радовали нас, чувствовалось приближение окончания войны, и командир дивизиона в хорошем настроении пригласил находившихся поблизости от штабной землянки людей сфотографироваться.

В первом ряду, самый низкосидящий – это я, начальник штаба 76 ОГИПТАД. Рядом со мной – командир дивизиона майор Ромашко и далее в этом ряду – заместитель командира дивизиона старший лейтенант Анцифиров, прибывший к нам вместо погибшего капитана Рагимова, и самый левый в первом ряду – начфин лейтенант Павлов. Во втором ряду

среди двух женщин - командир батареи, награждённый орденом Александра Невского лейтенант Максимов, а по обе стороны от него – две связистки. Высокая в кубанке – Маша, а маленькая в солдатской шапке – Галя.

Это единственная моя фотография после окончания Тамбовской школы младших лейтенантов. У некоторых солдат и офицеров имелись трофейные фотоаппараты, и у меня были возможности чаще фотографироваться, но я эти забавы откладывал на потом, а сейчас жалею об этом. Как приятно вспомнить всех, кто есть на этом снимке, а не будь этого снимка, многие уже не сохранились бы в памяти. Конечно такую личность, как командир дивизиона майор Ромашка, я не могу забыть. Во многих случаях моя жизнь зависела от него, и он делал так, чтобы я остался жив. Всё, что он делал и сделал для меня, останется в памяти до конца моей жизни.

На железной дороге Шяуляй – Лиепая на территории Латвии есть маленькая станция Вайнёде, недалеко от Литовского города Мажяйкяй. Наше наступление было настолько стремительным, что немцы не успели взорвать железнодорожные вагоны с продовольствием, боеприпасами и даже оставили несколько совершенно исправных 105 мм орудий. В глубоком овраге наши солдаты обнаружили бетонный бункер, в котором находилось много матрацев и одеял. Бункер по своим размерам был способен вместить человек 60-80. Погода была сырая и холодная, на дворе стоял декабрь 1944 года и все, кто располагался вблизи этого бункера, находили в нём спасение от холода и укрывались от артобстрелов.

Наши две батареи под общим руководством заместителя командира дивизиона старшего лейтенанта Анцифирова занимали огневые позиции на танкоопасном направлении вблизи бункера. По указанию командира дивизиона я приезжал в расположение батарей проверить инженерное оборудование огневых позиций, их готовность к возможному отражению танков противника. Мы со старшим лейтенантом Анцифировым заходили в бункер, он нам показался надёжным укрытием не только от артиллерийских снарядов, но и от авиационных бомб.

Мы с Анцифировым договорились о необходимости оборудовать блиндажи у каждого орудия, тем более, что орудийные расчёты имеют свои трубы и печи для обогрева. Не надо рассчитывать на бункер, – решили мы, хотя он и не так далеко. Из переполненного людьми бункера

своих солдат в экстренном случае вызвать не удастся. Надо запретить солдатам спускаться в овраг и проводить время в бункере.

В последующие два дня немцы периодически делали артналёты и, как по команде, народ сбегался в этот бункер. Самый мощный артналёт немцы сделали на третий день под вечер. Когда народ укрылся в бункере, произошёл огромной силы взрыв, сработали мины или фугасы замедленного действия. Огромных размеров бетонные плиты накрыли всех людей, успевших зайти за двери бункера. Наши люди попали в ловушку, не подозревая, что оставленные немцами одеяла и матрацы были приманкой.

Несколько дней подъемные краны и бульдозеры занимались расчисткой завалов, однако результаты были самыми плачевными. Живых людей не удалось спасти. Тела погибших были так изуродованы, что распознать их не удалось. Общее число погибших я не знаю, а из нашего дивизиона пропавшими без вести оказались 6 человек, в их числе заместитель командира дивизиона старший лейтенант Анцифиров Георгий Михайлович.

В начале нового 1945 года наш дивизион принимал участие в освобождении города Приекуле в 30-35 километрах восточнее сильно укрепленной военноморской базы и порта Лиепая. В феврале 1945 года совместно с частями 5-ой, 71-ой 9-ой стрелковых дивизий с севера из направления Скуодас, Салантай наносили вспомогательный удар по сильно укрепленному городу-порту Клайпеда. Имя города Клайпеды было присвоено 16-Литовской Стрелковой дивизии, части и подразделения которой первыми ворвались и очистили город от немцев.

Февраль 1945 года был радостным и для меня лично. Ко мне в штабную будку зашёл командир дивизиона майор Ромашко со своим заместителем по политической части майором Девятовым. Майор Девятов зачитал приказ Командующего сухопутными войсками Советской Армии о присвоении мне звания Старшего лейтенанта, а командир дивизиона достал из сумки погоны с тремя звёздочками и заменил на моих плечах старые лейтенантские погоны на новые погоны старшего лейтенанта. Начфин лейтенант Павлов налил нам по 100 граммов, и мы обмыли новые погоны. Обычно практикуется, прежде чем прикрепить звёздочки на погоны, их бросают в стакан с водкой, виновник выпивает водку, достаёт изо рта звёздочки, потом они находят своё место на погонах. Вот в таком порядке обмывали мои ордена в октябре и ноябре 1944 года. Когда смотришь на другого виновника, вроде так и надо, пусть мучается, но самому вынимать попавший в рот со стаканом водки орден напоминает пытку. На ордене изображена пятиконечная звезда и пять лучей, отходящих от звёзд. И ещё скрестились винтовка с саблей. Все элементы ордена имеют острые окончания, вот и попробуй не повредить рот, заглывая вместе с орденом стакан водки. Какие бы трудности ни приходилось пройти, сам обряд вызывал радостный смех, аплодисменты, поздравления и дружеские объятия. А вот на этот раз мне не пришлось доставать из стакана звёздочки зубами, так как они уже были прикреплены к погонам.

Хотя мамы уже не было в живых, но переписку с нашей соседкой Галиной Григорьевой я не прекращал. Ведь она теперь оставалась единственная в городе, чей адрес знали все мои братья. Только через неё мы могли всегда отыскать друг друга. С Владимиром и Иваном у меня установилась нормальная переписка, а вот судьба Порфирия и Михаила продолжала меня беспокоить. Где они, что с ними, никто не знал. С Сашенькой уже не было той, трогательной души нежной переписки. Правда, я своевременно сообщал ей о себе. Когда мне присвоили звание старшего лейтенанта, то я написал ей, как меня поздравляли, сожалел, что на этих торжествах она не присутствовала. Правда, место встречи уже было бы значительно хуже, чем в Тамбове, – писал я. Товарный вагон с соломой был бы шикарной гостиницей в наших теперешних условиях, но у меня и его нет, выбор ограничен, только землянка. Ответное письмо не заставило себя долго ждать. «Ведь я десять раз просила у тебя прощения, – писала Саша, – неужели ты до сих пор держишь на меня зло? Что я должна сделать, чтобы ты простил мне то моё письмо?»

К весне 1945 года вся территория Литвы и почти 90 % территории Латвии были очищены от немецких войск. Незначительная часть Латвийской территории с городами Лиепая, Вентспилс, Колка ещё удерживались немцами, подступы к ним были подготовлены к длительному осадному положению, и наши попытки овладеть городом Лиепая, не имели успехов.

Наш дивизион 10 апреля занял огневые позиции на танкоопасном направлении западнее города Приекуле 5 км. Перед нами метрах в пятистах в низине протекала река Барта, разделявшая нас с немецкими войсками. Немецкие войска, располагавшиеся на правом берегу реки, были укрыты кустарником и лесом, а у нас была открытая местность. Ни мы, ни немцы активных боевых действий не вели, если можно так выразиться, мы обменивались короткими уколами. На каждый немецкий пушечный выстрел наша артиллерия давала ответный и наоборот.

В ночь на 9 мая нас с командиром дивизиона вызвали к командиру дивизии, там были командиры всех частей и подразделений. Командир дивизии нас обрадовал, заявив, что на западе немецкие войска уже капитулируют. Сообщение командира дивизии все присутствующие восприняли с радостными возгласами и аплодисментами. Все мы понимали, что война приближается к своему завершению, но чтоб так, в один день она закончилась, никто не мог предположить. «Нам предстоит стремительным наступлением, – сказал командир дивизии, – выйти на побережье Балтийского моря севернее Лиепаи, и не допустить эвакуацию немецких войск на кораблях». В этих целях был создан передовой подвижный отряд, в состав которого, кроме многих спецчастей и подразделений, был включён и наш дивизион. Нам было приказано к 10 часам 9 мая занять исходное положение для движения по маршруту Силениеки, Гробиня, Повилоста.

Когда подразделения передового отряда в 9 часов 50 минут подошли к берегу реки Барта, по нам немцы произвели мощный артиллерийский налёт. Офицеры и солдаты, ожидая команды для движения, находились на дороге около своих машин и орудий на открытой

местности и попали под обстрел. Снаряды рвались в самой гуще выстроившейся колонны, раздались крики и стоны раненых. Мы оказались в полном недоумении и растерянности, – вместо ожидаемого мира, – вновь война? Много людей погибло, так и не дождавшись победы всего несколько минут. Как я уцелел в этом крошечном аду, до сих пор не могу понять и объяснить даже себе.

Обстрел так же внезапно прекратился, как и начался, после чего по всему переднему краю обороны немцы подняли белые флаги и всевозможные белые тряпки. Наш передний край буквально взорвался, другого слова я не подберу, мощными криками «Уррра!» и стрельбой из всех видов оружия. Я выпустил одну обойму патронов из своего пистолета, присоединяясь к общему салюту. Настоящий фейерверк возник в небе из разноцветных ракет. Офицеры и солдаты, не стесняясь своих слез, обнимались и целовали друг друга. Оглушительная стрельба продолжалась несколько минут, наши войска салютовали в честь окончания войны и в память о погибших наших боевых товарищах. Нам была дана команда – «Вперёд!».

На пути нашего следования немецкие войска выстраивались в колонны и направлялись нам навстречу для сдачи в плен. Даже не верилось, как быстро они превратились в невинных «овечек», ведь только каких-то полчаса тому назад своими обстрелами они посеяли смерть наших товарищей. Да и сейчас не было никакой уверенности, что среди этих «овечек» не найдётся сумасшедший «баран» и не откроет огонь по нашей колонне. Одним словом, известие об окончании войны ещё не дошло до моего глубокого сознания, да и не только моего. Во время десятиминутных остановок нашей колонны, предусмотренных уставом, феерверки не устраивались, солдаты и офицеры вели себя достойно перед повергнутым противником.

На всём пути нашего движения мы увидели такое скопление немецких солдат, орудий, танков и другой военной техники, что волосы становились дыбом и невольно возникал вопрос, а сколько же надо было ещё положить наших солдат и офицеров, чтобы одолеть эту силу?

На побережье Балтийского моря мы вышли 11 мая. Все орудия нашего дивизиона были выставлены на прямую наводку непосредственно вдоль берега. Но стрелять не пришлось - ни кораблей ни каких-либо других морских объектов нам не удалось обнаружить. Да и куда могли выйти корабли из военно-морской базы Лиепая. Друзей у Германии не осталось, да и храбрецов среди высокого немецкого командования не нашлось, чтобы вывести корабли в открытое море и затопить.

Бурных праздников по случаю Дня долгожданной Победы мы не собирались устраивать. Планировали провести митинг и офицерский ужин. Митинг был назначен на 14 часов 12 мая. Утром 12 мая командир дивизиона изменил своё решение. Отдельно офицерский ужин не проводить. Офицерам участвовать на ужине вместе со своими подчинёнными солдатами и сержантами. Такое решение было воспринято с одобрением подавляющего большинства личного состава. На общем построении дивизиона майор Ромашко поздравил весь личный состав с

Победой. От каждого подразделения выступили по два наиболее отличившихся в боях солдат и сержантов. Минутой молчания почтили память погибших наших товарищей. Солдаты взвода управления дивизиона, выйдя на середину строя, произвели три автоматных очереди по 25 выстрелов. Всему личному составу был предоставлен трёхдневный отдых, так сказать, условно, потому что охранять самих себя, нашу технику всё равно нужно было. Поэтому только тем, кто не занят в несении караульной службы, разрешалось ходить по-домашнему, не соблюдая формы одежды.

Наркомовские 100 гр ещё не были отменены, вот с них и начали отмечать День Победы в подразделениях. Командиры батарей вместе со своими солдатами по-семейному веселились прямо на открытом воздухе, благо, что погода сама радовалась долгожданному Дню Победы. Вот в такой раскрепощённой обстановке всегда находятся свои тёркины, раскрываются солдатские таланты. Плясали и пели солдаты в подразделениях до глубокой ночи. Над побережьем Балтийского моря раздавались песни и музыка, не только из расположения нашего дивизиона, но и из частей нашей дивизии, находившихся рядом.

После митинга командир дивизиона пригласил меня к себе на обед. Я поднялся в командирскую машину. Там уже сидел замполит майор Девятов, а через несколько минут появился парторг капитан Морозов. Обед проходил спокойно, тосты и здравицы произносились без эмоциональных всплесков. Выпили за Победу, за Мир, за здоровье командира и за здоровье каждого присутствовавшего. Такой день не мог обойтись без воспоминаний о войне. Я рассказал о капитане Рагимове, свидетелем смерти которого я был. Оказывается, ни майор Девятов, ни капитан Морозов не знали таких подробностей гибели капитана и были восхищены его подвигом. О каких-то личных подвигах речи не заводили. Все просили командира рассказать что-либо из Курской битвы, но он отделался шутками.

Недалеко от штаба дивизии на поляне 14 мая был организован отбор офицеров для участия в Параде Победы в Москве. Отбором занимался лично командир дивизии Герой Советского Союза подполковник Иноземцев. У него в руках была обыкновенная палочка высотой 180 см. Меня направил на отбор командир дивизиона. Командир дивизии приложил палочку к моей спине. Палочка оказалась ниже моего роста на 5 сантиметров. Командир дивизии промолвил: «Проходит». Мне предстояло прийти к 10 часам следующего дня уже готовым к отправке в Москву. Мне сказали, что я обязан прибыть для отправки остриженным под машинку. Мне это не понравилось, я отказался ехать. Может быть, и приятно было увидеть себя по телевизору шагающим на параде и задрать нос перед родственниками и знакомыми, что вместе с Парадом Победы войду в историю. Но я представил себе, как нужно будет целый месяц тренироваться в строю по несколько часов в день, мои мечты пропали. У меня начинались боли в пояснице, если я хотя бы полчаса проходил строевым шагом. Это история моего участия на Войне и Параде Победы.

Великая Отечественная война, длившаяся 1418 дней и ночей, закончилась полной победой Советского народа над фашистской Германией.

Вечная память погибшим солдатам и офицерам, в этой кровопролитной войне!